

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации,
заведующая Центром публично-правовых
исследований Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор
РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

БУХВАЛЬД Евгений Моисеевич

заместитель главного редактора,
д.э.н., профессор, заведующий
Центром федеративных отношений
и регионального развития Института
экономики РАН

БУКИНА Ирина Сергеевна

к.э.н., ведущий научный сотрудник Института
экономики РАН

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

главный редактор, д.э.н., профессор,
руководитель Научно-исследовательского
объединения Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова

ГОРЕГЛЯД Валерий Павлович

д.э.н., профессор, главный аудитор
Банка России

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

д.г.н., профессор,
директор Северо-Кавказского
научно-исследовательского института
экономических и социальных проблем
Южного федерального университета

ИЛЬИН Владимир Александрович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, научный руководитель
Вологодского научного центра РАН

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

д.э.н., профессор РАН,
главный научный сотрудник Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН

КУРБАНОВ Рашад Афатович

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации, заведующий кафедрой
гражданско-правовых дисциплин Российского
экономического университета
им. Г.В. Плеханова

ЛЕКСИН Владимир Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ЛОБАНОВ Иван Васильевич

к.ю.н., доцент, ректор Российского
экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЫКОВА Людмила Никитична

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

МАЕВСКИЙ Владимир Иванович

академик РАН, д.э.н., профессор, заведующий
Сектором теоретических и прикладных
проблем воспроизводства Института
экономики РАН

МАКАРОВ Валерий Леонидович

академик РАН, д.ф.-м.н., профессор, научный
руководитель Центрального экономико-
математического института РАН

ПОЛТЕРОВИЧ Виктор Меерович

академик РАН, д.э.н., профессор, руководитель
научного направления «Математическая
экономика» Центрального экономико-
математического института РАН

ШВЕЦОВ Александр Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ШАКИРОВА Диана Фаридовна

ответственный секретарь

ОДИНЦОВА Александра Владимировна

ответственный редактор, д.э.н., доцент

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

FEDERALISM

Theory. Practices. History

3 (115), 2024, Vol. 29

EDITORIAL BOARD

ANDRICHENKO Lyudmila V.

Dr. Sc. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Center for Public Law Research
of Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation

BAKHTIZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS,
Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Director of
Central Economics and Mathematics Institute
of the RAS

BUKHVALD Eugeny M.

Deputy Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Center of Federal Relations
and Regional Development of Institute
of Economics of the RAS

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of Institute of
Economics of the RAS

VALENTEY Sergey D.

Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head
of the Research Association of Plekhanov Russian
University of Economics

GOREGLIAD Valeriy P.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Auditor of Bank
of Russia

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor,
Director of the North Caucasus Research Institute
of Economic and Social Problems of Southern
Federal University

ILYIN Vladimir A.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc.
(Econ.), Professor, Honored Scientist of Russian
Federation, Scientific Director of Vologda Research
Center of the RAS

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS,
Chief Researcher of the Institute of Economic
Forecasting of the RAS

KURBANOV Rashad A.

Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Head of the Department
of Civil Law Disciplines of Plekhanov Russian
University of Economics

LEKSIN Vladimir N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher
of Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

LOBANOV Ivan V.

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Rector
of Plekhanov Russian University of Economics

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher
of Institute of Economics of the RAS

MAEVSKIY Vladimir I.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Subcenter of Theoretical
and Applied Problems of Reproduction of Institute
of Economics of the RAS

MAKAROV Valeriy L.

Academician of the RAS,
Dr. Sc. (Physics and Mathematics), Professor,
Scientific Adviser of Central Economics and
Mathematics Institute of the RAS

POLTEROVICH Victor M.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of Scientific Research
“Mathematical Economics” of Central Economics
and Mathematics Institute of the RAS

SHVETSOV Alexander N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of
Federal Research Center “Computer Science and
Control” of the RAS

SHAKIROVA Diana F.

Secretary of the Board

ODINTSOVA Alexandra V.

Executive Editor, Dr. Sc. (Econ.),
Associate Professor

Founder:

Plekhanov Russian University of Economics

СОДЕРЖАНИЕ

○ РЕГИОНЫ И ЦЕНТР	
<i>ГЛИГИЧ-ЗОЛОТАРЕВА М.В.</i> Стратегия пространственного развития Российской Федерации: старые проблемы, новые решения	5
○ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
<i>КРИВОВ В.Д., САМУСЕВИЧ К.А.</i> Статистическая поддержка федеральных и региональных решений по стандарту благополучия.....	24
<i>РАСТОПЧИНА Ю.Л., ТИТОВА И.Н., ЖУКОВСКИЙ А.Д.</i> Устойчивое развитие в региональных социально-экономических стратегиях в Центрально-Черноземном макрорегионе	43
○ БЮДЖЕТНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ	
<i>ЛЫКОВА Л.Н.</i> Итоги первого полугодия 2024 г. для консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации	60
<i>БУКИНА И.С.</i> Состояние бюджетной системы России и потенциал финансирования дефицита федерального бюджета.....	75
○ ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ	
<i>ЛАПТЕВА Е.В.</i> Экономические аспекты развития институтов гражданского общества в позднеимперский период на примере Смоленского дома трудолюбия.....	94
○ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	
<i>АЛАДЫШЕВА Ж.И., БЕРЕГОВЫХ В.В., БРКИЧ Г.Э., МЕШКОВСКИЙ А.П., ПЯТИГОРСКАЯ Н.В.</i> Регуляторное качество в международном обращении лекарственных средств.....	106
○ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ	
<i>ВАЛЕНТЕЙ С.Д., БАХТИЗИН А.Р., БОРИСОВА С.В., КОЛЬЧУГИНА А.В., ЛЫКОВА Л.Н.</i> Развитие социальной среды и хозяйственная активность в субъектах Российской Федерации.....	136
<i>ЗИНЧУК Г.М., СПИЦЫНА О.В.</i> Экономическое развитие крупнейших городов России в условиях демографических вызовов.....	168

CONTENTS

○	REGIONS AND CENTRE	
	GLIGICH-ZOLOTAREVA M.V.	
	Spatial Development Strategy of the Russian Federation: Old Problems, New Solutions	5
○	SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS	
	KRIVOV V.D., SAMUSEVICH K.A.	
	Statistical Support for Federal and Regional Decisions on the Well-Being Standard.....	24
	RASTOPCHINA Yu.L., TITOVA I.N., ZHUKOVSKII A.D.	
	Sustainable Development in Regional Socio-Economic Strategies in the Central Chernozem Macro-Region.....	43
○	FISCAL FEDERALISM	
	LYKOVA L.N.	
	The First Half of 2024 Results for the Consolidated Budgets of the Subjects of the Russian Federation	60
	BUKINA I.S.	
	The Current State of the Russian Budget System and the Potential for Financing the Federal Budget Deficit	75
○	PAST. PRESENT. FUTURE	
	LAPTEVA E.V.	
	Economic Aspects of the Development of Civil Society Institutions in the Late Imperial Period on the Example of the Smolensk House of Diligence.....	94
○	FOREIGN EXPERIENCE	
	ALADYSHEVA Z.A., BEREGOVYKH, V.V., BRKICH G.E., MESHKOVSKIY A.P., BELYAEV V.V., PYATIGORSKAYA N.V.	
	Regulatory Quality in the International Circulation of Medicinal Products.....	106
○	ANALITICAL NOTES	
	VALENTEY S.D., BAKHTIZIN A.R., BORISOVA S.V., KOL'CHUGINA A.V., LYKOVA L.N.	
	Development of the Social Environment and Economic Activity in the Subjects of the Russian Federation	136
	ZINCHUK G.M., SPITSYNA O.V.	
	Economic Development of the Major Cities in the Context of Demographic Challenges.....	168

М.В. ГЛИГИЧ-ЗОЛОТАРЕВА

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Действующая Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. не решила ряда стоящих в данной сфере задач. Высоким остается уровень дифференциации социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, их бюджетной, и инфраструктурной обеспеченности. Не обеспечен равный для граждан доступ к гарантированным государством услугам. Действующие механизмы размещения производительных сил и расселения населения зачастую носят несистемный характер. Кроме того, к настоящему времени существенно изменились внешние и внутренние условия развития экономики и социальной сферы страны. В состав Российской Федерации вошли четыре новых региона. Концентрация населения и объектов инфраструктуры в крупнейших городских агломерациях мешает преодолению региональных диспропорций. Актуальной остается задача обеспечения единства правового, экономического, финансового, социального, культурного и образовательного пространства. Остро стоит вопрос продолжающегося сокращения численности населения территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также Арктической зоны Российской Федерации. Недостаточное развитие транспортной и энергетической инфраструктуры ограничивает потенциал регионов, сдерживает решение задач по повышению связанности территории страны. Поэтому задача по сглаживанию межрегиональных диспропорций посредством максимально полного раскрытия собственного потенциала регионов и муниципальных образований, по созданию комфортной среды жизнедеятельности граждан на всей территории страны имеет стратегическое значение. На это направлен проект разрабатываемой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. В статье предпринята попытка ответить на вопрос: насколько новый вариант Стратегии способен решить накопившиеся в данной сфере проблемы?

Ключевые слова: Стратегия пространственного развития, региональная политика, национальные цели развития, городские агломерации, опорные пункты, система расселения, геостратегические территории.

JEL: R00, R10, R12, R50, R58

Россия — огромное сложноорганизованное пространство с большим разнообразием географических и природно-климатических условий, с неравномерным распределением населения. Поэтому любые управленческие стратегии в сфере управления развитием этого пространства всегда будут иметь для нее особое значение. Также следует отметить, что по причине высокой степени инерционности протеканий социально-экономических процессов в регионах (это общая для всех стран особенность) любые концептуальные документы, направленные на развитие их экономик, будут жизнеспособны только тогда, когда изначально настроены на опережающее регулирование.

С этими серьезными ограничениями сталкивались все реформаторы, бравшиеся за переустройство территориальных устоев Российского государства. Например, по мнению В.Н. Лексина и А.В. Швецова, «такие действия предпринимались со времен Древней Руси на всех этапах нашей истории, и чаще всего они были вынужденными реакциями на то, что сегодня принято называть вызовами. В советское время масштабные и точечные трансформации организации общества были оправданы задачами реализации проектов индустриализации и коллективизации, приоритетного развития окраин, перераспределения экономического потенциала... В новейший период нашей истории неизменно декларируемой задачей становится снижение диспропорций социально-экономического развития и благосостояния населения макрорегионов, регионов, муниципалитетов и населенных пунктов...» [1, с. 10].

Сфера пространственного развития сегодня характеризуется перенасыщенностью правового регулирования, ей посвящен ряд концептуальных документов, *основные из которых* — Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.¹ (далее — СПР), План реализации Стратегии², а также Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г.³ (далее — Основы) и План реализации Основ⁴.

Органами публичной власти разных уровней в течение последних лет осуществлялась деятельность по решению задач пространственного развития и гармонизации региональной политики. Однако положительные эффекты от реализации ряда государственных мер, направленных на решение задач пространственного развития, призванных способ-

¹ Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

² Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 3227-р (ред. от 23 января 2023 г.) «Об утверждении плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (с изменениями и дополнениями)».

³ Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

⁴ Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2017 г. № 1166-р (ред. от 18 декабря 2020 г.) «О плане мероприятий по реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

ствовать экономическому и социальному развитию регионов, оказались незначительными.

Сегодня наша страна находится на очередной исторической развилке. На этом пути она столкнулась как с уже хорошо известными, так и с новыми препятствиями к гармоничному территориальному развитию. Вопрос в том, как они будут рационализироваться и преодолеваться.

Навстречу новой Стратегии

В условиях проведения специальной военной операции и развязанной экономической войны против России в ряде российских регионов усиливаются угрозы дестабилизации общественно-политической ситуации. На фоне возрастающего внешнего давления диспропорции в пространственном и региональном развитии *становятся угрозой ее национальной безопасности*, поскольку ведут к значительной дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития, которая, в свою очередь, является питательной средой для протестных настроений и сепаратистских движений.

Значимым фактором является также утверждение новых *национальных целей развития*. И хотя в тексте Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее — Указ № 309) развернуто не представлены пространственные вопросы, заданные документом целевые установки по различным аспектам социально-экономического развития страны реализуются «не в абстрактном пространстве, а в том конкретном социально-экономическом пространстве, которое характеризует сложившееся на сегодня размещение производительных сил, состояние важнейших институтов рынка и публичного управления» [2, с. 33].

С учетом текущих геополитических вызовов Председателем Правительства Российской Федерации М.В. Мишустин⁵ по итогам стратегической сессии по развитию инфраструктуры осенью 2023 г. федеральным органам исполнительной власти было поручено подготовить новый проект концепции Стратегии пространственного развития на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г. со сроком ее представления в Правительство Российской Федерации до 15 марта 2024 г.⁶ В соответствии с п. 5 Перечня поручений по итогам стратегической сессии по направлению «Стратегия пространственного развития Российской Федерации» от 19 марта 2024 г. № ММ-П16-15131 Минэкономразвития России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти поручено подготовить и внести в Правительство Российской Федерации проект СПР в срок до 30 августа 2024 г. В соответствии с пп. «в» п. 9 Указа № 309 Правительству Российской Федерации поручено *до 31 декабря 2024 г. разработать и утвердить новую СПР*.

⁵ Сайт Правительства Российской Федерации, 24 ноября 2023 г. URL: <http://government.ru/news/50202/>

⁶ Основные исполнители — Минэкономразвития России, Минстрой России, Минтранс России.

Действующая редакция СПР актуализировалась в последний раз в 2022 г.⁷ В частности, в документе было уточнено понятие «городская агломерация», под которой стала пониматься совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними с общей численностью населения более 250 тыс. чел.⁸, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных трудовыми и социальными связями. Также в СПР было определено понятие «опорный населенный пункт» как населенный пункт, расположенный вне границ городских агломераций, на базе которого обеспечивается ускоренное развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию гарантий в сфере образования, доступность медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализацию иных потребностей населения территории одного или нескольких муниципальных образований. СПР была дополнена задачами по улучшению транспортной доступности, развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры и социального обустройства территорий с низкой плотностью населения и недостаточным собственным потенциалом экономического роста, в т.ч. сельских территорий.

Однако *главной проблемой действующей СПР* стали даже не какие-либо недостатки в ее содержательной части, а то, что она является в значительной степени *декларативным документом*, не содержащим реальные механизмы своей реализации.

Около сотни мер, предусмотренных планом ее реализации, должны были обеспечить «эффективную организацию экономического пространства в России». Однако данные меры были сформулированы как «подготовка предложений», «разработка рекомендаций», «подготовка прогнозов», что сложно как-то соотнести с реальными процессами в области пространственного развития. «Отчитаться о выполнении плана, в котором не было показателей пространственного развития как такового, несложно» [1, с. 23–24]. Кроме того, из Плана по реализации СПР в процессе его исполнения был исключен ряд существенных пунктов⁹, что также свидетельствует о *декоративной функции* СПР¹⁰.

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июня 2022 г. № 1704-р. «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. N 207-р».

⁸ Ранее СПР содержала определение крупных городских агломераций с населением более 500 тыс. чел.

⁹ В частности, п. 7 Плана реализации СПР, предусматривавший внесение изменений в Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. и № 2094-р), а также в план мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2011 г. № 553-р) с учетом направлений пространственного развития Российской Федерации, предусмотренных разделом VI Стратегии пространственного развития (исключен Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1130-р); п. 70 Плана реализации СПР, предусматривавший разработку проекта федерального закона о городских агломерациях (исключен Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3693-р).

¹⁰ Отметим также, что, по мнению экспертов, не проводилась системная оценка выполнения СПР.

Поэтому разработка новой Стратегии разворачивается на фоне накопившихся в этой сфере проблем. За прошедшие годы не были решены многие вопросы в сфере стратегического планирования в целом, неизбежно затрагивающие и стратегирование пространственного развития. Работа над новой концепцией СПР началась до обновления федеральных стратегических документов, формирующих ее базу.

Так, Основы государственной политики регионального развития были приняты, как и действующая СПР, на период до 2025 г. и не обновлялись. В традицию вошли недостаточная эффективность управления пространственным развитием; отсутствие необходимой взаимосвязи отраслевых документов стратегического планирования, стратегий социально-экономического развития макрорегионов и субъектов Российской Федерации, документов бюджетного планирования, национальных проектов; несогласованность действий органов публичной власти разных уровней и государственных корпораций.

При анализе *недостатков сложившейся системы стратегирования*, эксперты отмечают отсутствие вертикали целеполагания, четкой иерархической структуры документов стратегического планирования, порядка координации деятельности федеральных и региональных органов власти в сфере стратегического планирования. Также обращается внимание на недостатки правовой базы и прежде всего самого понятия «стратегия», установленного Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»: такая формулировка, как «документ, определяющий приоритеты, цели и задачи», законодательно сводит стратегирование к определению приоритетов, целей и задач и не предусматривает обязательную реализацию поставленных целей. Недостаточность нормативного регулирования и методического обеспечения стратегического планирования, отсутствие базового целеполагающего ориентира приводят к *несогласованности и несбалансированности документов стратегического планирования* по приоритетам, целям задачам, срокам реализации, финансовым и иным ресурсам [3, с. 97].

Важно отметить, что к настоящему времени также *существенно изменились внешние и внутренние условия* развития экономики и социальной сферы.

В состав Российской Федерации вошли 4 новых субъекта Российской Федерации (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области), появилась федеральная территория «Сириус». На ход пространственного и регионального развития оказывают влияние и интеграционные процессы в рамках Союзного государства. В соответствии с Основными направлениями реализации Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг.¹¹ осенью 2021 г. были утверждены 28 союзных программ,

¹¹ Декрет № 6 Высшего Государственного Совета Союзного государства «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы» (вместе с союзными программами, перечнями нормативных правовых актов) принят 4 ноября 2021 г.

направленных на укрепление российско-белорусской интеграции¹². В настоящее время указанные союзные программы выполнены¹³, приняты новые Основные направления реализации Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг.¹⁴

Новая СПР должна быть взаимосвязана также с обновленными документами стратегического планирования социально-экономического развития, стратегиями национальной безопасности и научно-технологического развития страны. Аналогичная ситуация и с доктринальными документами в сфере внешней политики. В СПР вопросы, связанные с участием регионов во внешнеэкономических связях, влиянием последних на пространственную структуру российской экономики, не затрагиваются. Однако очевидно, что в нынешних условиях актуальность этих вопросов возросла, а потому, как мы полагаем, подготовка новой СПР, наряду с усилением социально-экономической составляющей, требует взаимной увязки с разными направлениями федеральной экономической политики, такими как научно-технологическая, внешне-экономическая и др.

Но главный *негативный результат* реализации действующей СПР в том, что не была достигнута основная цель пространственного развития Российской Федерации, — обеспечение устойчивого и сбалансированного развития, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны. Соответственно, не полностью решены были следующие задачи: преодоление инфраструктурных ограничений федерального значения и повышение доступности и качества магистральной транспортной, энергетической и информационно-

¹² Среди ее приоритетных задач: проведение единой макроэкономической политики и создание общего финансового рынка, унификация регулирования взаимной торговли, создание единого экономического пространства и обеспечение равных условий хозяйствования, гармонизация налогового и таможенного законодательства. Предусмотрено также проведение согласованной политики в области охраны труда, социальной защиты населения, пенсионного обеспечения, унификация гражданского законодательства. (Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на совместной пресс-конференции с Президентом Белоруссии Александром Лукашенко, 12 апреля 2022 г. (Амурская область) // Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68182>).

¹³ Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства «О ходе выполнения Основных направлений реализации Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы и Союзных программ» // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvarya-2024-g-1-o-hode-vypolneniya-osnovnyh-napravleniy-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2021-2023-gody-i-soyuznyh-programm>

¹⁴ Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 2 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы» // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvarya-2024-g-2-ob-osnovnyh-napravleniyah-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody>

телекоммуникационной инфраструктуры; сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации; снижение внутрирегиональных социально-экономических различий. Перечисленные задачи планировалось обеспечить путем:

- повышения устойчивости системы расселения посредством социально-экономического развития городов и сельских территорий;
- повышения конкурентоспособности экономик субъектов Российской Федерации посредством обеспечения условий для развития производства товаров и услуг в отраслях перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации;
- улучшения транспортной доступности сельских территорий;
- совершенствования территориальной системы организации оказания услуг социальной сферы, обеспечивающей ее оптимальную доступность с учетом современных технологий предоставления услуг и др.

Однако названных целей достигнуть не удалось.

Старые проблемы, которые придется преодолевать новой СПР

После начала реализации СПР экспертное сообщество продолжает фиксировать следующее: *несоответствие существующего уровня развития магистральной транспортной инфраструктуры* потребностям экономики населения и страны в целом; наличие инфраструктурных ограничений федерального значения на опорной транспортной сети и в сфере энергетики; низкую транспортную связанность центров экономического роста; недостаточный уровень интегрированности различных видов транспорта; диспропорции инфраструктурного развития, затрудняющие переориентацию транспортных потоков на восточное и южное направления.

По-прежнему *высоким остается уровень дифференциации* социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных, их бюджетной и инфраструктурной обеспеченности. Базовые условия для развития регионов по-прежнему значительно различаются по ряду показателей: ВРП на душу населения, уровню бюджетной обеспеченности в регионах (один из ключевых показателей, определяющих качество жизни граждан), вкладу в совокупный ВРП¹⁵. Отметим, что разрыв в уровнях бюджетной обеспеченности в регионах остается существенным даже после применения инструментов выравнивания.

Действующие механизмы размещения производительных сил и расселения зачастую имеют *несистемный характер*. Сохраняются низкая

¹⁵ Доля 9 субъектов Российской Федерации с наибольшим вкладом в совокупный ВРП устойчиво растет — в среднем на 0,5 п.п. в год. Наибольший вклад в совокупный ВРП вносят столичные агломерации, доля которых ежегодно растет (доля Московской и Санкт-Петербургской агломераций увеличилась с 28,6% в 2016 г. до 32,9% в 2022 г.). (Проект Стратегии пространственного развития на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г. по состоянию на 1 августа 2024 г.).

эффективность управления пространственным развитием и неопределенность в векторе изменения пространственной структуры экономики.

Актуальна задача *обеспечения единства экономического и правового пространства*. Ее решение актуализирует не только интеграция в эти пространства воссоединенных субъектов Российской Федерации, но и обеспечение ускоренного развития слабозаселенных территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также Арктической зоны. Остро стоит проблема *сокращения численности населения* указанных регионов¹⁶, в т.ч. по причине недостаточного развития их транспортной и энергетической инфраструктуры.

Решение задач защиты от угроз террористического характера *осложняет* концентрация населения и объектов инфраструктуры в крупнейших городских агломерациях¹⁷. Она также мешает преодолению региональных диспропорций. В крупных городских агломерациях отмечен более высокий уровень криминализации, рост проблем миграции и угроз экологического характера. Высокая плотность населения стимулирует процессы атомизации общества, смещения ценностных ориентиров. Реализуемый в настоящее время агломерационный подход к пространственному развитию не учитывает большой размер территории и низкую плотность населения страны. Кроме того, оказалось, что агломерации не стимулируют развитие прилегающих территорий. Недостатки градостроительной и миграционной политики на региональном и муниципальном уровнях становятся источником протестной активности населения, рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности.

Наконец, *не завершено доктринальное закрепление* вопросов пространственного и регионального развития. Ст. 11 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» к документам стратегического планирования, разрабатываемым в рамках целеполагания на федеральном уровне, отнесена Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, которая в настоящее время не принята.

¹⁶ В частности, в субъектах Сибирского федерального округа с 2016 по 2022 г. численность населения сократилась на 3,6% (более 600 тыс. чел.), а население Дальневосточного федерального округа (с учетом включения в его состав Республики Бурятия и Забайкальского края в 2018 г.) сократилось на 4,3% (более 350 тыс. чел.). (Рекомендации парламентских слушаний на тему «О ходе реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», 8 декабря 2023 г.).

¹⁷ На конец 2022 г. треть (34%) населения страны проживала в 8 субъектах Российской Федерации: Москве и Московской области (15%), Краснодарском крае (4%), Санкт-Петербурге (4%), Свердловской (3%) и Ростовской (3%) областях, Республике Башкортостан (3%) и Республике Татарстан (2%). (Рекомендации парламентских слушаний на тему «О ходе реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», 8 декабря 2023 г.).

Новые решения

Таким образом, перед государством в настоящее время стоит ряд актуальных задач стратегирования пространственного развития России.

Первая. Сглаживание межрегиональных диспропорций и создание комфортной среды жизнедеятельности граждан на всей территории страны. При этом необходимо признать: в силу объективных различий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований *требуется дифференцированный подход к разработке стратегий* и конкретных мероприятий по их развитию.

Вторая. Востребованы новые подходы к пространственному развитию, его цели и направления нуждаются в системной корректировке. Разработка новой СПР должна проходить с учетом национальных целей развития и стратегических приоритетов, определенных Указами Президента Российской Федерации¹⁸, а также задачами обеспечения национальной безопасности. При этом следует обеспечить взаимную увязку отраслевых документов стратегического планирования, стратегий социально-экономического развития макрорегионов и субъектов Российской Федерации, а также документов бюджетного планирования и национальных проектов, предусмотрев, в частности, *увеличение горизонта планирования*¹⁹.

Третья. Назрело решение задачи по совершенствованию системы расселения населения, включая выработку мер по *снижению концентрации субъектов экономической деятельности и населения в крупных агломерациях*. Необходимо делать упор на развитие не только крупных городских агломераций, но и малых, средних городов, а также сельских территорий, включая опорные населенные пункты. Одной из ключевых задач должно стать улучшение жизни в малых и исторических городах, которые как раз и формируют опорный каркас системы расселения. Нужно приближать стандарты жизни на селе к городским, проводить благоустройство, обеспечивать удобные для проживания условия. Малые города должны стать более комфортными и современными для жителей, что создаст стимулы для развития экономики всей страны.

Четвертая. Следует *уточнить подходы к управлению развитием городских агломераций*. Агломерации действительно обеспечивают синергетический эффект, существенно повышающий эффективность хозяйственных процессов и социального развития в пределах составляющих агломерацию территорий. Но часто на деле благоприятное влияние агломерационных процессов на социально-экономическое развитие тер-

¹⁸ Определены Указами Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

¹⁹ С установлением этапов реализации до 2030, 2035 и 2040 гг. В настоящее время горизонтом планирования ряда важнейших документов стратегического планирования является 2035 г.: Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.; Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г. и др.

риторий в пределах и за рамками агломераций не столь очевидно, если не считать традиционного расчета регионов на федеральную поддержку агломераций как перспективных точек роста российской экономики. В связи с этим необходимо законодательное закрепление института городских агломераций, включая следующее: правовую базу их создания и деятельности; реализацию мероприятий, направленных на развитие агломераций; разработку схем расселения; комплексную оценку территорий агломераций с разработкой на ее основе схем территориального планирования.

Пятая. В новой СПР необходимо предусмотреть *приоритетное развитие* Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской области и Запорожской области. Обеспечение ускоренной интеграции новых субъектов Российской Федерации в единое экономическое и правовое пространство России и их социально-экономическое развитие является важной государственной задачей. Следует также принять меры по повышению уровня экономической связанности этих регионов через расширение и модернизацию транспортно-логистической инфраструктуры новых регионов, включая восстановление и модернизацию наиболее приоритетных объектов транспортной инфраструктуры (морские порты, железную дорогу, важнейшие участки автомобильных дорог и др.).

Шестая. Пространственное развитие должно быть ориентировано на *связанность транспортных инфраструктур субъектов Российской Федерации*. В первую очередь требуется обеспечить соответствие задачам пространственного развития страны транспортной инфраструктуры Севера, Сибири и Дальнего Востока. В связи с этим большое значение имеет расширение практики реализации масштабных инфраструктурных проектов, которые дают мощный импульс развитию региональных экономик.

Седьмая. Должны быть четко определены *полномочия и ответственность органов, ответственных* за достижение целей СПР. В действующей СПР отсутствует проработанная система управления ее реализацией, не определены органы, несущие ответственность за достижение целей СПР, и ресурсы, необходимые для ее реализации; не закреплены необходимые институциональные преобразования, конкретные меры налоговой и инвестиционной политики, обеспечивающие мобилизацию ресурсов для решения задач пространственного развития, правильно ориентирующие государственные органы и бизнес. Следует также определить в СПР конкретные целевые показатели. В действующем документе содержится всего три целевых показателя пространственного развития²⁰, которые не отражают целостной картины состояния пространственного развития.

²⁰ Это следующие показатели: среднегодовые темпы роста ВРП субъектов Российской Федерации, в которых располагаются перспективные крупные центры экономического роста Российской Федерации; отношение среднедушевого ВРП субъектов Российской Федерации, относящихся к приоритетным геостратегическим территориям (кроме Арктической зоны), к среднероссийскому значению; транспортная мобильность (подвижность) населения на 1 чел. в год по видам транспорта, всего, пасс.-км на 1 чел. в год. (Приложение № 5 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.).

Восьмая. Преобладающая в настоящее время политика пространственного выравнивания *должна быть заменена на политику пространственного развития*. Необходим пересмотр принципов межбюджетных отношений. Федеральные межбюджетные трансферты, играющие сегодня преимущественно роль инструментов бюджетного выравнивания, должны быть переориентированы на цели формирования у регионов источников развития и создания центров экономического роста в рамках выстраивания сети межрегиональной кооперации.

Что проект грядущий нам готовит?

Многие из перечисленных задач нашли свое отражение в проекте Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. (далее – проект СПР), подготовленном на основе Концепции документа, одобренной межведомственной рабочей группой по подготовке стратегии пространственного развития Российской Федерации²¹, по состоянию на 1 августа 2024 г. Вместе с тем работа над документом еще не завершена, а сам проект имеет рекомендательный характер для последующей разработки СПР, т.е. *исходные позиции документа могут неоднократно меняться*.

Что реально предусматривает проект СПР?

1. Увеличен горизонт планирования СПР до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.

2. Инвентаризированы и проанализированы сохранившие актуальность проблемы пространственного развития:

- сохранение и рост межрегиональной дифференциации по ряду социально-экономических параметров, включая ВРП на душу населения, реальные доходы населения и др.;
- уровень внутрирегиональных социально-экономических различий, приводящий к оттоку населения из малых и средних городов, сельских поселений в административные центры субъектов Российской Федерации, городские агломерации и другие регионы страны;
- сохранение миграционного оттока со значительной части территорий страны, включая регионы Сибири, Дальнего Востока, севера европейской части России, при существенной естественной убыли населения в регионах Центрального, Приволжского и Северо-Западного федеральных округов;
- концентрация экономической активности в ограниченном числе регионов;
- проблемы развития отдельных геостратегических территорий, включая высокую безработицу и теневую занятость в регионах

²¹ Концепция одобрена 26 июня 2024 г. на заседании межведомственной рабочей группы по подготовке стратегии пространственного развития Российской Федерации под руководством Министра экономического развития Российской Федерации М.Г. Решетникова.

Северного Кавказа, инфраструктурные ограничения на Дальнем Востоке, в Сибири и Арктике;

- энергодефицитность ряда регионов (Южный, Северо-Кавказский и Сибирский федеральные округа) при увеличении износа объектов энергетической инфраструктуры;
- инфраструктурные ограничения на железнодорожных магистралях, включая Восточный полигон железных дорог и подъезды к портам Азово-Черноморского бассейна, растущий износ подвижного состава по видам транспорта, нехватку энергетических мощностей для завершения электрификации БАМа и увеличения пропускной способности железнодорожных путей в восточном направлении и др.

3. В проекте СПР получили объективную оценку новые вызовы и возможности, оказывающие влияние на перспективы пространственного развития (переориентация на новые рынки, снижение доступности отдельных технологий, структурные изменения экономики, дефицит кадров, вхождение в состав Российской Федерации новых регионов, рост геополитической напряженности и др.).

4. В качестве приоритетных задач пространственного развития в проекте СПР перечислены:

- сокращение уровня дифференциации в социально-экономическом развитии территорий, в т.ч. по уровню обеспеченности инфраструктурой и доступности базовых социальных услуг, в первую очередь в отношении стратегических населенных пунктов, малых и средних городов, сельской местности;
- стимулирование роста рождаемости и снижения смертности, в первую очередь на территориях с высокой естественной убылью населения (в регионах Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов);
- создание условий для обеспечения устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации, включая условия для сокращения оттока постоянно проживающего населения из регионов Сибири и Дальнего Востока;
- обеспечение инфраструктурного развития, основанного на приоритетных направлениях экономического роста, экономической эффективности и увеличении доступности территорий;
- обеспечение приоритетного развития новых регионов и Приазовья в целом и др.

5. Проект СПР содержит перечень целевых показателей, характеризующих решение поставленных задач:

- количество субъектов Российской Федерации с темпами роста ВРП выше среднегодового темпа роста совокупного ВРП субъектов Российской Федерации за 2017–2022 гг.;
- количество субъектов Российской Федерации, по которым значение коэффициента Джини (индекс концентрации доходов) снизилось по сравнению с 2023 г.;

- темпы роста ВРП регионов, входящих в Сибирский, Дальневосточный федеральные округа и Арктическую зону, в сравнении с темпами роста совокупного ВРП субъектов Российской Федерации;
- темпы роста ВРП новых регионов в сравнении с темпами роста совокупного ВРП субъектов Российской Федерации;
- количество субъектов Российской Федерации, по которым коэффициент естественного прироста выше значения 2023 г., в разрезе федеральных округов;
- отношение численности постоянно проживающего населения на территории субъектов Российской Федерации, входящих в Дальневосточный и Сибирский федеральные округа, к общей численности постоянного населения Российской Федерации;
- отношение уровня бюджетной обеспеченности 10 наиболее обеспеченных и 10 наименее обеспеченных субъектов Российской Федерации (с учетом оказания финансовой поддержки из федерального бюджета в форме целевых межбюджетных трансфертов);
- средняя доля межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в общей сумме доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации;
- транспортная подвижность населения (тыс. пасс.км/чел.);
- экономия времени в пути при поездках транспортом общего пользования между городскими агломерациями относительно 2023 г.;
- количество энергозон, уровень балансовой надежности которых ниже нормативного уровня, обусловленное, в т.ч. растущим уровнем износа объектов энергетической инфраструктуры;
- уровень газификации населения в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах.

6. В целях обеспечения приоритетов при формировании системы расселения и территориальной организации страны проектом СПР предусматривается создание единого перечня опорных населенных пунктов²². Он будет содержать различные категории опорных населенных пунктов в зависимости от их роли в достижении приоритетов пространственного развития и определение по каждой категории приоритетных задач по поддержке их развития.

²² П. 10 Перечня поручений по итогам стратегической сессии по направлению «Стратегия пространственного развития Российской Федерации» (от 19 марта 2024 г. № ММ-П16-15131) Минсельхозу России совместно с высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации было поручено в срок до 28 мая 2024 г. представить в Минэкономразвития России предложения по критериям отбора опорных населенных пунктов, расположенных на сельских территориях, в целях разработки и последующей реализации программы по развитию 2 тыс. населенных пунктов в рамках исполнения поручения, предусмотренного в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. (пп. «в» п. 21 Перечня поручений Президента Российской Федерации от 30 марта 2024 г. № Пр-616).

Классификация включает 4 категории опорных населенных пунктов:

- новые точки роста — один или несколько близлежащих населенных пунктов, в которых реализуются или планируются к реализации крупные инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономическое развитие территории и значительно увеличивающие потребности в инфраструктуре и жилье;
- городские агломерации и административные центры субъектов Российской Федерации, не входящие в городские агломерации;
- стратегические населенные пункты, обслуживающие критическую инфраструктуру либо обеспечивающие национальную безопасность;
- иные населенные пункты, включая сельские, выполняющие функции опорных²³.

Перечни населенных пунктов в разрезе указанных категорий будут формироваться субъектами Российской Федерации в соответствии с установленными критериями. Итоговый единый перечень опорных населенных пунктов с учетом предложений регионов утверждается Правительством Российской Федерации; будет разработан порядок утверждения, мониторинга и актуализации указанного перечня.

7. В качестве основных инструментов (механизмов) реализации проекта СПР предусмотрены:

- план реализации Стратегии;
- сформированные (актуализированные) с учетом положений СПР национальные, федеральные проекты, федеральные и региональные документы стратегического и территориального планирования, государственные программы;
- стратегические и программные документы по развитию геостратегических территорий, в т.ч. государственная программа восстановления и социально-экономического развития новых регионов;
- единый перечень опорных населенных пунктов для использования в различных национальных проектах и государственных программах, в т.ч. для формирования перечня не менее 2 тыс. опорных населенных пунктов для включения в программу их развития в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни»;

²³ В Концепции СПР они определялись как населенные пункты, предоставляющие доступ к основным государственным услугам для прилегающей территории, в которых также концентрируется экономическая деятельность. К данным населенным пунктам относились крупнейшие по численности населенные пункты, численность населения которых составляет не более 250 тыс. чел. Опорные населенные пункты выделялись во всех муниципалитетах страны, за исключением муниципалитетов, граничащих с административным центром субъекта Российской Федерации или городским округом, население которого превышает 50 тыс. чел. Допускалось выделение дополнительного опорного населенного пункта в муниципалитете, если транспортная доступность до основного опорного населенного пункта превышает 1,5 ч. В рамках категории выделяется подкатегория населенных пунктов с рисками социально-экономического развития, в т.ч. в связи с необходимостью изменения экономической специализации, вызванной санкционными ограничениями, снижением спроса на продукцию их основных предприятий или иными неблагоприятными факторами.

- приоритет предоставления мер государственной поддержки в отношении опорных населенных пунктов с учетом задач их развития;
- интеграция в процесс формирования государственных программ и предоставления субсидий из федерального бюджета механизмов, предусматривающих приоритетный порядок финансирования мероприятий (проектов) в опорных населенных пунктах;
- обеспечение приоритета поддержки опорных населенных пунктов в рамках инфраструктурного меню, деятельности федеральных институтов развития и естественных монополий;
- территориальное планирование как основной инструмент, обеспечивающий синхронизацию бюджетных расходов с задачами развития различных категорий населенных пунктов через актуальные документы территориального планирования, в т.ч. при формировании и согласовании программных документов;
- обеспечение согласования инвестиционных программ ключевых естественных монополий ответственными органами исполнительной власти;
- нормативная правовая база в части морского пространственного планирования, которое обеспечит взаимоувязку планирования развития морских акваторий и прибрежных территорий;
- система мониторинга реализации СПР, включая определение органов государственной власти, ответственных за обеспечение реализации приоритетов и задач пространственного развития страны, и др.

8. В качестве одного из инструментов реализации проекта СПР предусмотрено создание цифровой платформы управления пространственным развитием, в рамках которой будут осуществляться увязка схем территориального планирования между собой и с приоритетами развития территорий, мониторинг социально-экономического развития территорий, ведение и актуализация реестра инвестиционных проектов, обратная связь с населением и бизнесом.

Вместе с тем в проекте СПР *не нашел отражения ряд важных вопросов*. Проект СПР оперирует в значительной мере обобщенными категориями и содержит мало детализированных положений о развитии территорий страны в пространственном разрезе. Отсутствует конкретика в части обеспечения социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципалитетов, уменьшения региональных диспропорций, совершенствования системы расселения, создания и развития агломераций и опорных населенных пунктов, связанности территории страны и др. Достаточно часто в документе используется термин с неопределенным смыслом — «сбалансированный» и производные от него — в официальных и разного рода программных документах такие понятия, как «сбалансированное развитие регионов», «сбалансированное пространственное развитие» и пр. часто даются достаточно

формально, без уточнения того, сбалансированность чего с чем имеется в виду [2, с. 34].

Также в проекте СПР нет ясности относительно механизмов обеспечения сокращения различий в уровне бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации. Не установлена четкая взаимообусловленность планирования пространственного развития и бюджетного планирования.

Большое место отечественного стратегирования пространственного развития — это выработка целевых показателей. В проекте СПР они также вызывают вопросы, в частности, критерии отнесения населенных пунктов к числу опорных, коэффициент Джини в качестве целевого показателя и др.

Остался нерешенным и вопрос о подготовке новой редакции Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации (с учетом истечения срока действия актуального документа в 2025 г.), взаимосогласованной с проектом СПР, что предусмотрено Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Сегодня этот документ нуждается в серьезной актуализации, хотя многие его положения сохраняют свою актуальность и практическую значимость, в т.ч. с точки зрения проекции задач региональной политики государства на приоритетные цели стратегического характера и пути их решения. Основной смысл этой актуализации — более тесная увязка приоритетных направлений политики пространственного (регионального) развития с достижением стратегических целей страны во всех областях. Соответственно, и государственная политика регионального развития должна стать частью единого механизма реализации национальных целей [2, с. 33–34].

Выводы

Тот факт, что совершенствование системы управления пространственным развитием России давно назрело, не нуждается в дополнительной аргументации. Однако требуется не просто замена одного пакета неэффективных документов на другой. Необходима *интеграция пространственного развития в систему стратегического управления*. А это подразумевает и определение органов, ответственных за достижение целей пространственного развития, и проведение регулярного мониторинга целевых показателей, и соответствующее финансовое обеспечение. Необходимо также предусмотреть дополнительные механизмы государственного и общественного контроля за целевым и эффективным расходованием средств, а также механизмы учета мнения населения в ходе определения приоритетов развития опорных населенных пунктов и других муниципальных образований.

Особое внимание следует уделить совершенствованию перечня и *содержания целевых показателей пространственного развития*. Они должны отражать прогнозные результаты на конец действия Стратегии,

а также за каждый год ее выполнения. Экспертами обоснованно предлагается закрепить 4 группы целевых показателей.

Первая группа. Характеризующие снижение региональных диспропорций по сопоставимым группам объектов управления (городов, регионов и макрорегионов), такие как: параметры численности постоянного и трудоспособного населения, соотношение размера всех видов федеральной поддержки и собственных бюджетных ресурсов, ВРП на душу трудоспособного населения и др.

Вторая группа. Характеризующие совершенствование системы расселения по тем же сопоставимым группам объектов управления: показатели урбанизации, параметры концентрации численности населения крупнейших городов, административных центров регионов и городских агломераций.

Третья группа. Характеризующие демографическую ситуацию по тем же сопоставимым группам объектов и по группам населения: показатели рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни, занятости трудоспособного населения, доли мигрантов в трудовом потенциале, наличия социальной инфраструктуры в населенных пунктах.

Четвертая группа. Характеризующие влияние на параметры пространственного развития изменений в размещении производительных сил по тем же сопоставимым группам объектов [1, с. 23].

И уже при наличии четкой системы показателей *результаты* реализации новой Стратегии *необходимо будет оценивать* не по выполнению плана ее реализации, а *по достижению ее количественно выраженных целевых показателей*. К сожалению, пока акцент опять делается именно на плане, что в определенной степени воспроизводит не очень удачный опыт выполнения задач действующей Стратегии.

Нет сомнений, что поручение главы государства будет выполнено Правительством, и в 2025 г. новая Стратегия пространственного развития на период до 2030 г. будет принята. Вместе с тем конкретное содержательное наполнение проекта СПР пока не определено. Неясно также, будет ли принято решение о разработке проекта новой редакции Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации, согласованной с СПР. Проект Стратегии не освещает вопрос о бюджетных ассигнованиях на реализацию мероприятий, предусмотренных СПР, Основами и соответствующими планами мероприятий по их реализации, которые пока еще не разработаны. С учетом планируемого принятия новой СПР к 2025 г. можно предположить, что учет положений СПР и Основ в бюджетном процессе может произойти в лучшем случае только при подготовке проекта федерального бюджета на 2026 г. и плановый период 2027 и 2028 гг.

Мы начали статью с тезиса о том, что Россия — это большое и сложноорганизованное пространство, что представляет определенные трудности для составителей различных документов стратегического планирования в сфере развития данного пространства. Но размеры ее территории

не делают ситуацию проблемой. Напротив, это *колоссальное конкурентное преимущество* в современном мире, источник богатых и разнообразных ресурсов, предоставляющих стране и ее гражданам большие возможности в плане социально-экономического развития. Поэтому полагаем, что концепции компактной России, сжатия пространства, опустошения периферии и концентрации населения и экономической активности в нескольких крупных агломерациях контрпродуктивны, т.к. выдают наше стратегическое преимущество за тяжкое бремя, от которого якобы необходимо избавиться. Для решения накопившихся в данной сфере проблем необходимо, напротив, максимально эффективно использовать территорию страны на фоне усиления роли и ответственности государства в решении вопросов пространственного развития.

Список литературы

1. Лексин В.Н. Швецов А.Н. Естественное и регулятивно-императивное в пространственном развитии России // *Федерализм*. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 5–31.
2. Бухвальд Е.М. Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России // *Федерализм*. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 32–47.
3. Спицына О.В. Направления трансформации стратегирования в крупнейших городах России // *Федерализм*. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 96–109.

References

1. Leksin V.N. Shvetsov A.N. Estestvennoe i reguliativno-imperativnoe v prostranstvennom razvitii Rossii [Natural and Regulatory-Imperative in the Spatial Development of Russia], *Federalizm* [Federalism], 2024, Vol. 29, No. 2 (114), pp. 5–31. (In Russ.).
2. Bukhval'd E.M. Ekonomicheskoe prostranstvo kak pole realizatsii national'nykh tselei Rossii [Economic Space as a Field for the Implementation of Russia's National Goals], *Federalizm* [Federalism], 2024, Vol. 29, No. 2 (114), pp. 32–47. (In Russ.).
3. Spitsyna O.V. Napravleniia transformatsii strategirovaniia v krupneishikh gorodakh Rossii [Directions for the Transformation of Strategizing in the Largest Cities of Russia], *Federalizm* [Federalism], 2024, Vol. 29, No. 2 (114), pp. 96–109. (In Russ.).

SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION: OLD PROBLEMS, NEW SOLUTIONS

The current Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025 has not solved a number of tasks in this area. The level of differentiation of the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation, their budgetary and infrastructural security remains high. Citizens have not been provided with equal access to State-guaranteed services. The current mechanisms for the allocation of productive forces and the resettlement of the population are often non-systemic in nature. In addition, the external and internal conditions for the development of the country's economy and social

sphere have changed significantly by now. The Russian Federation includes 4 new regions. The concentration of population and infrastructure facilities in the largest urban agglomerations hinders the overcoming of regional imbalances. The task of ensuring the unity of the legal, economic, financial, social, cultural and educational space remains urgent. The issue of the ongoing population decline in the territories of the North, Siberia and the Far East, as well as the Arctic zone of the Russian Federation, is acute. Insufficient development of transport and energy infrastructure limits the potential of the regions, hinders the solution of tasks to increase the connectivity of the country's territory. In this regard, the task of smoothing out interregional imbalances by maximizing the full disclosure of the regions and municipalities' own potential, and creating a comfortable living environment for citizens throughout the country is of strategic importance. This is the aim of the draft Strategy of spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036. The article attempts to answer the question: how much is the new version of the Strategy able to solve the accumulated problems in this area?

Keywords: Spatial development strategy, regional policy, national development goals, urban agglomerations, strongholds, settlement system, geostrategic territories.

JEL: R00, R10, R12, R50, R58

Дата поступления — 16.09.2024 г.

ГЛИГИЧ-ЗОЛОТАРЕВА Милена Валериевна

кандидат юридических наук, сотрудник Информационно-аналитического управления;

Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / ул. Большая Дмитровка, д. 26, г. Москва, 103426.

e-mail: milena-gligic@yandex.ru

GLIGICH-ZOLOTAREVA Milena V.

Cand. Sc. (Law), Staff Member of the Information and Analytical Department; The Federal Council of the Federal Assembly of the Russian Federation / 26, Bolshaya Dmitrovka Str., Moscow, 103426.

e-mail: milena-gligic@yandex.ru

Для цитирования:

Глигич-Золотарева М.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: старые проблемы, новые решения // Федерализм. 2024. Т. 29. № 3 (115). С. 5–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-3-5-23>

В.Д. КРИВОВ, К.А. САМУСЕВИЧ

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ПО СТАНДАРТУ БЛАГОПОЛУЧИЯ

Современная Россия проходит через сложные испытания и как государство, как гражданское сообщество находится в поиске новых идей, смыслов и целей для дальнейшего развития. Следовательно, необходим более зрелый подход к реализации социальной политики как на федеральном, так и региональном и местном уровнях. Таким подходом может стать стандарт благополучия. Общая идея стандарта благополучия подразумевает равноправный доступ граждан к общественным благам в любом населенном пункте страны. На данный момент в ряде регионов России реализуются программы, которые можно назвать составными частями стандарта благополучия, но всеобщей концепции, которая описывала бы данный стандарт, не создано. Авторы исследования предлагают свое видение стандарта благополучия и показывают, что процесс его создания требует усилий научного сообщества и активного обсуждения. Результатом внедрения стандарта благополучия может стать постепенное решение накопившихся проблем, которые волнуют граждан России. В исследовании представлен успешный опыт регионов, а также проанализированы наиболее распространенные сложности, мешающие успешной реализации государственных социальных проектов, развитию отдельных регионов. В ходе исследования предложено дополнять федеральный стандарт региональными стандартами благополучия в силу специфики того или иного региона.

Ключевые слова: социальная политика, стандарт благополучия, государственное управление, статистика, доверие граждан, регион.

JEL: H110, H410, I310, I320

Вступление

Понятие «стандарт благополучия» и общее представление о нем были озвучены в первый раз в 2016 г. в период работы Совета Федерации над материалами к заседанию Совета Безопасности Российской Федерации. Тогда под стандартом благополучия подразумевалась концепция равного доступа жителей России к различным благам, в каком бы населенном

пункте и регионе они не находились. Тема не получила достаточного пространства, хотя некоторые рабочие дискуссии велись.

В последующие годы вместе с развитием общества и экономики Российской Федерации стала очевидна потребность в более современном и, главное, научном подходе к процессам регионального управления. Стандарт благополучия *способен стать ответом как на общественный запрос*, так и на запрос со стороны государственного руководства, что уже сегодня отражается в принятии законов или указов, о чем будет сказано далее.

По сей день не существует четкого и нормативно закрепленного определения стандарта благополучия, однако научная работа в данном направлении ведется. Авторы статьи *подразумевают под стандартом благополучия комплекс мер*, включающих в себя нормативно-правовое регулирование, организационное обеспечение и финансирование, направленные на реализацию конституционных прав граждан Российской Федерации, что гарантирует сохранение высокого уровня жизни независимо от места проживания [1; 2; 3]. Допустимо понимать стандарт благополучия как некую систему показателей-координат, благодаря которой можно объективно отслеживать успешность проводимой внутренней политики по целому ряду направлений (экономика, социальная сфера, жилищно-коммунальное хозяйство, экология, транспорт и т.д.) и рационально распределять и расходовать бюджетные средства.

Стандарт благополучия и национальные цели развития Российской Федерации

29 февраля 2024 г. Президент Владимир Путин обратился с очередным Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации, где сделал особенный акцент на развитии России и главным образом регионов страны в различных сферах. Каждый из тезисов Послания полностью координируется с идеей и концепцией стандарта благополучия.

Спустя два месяца, 7 мая 2024 г., Владимир Путин подписал Указ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее — Указ 2024 г.). В нем перечислены следующие пункты: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство¹.

Надо отметить, что четыре года назад выходил Указ Президента от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года» (далее — Указ 2020 г.). Пять основных це-

¹ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 05.07.2024).

лей были обозначены так: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный эффективный труд и успешное предпринимательство» цифровая трансформация².

Казалось бы, в Указе 2024 г. добавилось несколько пунктов, но *значительное отличие кроется в деталях*, а именно в том, как уточняется каждое из положений нового документа. В частности, по сравнению с Указом 2020 г. появились интересные в разрезе данной публикации цели.

Так, к 2036 г. требуется уменьшить разницу в показателях ожидаемой продолжительности жизни не менее чем на 25% по сравнению с 2023 г. Уровень бедности должен опуститься до уровня менее 5% к 2036 г. (для многолетних — отдельные показатели). Качество жизненных пространств в населенных пунктах с потенциалом развития должно улучшиться на 30% к 2030 г. и на 60% к 2036 г. К 2030 г. более 20 млн чел. должны получать коммунальные услуги более высокого качества, чем получают их сегодня. В Указе перечислены и многие другие пункты, где конкретно зафиксировано, что должно измениться в России в лучшую сторону, и минимальные показатели данных изменений.

Таким образом, Указ 2024 г. *задает планку*, к которой стоит стремиться, и положения данного документа могут стать частью фундамента научно разработанного и точно сформулированного стандарта благополучия.

Жизнь регионов в статистике и исследованиях

По данным Росстата, в I квартале 2024 г. граница бедности проходит по планке 15 096 руб.³ Ниже границы бедности живут 9,6% населения России. Служба статистики отмечает, что динамика позитивная, по сравнению с I кварталом 2023 г. бедных стало меньше на 3,7 млн чел.; на сокращение числа бедных повлиял рост зарплат, адресные социальные программы и рост пособий.

На сегодняшний день стоимость среднестатистической жизни одного россиянина, согласно подсчетам Российской академии наук, составляет 16,5–37,5 млн руб. в ценах 2021 г.⁴ Низшая планка базируется на данных о среднегодовом денежном доходе за период ожидаемой продолжительности жизни, высшая — опирается на сведения о государственных затратах на поддержание жизнедеятельности человека на протяжении всей его жизни.

² Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 05.07.2024).

³ Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в I квартале 2024 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/238606> (дата обращения: 03.07.2024).

⁴ Эксперты рассчитали ущерб для экономики России от преждевременных смертей. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/01/2024/65a66afd9a79470cf70e7ee7> (дата обращения: 03.07.2024).

Средняя продолжительность жизни в России составляет 73,4 года (данные, озвученные в 2023 г. Минздравом), средний возраст — 41,1 года (по данным Переписи-2020). По расчетам ученых РАН, преждевременная смертность от основных заболеваний и внешних причин влечет нагрузку на национальную экономику в сумме от 15 до 24 трлн руб. в год.

По данным Росстата, в IV квартале 2023 г. граница бедности составила 14 754 руб.⁵ Количество населения с доходами ниже этой границы составило 9,9 млн чел., или 6,8% от общего числа жителей страны. В отчете ведомства «Уровень бедности в целом по России и субъектам Российской Федерации в 2018–2022 гг.» отмечается значительный *разброс показателей по регионам*. Так, в 2022 г. в Московской области было зарегистрировано 5,5% бедных от общего населения, в то время как в Республике Ингушетии этот показатель составил 30,5%, а в Республике Тыве — 27,2%. В среднем уровень бедности в большинстве субъектов Российской Федерации в процентном соотношении варьируется между 10 и 20% от общего числа населения⁶.

Показатели среднедушевых денежных доходов по итогам 2023 г., по информации Росстата, выше всего в Центральном федеральном округе (71 359 руб./месяц), ниже всего — в Северо-Кавказском федеральном округе (35 086 руб./месяц)⁷.

Существуют значительные различия между регионами по ряду других показателей. Это *может привести к социальному напряжению* и требует принятия мер по улучшению ситуации в регионах, которые отстают от остальных.

Но прежде, чем вести разговор о том, какие меры принимаются или могут быть приняты для решения данных проблем, следует обратиться к понятиям «уровень жизни» и «качество жизни», которые являются хоть и взаимосвязанными, но не тождественными понятиями. В современной науке принято разделять их следующим образом: уровень жизни соотносится в первую очередь с доходами и потреблением товаров и благ (т.е. ресурсами), в то время как качество жизни определяется не столько размером доходов, сколько возможностями для личного, культурного, профессионального и прочего роста, которыми располагают отдельный человек или сообщество.

В.Н. Бобков (Институт экономики РАН) проводит следующее различие между уровнем и качеством жизни. Качество жизни определяется как «характер созидательной деятельности личности, социальных групп и общества, обусловленный степенью их развитости». В то же время

⁵ Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в IV квартале 2023 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/232165> (дата обращения: 03.07.2024).

⁶ Уровень бедности в целом по России и субъектам Российской Федерации в 2018–2022 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_52.xlsx (дата обращения 03.07.2024).

⁷ Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_10subg_nm.xlsx (дата обращения: 03.07.2024).

уровень жизни представляет собой «потребление личностью, социальными группами и обществом благ в сопоставимых ценах и натурально-вещественных единицах и характеризует ресурсную сторону обеспечения качества жизни» [4, с. 53].

Вышеназванный разрыв денежных доходов жителей разных регионов говорит нам о различном уровне жизни от региона к региону. А что можно сказать о качестве жизни?

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации провел мониторинг по итогам 2023 г. По предварительным оценкам, список городов-лидеров таков: Москва, Грозный, Санкт-Петербург, Тюмень, Севастополь, Сочи, Калуга, Екатеринбург, Сургут и Казань. Для оценки использовались следующие данные, полученные посредством социологических опросов: степень финансового благосостояния; возможность приобрести жилье; качество медпомощи; состояние окружающей среды, воды, воздуха; утилизация отходов; работа образовательных организаций; доступность культурных благ; стремление получить качественное образование; состояние дорог, общественного транспорта; благоустройство; работа местных органов власти; условия ведения предпринимательской деятельности и др.⁸

Центр экономических исследований «РИА Рейтинг» медиагруппы «Россия сегодня» обнародовал данные по качеству жизни в регионах по итогам 2023 г. Во главе рейтинга — Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край и Республика Татарстан. В конце рейтинга — Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская автономная область, Республика Ингушетия, Республика Тыва. Авторы исследования учли 66 показателей, такие как уровень доходов, занятость и рынок труда, жилищные условия, безопасность, демография, экология, уровень здоровья и образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, развитие малого бизнеса и др.⁹

Госкорпорация развития «ВЭБ.РФ» ежегодно рассчитывает индекс качества жизни в 218 российских городах, основываясь на более 300 показателях. Итоги исследования распределены по группам. В частности, в группе «Жилищные условия» лидером признаны города Домодедово, Клин, Бердск, по показателю «Доход и работа» — Иркутск, Казань и Свободный, по показателю «Здоровье» — Грозный, Ханты-Мансийск, Майкоп, по показателю «Образование» — Саранск, Орехово-Зуево, Реутов и т.д.¹⁰

И.В. Манаева (Белгородский государственный национальный исследовательский университет) в проведенном исследовании отмечает, что на сегодняшний день не существует общепризнанного

⁸ Итоги 2023 г.: города с самым высоким качеством жизни. URL: <http://www.fa.ru/News/2023-11-20-topcities23.aspx> (дата обращения: 01.07.2024).

⁹ Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2023. URL: https://ria.ru/20240212/kachestvo_zhizni-1926120093.html (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁰ Индекс качества жизни в городах России. URL: https://citylifeindex.ru/static/files/research_2023.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

определения понятия «качество жизни» и его составляющих и отсутствует единая методика и принципы оценки (ориентиром здесь может стать именно принятый на законодательном уровне стандарт благополучия). Оценка качества жизни в разных регионах на основе авторской методики показала следующее. Регионами-лидерами по качеству жизни (по данным за 2021 г.) названы Москва, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий автономный округ, Московская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Аутсайдерами – Республика Тыва, Курганская область, Еврейская автономная область, Республика Алтай и Алтайский край. Автор исследования для расчетов использовала данные об экономическом потенциале, благосостоянии населения, демографическом потенциале, социальной инфраструктуре, транспортной инфраструктуре [5].

Существуют и другие исследования, однако их итоги по своей сути одинаковые: есть заметные различия от региона к региону по разным показателям. В этом контексте интересно оценить, какие показатели оказывают наиболее значимое влияние на положение в рейтингах уровня и качества жизни регионов и какие именно из показателей ставят отдельные субъекты Федерации в положение аутсайдеров. Конкретные данные приводятся в ранее упомянутых исследованиях Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Согласно результатам 2023 г., *основными проблемами, влияющими на качество жизни*, являются следующие: уровень жизни, состояние здравоохранения, экологическая ситуация, функционирование предприятий жилищно-коммунального хозяйства, конфликтность общественных отношений, доступность культурных ценностей и качественного образования, экологическое состояние и состояние дорожного хозяйства. При этом низкий уровень жизни является одной из основных проблем в большинстве отстающих населенных пунктов. Перечислены города, где необходимо принять меры по улучшению качества жизни: Архангельск, Астрахань, Барнаул, Владивосток, Волгоград, Волжский, Иркутск, Йошкар-Ола, Кемерово, Красноярск, Курск, Омск, Орёл, Оренбург, Рязань, Саранск, Смоленск, Ставрополь, Стерлитамак, Улан-Удэ, Ульяновск, Хабаровск, Чебоксары, Чита, Якутск¹¹.

С данным исследованием вполне согласуются показатели индекса страхов населения России, рассчитываемого ежемесячно ВЦИОМ. Так, в июне 2024 г. люди опасаются, больше всего обострения конфликтов между Россией и другими странами, начала боевых действий; роста неравенства и социальной несправедливости; того, что станут дорогими привычные товары, не смогут их покупать; снижения доходов. Меньше всего граждане опасаются потери работы, беспорядков внутри страны и акций протеста, а также разгула преступности. При этом надо от-

¹¹ По итогам 2023 г. города с самым высоким качеством жизни – Москва, Грозный, Санкт-Петербург, Тюмень, Севастополь. URL: http://www.fa.ru/Documents/LQ_2023_.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

метить, что в динамике все виды страхов россиян имеют тенденцию к снижению¹².

Еще одна тенденция — рост индекса потребительского доверия, который на момент июня 2024 г. составлял 44 п., что сопоставимо с допандемийным уровнем и даже немного выше. Индекс потребительского доверия отражает то, насколько благоприятным является текущий период для совершения крупных покупок. Значительные провалы в индексе за последние годы были зафиксированы в марте — апреле 2020 г. до 24 п. (на фоне множества ограничений, связанных с *COVID-19*), а также марте — апреле 2022 г. до 26 п. (на фоне начала специальной военной операции)¹³.

А вот индекс социальных ожиданий (индекс оптимизма) находится на момент июня 2024 г. на пессимистичном уровне: -22 п. (отрицательное значение). Подавляющее большинство участников опроса (41%) считают, что самые тяжелые времена еще впереди, 32% склоняются к тому, что все плохое уже позади, 14% полагают, что все самое сложное происходит в стране прямо сейчас¹⁴.

На что надеются граждане России? Исследование ВЦИОМ показывает, что 25% россиян (статистический максимум с 1999 г.) хотят жить лучше, чем большинство семей в их городе, а 41% — как минимум жить не хуже окружающих. При этом 25% из тех, кто хочет жить лучше окружающих, подразумевают не только жителей России, но и жителей Европы и Америки. Всего 11% опрошенных хотят просто выжить (в 1999 г. таковых было 27%)¹⁵.

Другой опрос ожиданий связан с повышением статуса России в мире в ближайшие 15–20 лет. Исследователи отмечают: жители страны стали заметно чаще говорить о великодержавном статусе России. Статус великой державы, по мнению опрошенных ВЦИОМ, ассоциируется со следующими внешними показателями: возобновлением отношений с другими странами, победой/завершением СВО, миролюбивой внешней политикой, независимостью и самостоятельностью страны; и внутренними показателями: повышением уровня жизни и благосостояния населения, развитием регионов и страны, туризма, экологии, поддержкой населения, наличием работы, улучшением здравоохранения¹⁶.

Таким образом, перед российской властью, а также научным и экспертным сообществом стоит множество задач, реализация которых должна быть направлена на повышение уровня и качества жизни граждан

¹² Индекс страхов. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov> (дата обращения: 15.07.2024).

¹³ Индекс потребительского доверия. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-potrebitelskogo-doverija> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁴ Индекс социальных ожиданий. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-socialnykh-ozhidanii> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁵ Наше материальное будущее: ожидания и надежды. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nashe-materialnoe-budushchee-ozhidaniya-i-nadezhdy> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁶ Россия — великая держава. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-velikaja-derzhava> (дата обращения: 15.07.2024).

и, как следствие, на повышение доверия и снижение уровня страхов, пессимизма. Как показывают данные вышеназванных исследований, негативные ожидания населения и источник постоянного раздражения — недостаточный уровень доходов, качество и доступность медицины, образования, а также состояние инфраструктуры в целом (ЖКХ, дороги, транспорт и др.).

Вектор движения к стандарту благополучия

Одним из важнейших событий 2024 г. стало Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации, которое задало вектор движения государственной политики в вопросе улучшения жизни всех регионов страны. Были поставлены стратегические задачи, цель которых — уверенное, долгосрочное развитие¹⁷.

«К 2030 г. все наши регионы должны стать экономически более самодостаточными. Повторю, это вопрос справедливости, равных условий для самореализации граждан и высоких стандартов жизни на всей территории страны», — заявил Президент в ходе оглашения Послания.

В частности, глава государства озвучил предложения по улучшению демографической обстановки и повышению рождаемости: поддержка семей с детьми, особенно многодетных семей (сегодня уровень бедности многодетных составляет около 30%); повышение качества жизни семей с тем, чтобы граждане не опасались оказаться за чертой бедности с рождением детей. Уровень рождаемости ниже среднероссийского фиксируется в регионах Центральной России и Северо-Запада. В числе предлагаемых Президентом мер поддержки, помимо пособий, — продление программы семейной ипотеки и материнского капитала, увеличение налогового вычета на второго и последующих детей и другие.

К 2030 г. ожидаемая продолжительность жизни должна составить не менее 78 лет с особым вниманием к сельским территориям.

Президент уделил внимание развитию сети спортивных объектов, капитальному ремонту и строительству образовательных организаций (школ, детских садов). Для развития сферы образования предлагаются стимулирующие выплаты педагогам, особенно в небольших населенных пунктах, ремонт и оснащение учреждений среднего профессионального образования, общежитий, развитие университетских кампусов и центров науки. Отдельная задача — повышение доступности и качества здравоохранения.

Также Президент поставил задачи: увеличить долю зарплат в ВВП страны, индексация МРОТ, рост зарплат сотрудникам бюджетной сферы, рост доходов работников малого и среднего бизнеса, более гибкая налоговая нагрузка (вероятно, речь идет о прогрессивной шкале налогообложения).

¹⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 12.07.2024).

Развитие комфортной городской среды, благоустройство общественных пространств, сохранение объектов исторического и культурного наследия — еще одна приоритетная задача. Программа должна охватить более 2 тыс. населенных пунктов, жители которых должны стать соавторами данных проектов. С 2025 г. ожидается запуск программы «Земский работник культуры», а также модернизация жилищно-коммунальных объектов, газификация, создание современной транспортной системы, развитие внутреннего туризма, улучшение экологической обстановки, уменьшение вредных выбросов в окружающую среду.

Особое место в Послании нашлось вопросам регионального развития. В частности, от главы государства поступило предложение снизить долговую нагрузку субъектов Федерации, списать часть задолженностей по бюджетным кредитам, чтобы высвободившиеся средства могли быть направлены на насущные цели регионов.

Тезисы Послания Президента помогают сформировать представление о мерах по улучшению уровня и качества жизни россиян в период до 2030 г.

По данным исследования ВЦИОМ, тезисы Послания нашли отклик у граждан России. Наиболее популярными мерами, согласно опросам, являются следующие: поддержка молодых семей (21%); развитие инфраструктуры, строительство жилья и дорог (13%); реализация национальных проектов, таких как «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Кадры» и другие (12%); внутренняя политика и развитие страны (11%); помощь и поддержка многодетных семей (10%); поддержка военнослужащих и продление льготной ипотеки (по 9%); социальная политика и забота о населении, развитие экономики и изменения в образовании (по 8%).

Таким образом, необходимы наблюдение и анализ мер, принимаемых на государственном, региональном и местном уровнях и направленных на повышение уровня и качества жизни граждан, выявление и тиражирование наиболее позитивного опыта.

Текущие успешные практики

Аккумуляцией и тиражированием такого опыта в России на федеральном уровне занимается Агентство стратегических инициатив (АСИ). АСИ также ведет ежегодный рейтинг качества жизни в субъектах Федерации в рамках проекта Национальной социальной инициативы. В открытом доступе находятся данные по топ-20 регионам, остальные сведения направляются управленческим командам регионов. На момент подготовки публикации были доступны результаты рейтинга за 2023 г. Во главе (без неожиданностей) — Москва, Санкт-Петербург, а также Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Республика Татарстан; на 6 месте — Московская область. На вершине рейтинга за 2022 г. находились все те же субъекты Федерации, кроме Московской области, которая —

на 11 месте, а на 4-м месте — Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Татарстан — на 6 месте¹⁸.

Оценка качества жизни экспертами АСИ проводится на базе 141 показателя в 10 элементах среды (медицина, образование, жилье и инфраструктура, потребление и досуг, чистота и экология, безопасность, социальная защита и другие), также учитываются три направления оценки — субъективная, объективная и динамика изменений.

Эксперты АСИ отмечают, что значительные различия в рейтингах между разными регионами *в основном обусловлены недостаточно эффективным управлением*. Они подчеркивают, что зачастую именно управленческие практики, а не высокий уровень ресурсов определяют качество жизни граждан. Это указывает на возможность сокращения разрывов между регионами и значительного улучшения качества жизни путем обмена лучшими практиками.

Именно АСИ стало создателем регионального социального стандарта, который определяется как «комплекс современных управленческих практик и решений для повышения качества и доступности услуг в социальной сфере в субъектах Российской Федерации»¹⁹. Данный стандарт применяют в ряде регионах страны, некоторые субъекты Российской Федерации внедрили его на 100%, и в разрезе идеи стандарта благополучия его можно рассматривать как одну из самых значимых его составляющих.

Одним из трех регионов Российской Федерации, полностью внедрившим все 13 пунктов регионального социального стандарта, стал Хабаровский край. Результаты внедрения, по данным АСИ, заметны. В 2023 г., по отзывам жителей, упростилась процедура записи детей в образовательные организации, стали доступнее разные социальные услуги, удалось сократить период оформления группы инвалидности до 20 дней. Помимо этого, повысилось качество водоснабжения, теплоснабжения, работы общественного транспорта, больше жителей получили доступ к высокоскоростному интернету. В целом население региона стало более высоко оценивать свои возможности влиять на развитие края и муниципальных образований²⁰.

Интересен опыт Ханты-Мансийского автономного округа — Югра, который на сегодняшний день применяет новые практики в сфере сбережения детского здоровья, позволяющие региону войти в пятерку субъектов Федерации с наименьшей детской смертностью, а также в число десяти регионов с лучшей рождаемостью. По информации главы ХМАО Натальи Комаровой, каждая девятая семья в регионе — многодетная. Одна из таких практик: выдача социальных сертификатов бе-

¹⁸ Топ-20 регионов по качеству жизни. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁹ Региональный социальный стандарт. URL: https://asi.ru/social/social_standard/ (дата обращения: 20.07.2024).

²⁰ Хабаровский край полностью внедрил региональный социальный стандарт. URL: <https://asi.ru/news/199020/> (дата обращения: 20.07.2024).

ременным женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, также на такие сертификаты могут претендовать приемные родители/попечители детей²¹.

В Липецкой области создана электронная платформа «Патронаж», которой могут пользоваться 17 тыс. многодетных семей и беременные женщины. К каждой семье прикреплен социальный координатор, оказывающий содействие при необходимости для решения разных вопросов. В Тамбовской области развивают проект семейного МФЦ, который нацелен на оказание комплекса услуг сразу всей семье²².

Согласно исследованиям АСИ по итогам 2023 г., 80% жителей России удовлетворены получением социальных услуг. За прошедший год на 20% выросла информируемость населения о социальном обслуживании. Фиксируется рост удовлетворенности качеством образования, наличием возможностей для развития детей, а также медобслуживанием — как скорой, так и амбулаторной, стационарной помощи. Россияне стали лучше оценивать свои жилищные условия, а также окружающую среду, например, наличие парков.

Опыт регионов накапливается в специально созданной платформе Агентства стратегических инициатив «Смартека». Она представляет собой открытую базу данных лучших социально-экономических практик регионов России, включая здравоохранение, образование, культуру, социальную защиту населения и другие. Проект был запущен в 2020 г. Одной из ключевых особенностей «Смартеки» является ее открытость и доступность для всех заинтересованных сторон. Кроме того, платформа предоставляет инструменты для оценки эффективности проектов и программ, что позволяет пользователям выбирать наиболее подходящие решения для своих нужд. Значительная часть практик может прямо влиять на качество жизни населения на тех территориях, где они внедряются.

На сегодняшний момент на портале «Смартека» доступно 1 668 различных практик из разных регионов России, разработанных как органами государственной власти, государственными, региональными или муниципальными организациями, так и частными. Рассмотрим некоторые самые примечательные практики.

Обращает внимание опыт внедрения первого в стране корпоративного демографического стандарта в группе компаний «Дело» в партнерстве с Институтом демографической политики имени Д.И. Менделеева, направленный на повышение рождаемости в организации. Корпоративными мерами поддержки семей за 2022—2023 гг. воспользовались более 1 600 сотрудников. Меры поддержки включают, в частности, корпоративные льготы, выплату 1 млн руб. за третьего и последующих детей, дополнительные выплаты в пе-

²¹ Каждая девятая семья в Югре — многодетная. URL: <https://mvremya.ru/article/22753/> (дата обращения: 20.07.2024).

²² Гендиректор АСИ Светлана Чупшева: «Более 80% граждан России довольны получением социальных услуг». URL: <https://asi.ru/news/198550/> (дата обращения: 20.07.2024).

риод отпуска по уходу за ребенком, доплаты по больничному, компенсации за детский сад, путевки и многое другое. Представляется возможность работы по гибкому графику, внутри группы компаний внедрена должность социальных менеджеров, которые взаимодействуют с семьями сотрудников. Опыт внедряют представители 55 регионов Российской Федерации.

В Московской области развивают практику «Создание новых каналов сбыта товаров, производимых социальными предпринимателями», в рамках которой продукцию, производимую социальными предпринимателями, продвигают разными способами на рынке, в частности, на АЗС, в мини-маркетах и на маркетплейсах. Для реализации товаров офлайн используются специальные брендированные стойки «Больше, чем покупка», расположенные на АЗС «Лукойл». Практика вызвала интерес в 54 регионах России.

Еще одна примечательная и востребованная в регионах практика из Москвы называется «Электронный клинический фармаколог». Целевой аудиторией здесь являются врачи, фармакологи, провизоры, фармацевты, а также медорганизации, страховые компании, структуры Минздрава. Это особая система поддержки принятия врачебных решений, которая при назначении препаратов либо дает рекомендации по комбинации, либо предупреждает о несовместимости/нежелательной комбинации назначаемых лекарственных средств. Помимо повышения качества лекарственной терапии для пациентов, снижается нагрузка на врачей.

Онлайн-система расчетов ЖКУ – «Всеведа» от Краснодарского края создана для нужд управляющих компаний, ТСЖ, РСО. Благодаря ей можно в автоматическом режиме выставять счета за потребленные коммунальные услуги, избежать ошибок при расчетах и начислениях, повысить собираемость платежей, обмениваться данными, вести аналитику и многое другое. Данный проект также согласуется с концепцией цифровой экономики и Указом Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». 34 региона России, по данным «Смартеки», внедряют «Всеведу» у себя.

Интересных практик на «Смартеке», как уже было сказано, больше 1 600, и это количество постепенно растет. Можно с уверенностью утверждать, что база данных «Смартека» содержит в себе множество ценного опыта, который может быть применен на практике в конкретном регионе или городе. Это позволит улучшить качество жизни населения, сделав ее более комфортной и безопасной. Платформа представляет особый интерес для руководителей, т.к. она предоставляет возможность использовать опыт других регионов и городов для решения местных проблем.

***Российская наука об актуальных проблемах
регионального развития***

Несмотря на позитивные тезисы, озвученные в Послании и Указе главы государства, а также наличие положительных практик в регионах, вопрос существенного разрыва в уровне благополучия субъектов Федерации *остается по-прежнему острым* и является темой актуальных исследований ряда отечественных ученых. Среди них существуют мнения о причинах такого явления, подкрепленные научными изысканиями, и, главное, есть выводы: не все проблемы регионов можно решить бюджетными вливаниями из федерального центра.

Так, Е.М. Бухвальд, С.Д. Валентей и А.В. Одинцова отмечают, что т.к. Россия является многонациональным федеративным государством, необходимо создать такую систему государственного управления и федерально-региональных взаимодействий, которая будет реализовывать все преимущества федеративной природы государства, чтобы федерализм был эффективным как в экономическом, так и в социальном плане [6, с. 61].

В другой публикации С. Д. Валентей пишет: «Любой региональный министр на собственной шкуре ощущает, что спускаемые сверху усредненные показатели развития часто рассчитываются, как “средняя температура по больнице”. И главная опасность подобной “среднеарифметической” методологии в том, что сведение региональной составляющей экономической политики к отдельным (пусть и крупным), не связанным друг с другом локальным программам и проектам угрожает целостности страны и общества» [7, с. 15].

Интересные выводы содержатся в актуальных исследованиях А.Р. Бахтизина и др. Проведя глубокую аналитику социального блока и хозяйственной деятельности в регионах России, ученые сделали несколько значимых выводов: 1) большинство региональных экономик сохраняют неустойчивый тренд развития; 2) отсутствует жесткая взаимосвязь между качеством социальной среды региона и осуществляемой на его территории хозяйственной деятельностью; 3) высокие показатели отдельных регионов обеспечиваются сильными региональными экономиками; 4) регионы, которые являются неблагополучными в социальном плане, зачастую ведут достаточно активную хозяйственную деятельность, но при этом обычно имеют низкую бюджетную самодостаточность; 5) существует ряд субъектов Федерации, которые на протяжении длительного времени являются глубоко дотационными, но улучшения социального положения не наблюдается, поскольку экономики данных регионов недостаточно эффективны [8; 9].

Е.М. Бухвальд отмечает, что «баланс централизованных инструментов государственной региональной политики и мер, ориентированных на активизацию механизмов “саморазвития” регионов, выступает одним из важнейших признаков федеративной государственности» [10, с. 58]. Ученый придерживается мнения, что «перетягивание одеяла» в вопро-

сах регионального развития на федеральный центр лишает регионы инициативы, превращая их в пассивных наблюдателей и исполнителей. А неудачи данной ведут к утрате доверия к центру со стороны субъектов Федерации и к расшатыванию территориальной целостности. При этом автор уточняет, что достижение бюджетной самодостаточности регионов не в полной мере способно влиять на их саморазвитие (если смотреть с позиции только самообеспечения). Необходимо, чтобы субъекты Российской Федерации могли быть активными акторами стратегического планирования и политики модернизации экономики и по другим направлениям, ведь это касается их напрямую [10, с. 58].

Если говорить о доверии регионов к Центру и доверии граждан к государственной власти как таковой, то на этот счет существуют представляющие интерес исследования. А.А. Аузан на протяжении ряда лет продвигает тезис о влиянии доверия в обществе на уровень социально-экономического развития страны. По его мнению, если бы в России был бы уровень доверия, как в Швеции, это дало бы прирост ВВП на душу населения на 69%. Например, поддержка развития конкурирующих цифровых платформ с репутационным механизмом и защитой персональных данных способна в течение 2–3 лет дать эффекты: рост товарооборота, уменьшение уровня безработицы; рост общего доверия в результате изменения технологий обучения; развитие общественных пространств в перспективе 7–9 лет способно привести к значительному росту инновационной активности и т.п. [11].

Г.И. Герасимова отмечает, что в последние годы уровень доверия к разным социальным институтам в России составляет 28%, что заметно ниже показателя доверия в центральноевропейских и азиатских государствах (для сравнения Китай — 68%). При этом большее доверие россияне демонстрируют к Президенту, Правительству Российской Федерации, армии, органам безопасности, церкви, благотворительным организациям, а меньшее — к региональной и муниципальной власти. Также довольно низкий уровень доверия к судам, полиции, банкам, политическим партиям, крупному бизнесу и профсоюзам. Автор отмечает необходимость создания эффективных каналов обратной связи с гражданами, отказ от лакирования действительности, этичное поведение чиновников и добросовестное выполнение ими своих обязанностей, реальные, а не показательные результаты деятельности государственной управленческой вертикали и другие [12].

В качестве резюме хотелось бы обратиться к научным работам Г.В. Осипова, который отмечает, что сегодня мировое общество (и российское, в частности) живет в эпоху электронно-цифровой цивилизации, что вместе с прогрессом приводит к обострению ряда противоречий, которые присущи динамике развития человечества [13].

Цифровая цивилизация ведет к росту знания, изменению, расширению возможностей процессов социального взаимодействия на уровне индивидов, малых и средних социальных групп. Однако крупные структуры, такие как национальные сообщества, государства,

меняются медленнее в силу большей инертности, и в какой-то момент инструменты государственного управления начинают отставать.

Еще одна проблема, с которой ранее крупные сообщества не сталкивались, — *цифровое неравенство*. Исследования показывают увеличивающийся разрыв в возможностях между теми, кто интегрирован в цифровую среду, и теми, кто ею почти не пользуется (не умеет, не имеет средств доступа и т.п.). С учетом ускоренного развития государственных и частных цифровых сервисов данное неравенство способно ощутимо влиять на уровень и качество жизни как отдельных граждан, так и целых населенных пунктов, районов, субъектов Российской Федерации. Г.В. Осипов считает, что уже сегодня необходимо создавать новые принципы устройства общества, соответствующие эпохе, на основе накопленных научных знаний и освобожденные от догматизма.

Заключение

В 2024 г. в России приступили к внедрению нового стандарта — с 1 марта 2024 г. были установлены требования к региональному стандарту транспортного обслуживания населения²³. Стандарт включает в себя показатели территориальной, информационной и финансовой доступности пассажирских перевозок, а также устанавливает требования к безопасности, комфорту и другие. Регионам необходимо самостоятельно разработать сам стандарт, исходя из локальной специфики.

В 2024 г. актуализируются текущие национальные проекты на период 2025–2023 гг., предложения должны будут представлены летом 2024 г., а также формируются новые. Особенное внимание в процессе доработки национальных проектов будет сконцентрировано на решении конкретных задач, которые напрямую оказывают внимание на улучшение жизни граждан России, а также на достижение национальных целей развития. Так, национальные проекты «Продолжительная и активная жизнь» и «Новые технологии сбережения здоровья» будут направлены на сохранение населения и его здоровья; на достижение технологического лидерства будет направлен нацпроект «Средства производства и автоматизации». Готовятся такие масштабные нацпроекты, как «Семья», «Молодежь и дети», которые (помимо сохранения населения и его здоровья) нацелены на повышение благополучия людей, реализацию потенциала и талантов.

Очевидно, что государство ведет целенаправленную работу по повышению уровня и качества жизни россиян. Но видится, что государственная политика по ряду направлений нуждается в корректировке, чтобы соответствовать и национальным целям, поставленным Указом Президента, и запросам граждан, органов власти, бизнеса, а также текущим реалиям.

²³ С 1 марта 2024 г. устанавливаются требования к региональному стандарту транспортного обслуживания населения. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/82871.html> (дата обращения: 19.07.2024).

Принятие стандарта благополучия на государственном уровне *может стать одним из ключевых шагов в направлении повышения качества жизни* и достижения национальных целей. Важно отметить, что стандарт не является отдельным инструментом, а скорее служит ориентиром, опорной шкалой для оценки эффективности работы региональных и муниципальных властей, а также государственного управления в целом.

Список литературы

1. Кривов В.Д., Постников С.Л. «Стандарт благополучия» как инструмент достижения стратегических целей социально-экономического развития государства // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022. Т. 14. Вып. 4 (46). С. 42–55.
2. Кривов В.Д., Владимиров Д.Г. Актуальные аспекты реализации концепции стандарта социального благополучия // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2024. Т. 16. Вып. 1. С. 65–79.
3. Кривов В.Д., Владимиров Д.Г., Лисичкина А.А. Формирование федеральных и региональных механизмов обеспечения стандарта благополучия для развития отношений общественного доверия // Федерализм. 2023. Т. 28. № 4 (112). С. 35–52.
4. Бобков В.Н. Психологическая и экономическая составляющие категории качества и уровня жизни // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. С. 52–58.
5. Манаева И.В. Качество жизни в российских регионах: эмпирический анализ // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 4. С. 71–92.
6. Бухвальд Е.М., Валентей С.Д., Одицова А.В. Экономические проблемы федерализма, региональной политики и местного самоуправления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 51–76.
7. Валентей С.Д. Зачем России Министерство регионального развития? // Федерализм. 2015. № 3. С. 7–16.
8. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития региональных экономик в России // Федерализм. 2022. Т. 27. № 2. С. 177–221.
9. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития субъектов Российской Федерации в условиях санкций // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2. С. 161–196.
10. Бухвальд Е.М. Характер и условия реализации программы пространственного развития России // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3. С. 57–59.
11. Аузан А.А. Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2021. № 1 (761). URL: <http://council.gov.ru/media/files/9SKbz9PvGjZBTNsE8TX3QnAmD9N3b3cf.pdf> (дата обращения: 20.07.2024).
12. Герасимова Г.И. Феномен доверия в социальном управлении: теоретический аспект // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6 (182). С. 26–32.
13. Осипов Г.В., Климовицкий С.В. Цифровизация общественной жизни и новые задачи социальных наук // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 7. С. 52–57.

References

1. Krivov V.D., Postnikov S.L. “Standart blagopoluchiiia” kak instrument dostizheniia strategicheskikh tselei sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiia gosudarstva [“Standard of Well-Being” as a Tool for Achieving Strategic Goals of Socio-Economic Development of the State], *Nauchnye issledovaniia ekonomicheskogo fakul’teta. Elektronnyi zhurnal* [Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal], 2022, Vol. 14, Iss. 4 (46), pp. 42–55. (In Russ.).
2. Krivov V.D., Vladimirov D.G. Aktual’nye aspekty realizatsii kontseptsii standarta sotsial’nogo blagopoluchiiia [Actual Aspects of Implementing the Concept of the Standard of Social Well-Being], *Nauchnye issledovaniia ekonomicheskogo fakul’teta. Elektronnyi zhurnal* [Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal], 2024, Vol. 16, Iss. 1, pp. 65–79. (In Russ.).
3. Krivov V.D., Vladimirov D.G., Lisichkina A.A. Formirovanie federal’nykh i regional’nykh mekhanizmov obespecheniia standarta blagopoluchiiia dlia razvitiia ot-noshenii obshchestvennogo doveriia [Formation of Federal and Regional Mechanisms for Ensuring the Standard of Well-Being for the Development of Public Trust Relations], *Federalizm* [Federalism], 2023, Vol. 28, No. 4 (112), pp. 35–52. (In Russ.).
4. Bobkov V.N. Psikhologicheskaiia i ekonomicheskaiia sostavliaiushchie kategorii kachestva i urovnia zhizni [Psychological and Economic Components of the Category of Quality and Standard of Living], *Psikhologiiia v ekonomike i upravlenii* [Psychology in Economics and Management], 2010, No. 2, pp. 52–58. (In Russ.).
5. Manaeva I.V. Kachestvo zhizni v rossiiskikh regionakh: empiricheskii analiz [Quality of Life in Russian Regions: Empirical Analysis], *Problemy razvitiia territorii* [Problems of Territory Development], 2023, Vol. 27, No. 4, pp. 71–92. (In Russ.).
6. Bukhval’d E.M., Valentei S.D., Odintsova A.V. Ekonomicheskie problemy federalizma, regional’noi politiki i mestnogo samoupravleniia [Economic Problems of Federalism, Regional Policy and Local Self-Government], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2020, No. 1, pp. 51–76. (In Russ.).
7. Valentei S.D. Zachem Rossii Ministerstvo regional’nogo razvitiia? [Why Does Russia Need a Ministry of Regional Development?], *Federalizm* [Federalism], 2015, No. 3, pp. 7–16. (In Russ.).
8. Valentei S.D., Bakhtizin A.R., Borisova S.V., Kol’chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiia regional’nykh ekonomik v Rossii [Development Trends for Regional Economies in Russia], *Federalizm* [Federalism], 2022, Vol. 27, No. 2, pp. 177–221. (In Russ.).
9. Valentei S.D., Bakhtizin A.R., Borisova S.V., Kol’chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiia sub’ektov Rossiiskoi Federatsii v usloviakh sanktsii [Development Trends of the Constituent Entities of the Russian Federation Under Sanctions], *Federalizm* [Federalism], 2023, Vol. 28, No. 2, pp. 161–196. (In Russ.).
10. Bukhval’d E.M. Kharakter i uslovia realizatsii programmy prostranstvennogo razvitiia Rossii [The Nature and Conditions for the Implementation of the Program of Spatial Development of Russia], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and Practice of Social Development], 2018, No. 3, pp. 57–59. (In Russ.).
11. Auzan A.A. Doverie kak kriticheskii faktor dostizheniia strategicheskikh tselei sotsial’no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiia gosudarstva [Trust as a Critical Factor in Achieving the Strategic Goals of the Socio-Economic and Political Development of the State], *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal’nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii* [Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation], 2021, No. 1 (761). (In Russ.). Available at: <http://>

council.gov.ru/media/files/9SKbz9PvGjZBTHsE8TX3QnAmD9N3b3cf.pdf (accessed 20 July 2024).

12. Gerasimova G.I. Fenomen doveriia v sotsial'nom upravlenii: teoreticheskii aspekt [The Phenomenon of Trust in Social Management: Theoretical Aspect], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and Practice of Social Development], 2023, No. 6 (182), pp. 26–32. (In Russ.).

13. Osipov G.V., Klimovitskii S.V. Tsifrovizatsiia obshchestvennoi zhizni i novye zadachi sotsial'nykh nauk [Digitalization of Public Life and New Tasks of Social Sciences], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences], 2018, No. 7, pp. 52–57. (In Russ.).

STATISTICAL SUPPORT FOR FEDERAL AND REGIONAL DECISIONS ON THE WELL-BEING STANDARD

Modern Russia is going through difficult trials and as a state, as a civil society, it is in search of new ideas, meanings and goals for further development. Therefore, a more mature approach to the implementation of social policy is needed both at the federal, regional and local levels. This approach can become a standard of well-being. The general idea of the welfare standard implies equal access of citizens to public goods in any locality of the country. At the moment, programs are being implemented in a number of regions of Russia that can be called components of the well-being standard, but no universal concept has been created that would describe this standard. The authors of the study offer their vision of the standard of well-being and show that the process of its creation requires the efforts of the scientific community and active discussion. The result of the implementation of the well-being standard may be a gradual solution to the accumulated problems that concern Russian citizens. The study presents the successful experience of the regions, as well as analyzes the most common difficulties that hinder the successful implementation of state social projects and the development of individual regions. In the course of the study, it was proposed to supplement the federal standard with regional standards of well-being due to the specifics of a particular region.

Keywords: social policy, standard of well-being, public administration, statistics, citizens' trust, region.

JEL: H110, H410, I310, I320

Дата поступления — 08.08.2024 г.

КРИВОВ Виктор Дмитриевич

доктор экономических наук, заведующий кафедрой социологии и менеджмента общественных процессов Высшей школы современных социальных наук;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» / Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, 119991.

e-mail: vickriwov@yandex.ru

САМУСЕВИЧ Кира Александровна

независимый исследователь.

e-mail: kira-84@bk.ru

KRIVOV Viktor D.

Dr. Sc. (Econ.), Head of the Department of Sociology and Management of Social Processes;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University” / 1, Building. 13, Leninskie gory, Moscow, 119991.

e-mail: vickriwov@yandex.ru

SAMUSEVICH Kira A.

Independent Researcher.

e-mail: kira-84@bk.ru

Для цитирования:

Кривов В.Д., Самусевич К.А. Статистическая поддержка федеральных и региональных решений по стандарту благополучия // Федерализм. 2024. Т. 29. № 3 (115). С. 24–42. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-3-24-42>

Ю.Л. РАСТОПЧИНА, И.Н. ТИТОВА, А.Д. ЖУКОВСКИЙ

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОМ МАКРОРЕГИОНЕ

Концепция устойчивого развития в современном управлении территориями набирает обороты все интенсивнее и динамичнее. Социально-экономические и экологические аспекты закладываются в стратегические национальные и региональные документы долгосрочного характера. Степень достижения целей устойчивого развития (ЦУР), утвержденных ООН, проходит оценку и мониторинг в различных отчетах международных и отраслевых организаций, что влияет на репутационные характеристики стран. В публикации представлены результаты обзора достижения цели устойчивого развития № 9 (далее — ЦУР-9) «Индустриализация, инновации и инфраструктура» (создание устойчивой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям) в 5 субъектах Российской Федерации Центрально-Черноземного макрорегиона за период 2015–2022 гг. Показатели мониторинга достижения ЦУР-9 в региональном разрезе были предложены авторами при сопоставлении национального набора показателей ЦУР и статистических показателей, характеризующих развитие субъектов Российской Федерации. Основными методами исследования являются систематизация, контент-анализ и метод структурно-динамической оценки. В ходе исследования сформирован унифицированный региональный перечень показателей ЦУР-9; проведена эмпирическая оценка данного перечня показателей на материалах 5 субъектов Центрально-Черноземного макрорегиона и обзор степени достижения данной цели в исследуемых регионах. Авторами проведен сравнительный обзор стратегий социальной-экономического развития субъектов Центрально-черноземного макрорегиона на предмет наличия принципов устойчивого развития.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, мониторинг достижения цели устойчивого развития № 9, набор показателей достижения цели устойчивого развития № 9 для регионов, Центрально-Черноземный макрорегион, стратегии развития.

JEL: R11, R12

Современные национальные и региональные социально-экономические модели развития ориентированы на идеологию устойчивого развития, содержащую в себе экономические, социальные и экологические аспекты. В 2015 г. ООН предложила «Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой выделены 17 целей устойчивого развития как глобальные ориентиры развития мирового хозяйства. Каждая страна — член ООН, принявшая данную Повестку, несет определенные обязательства по активному участию в реализации ЦУР в пределах своей национальной территории, сопровождая этот процесс нормативно-методическим обеспечением, статистической отчетностью и формированием национального набора индикаторов для оценки и мониторинга достижения ЦУР. Устойчивое развитие страны в целом должно базироваться на стабильных темпах роста регионального развития, в связи с чем тематическое направление исследования процессов реализации концепции устойчивого развития в регионах является особо актуальным.

Исследований по тематике устойчивого развития значительное количество. Однако в них не совсем полно раскрыты проблемы каскадирования показателей достижения целей устойчивого развития с национального на региональный и муниципальный уровни. Так, А. П. Кузнецов и Р. Ю. Селименков в монографии «Устойчивое развитие региона: эколого-экономические аспекты» [1] представили опыт российских регионов по формированию экологически устойчивого развития территорий на примере Вологодской области. В. Д. Кузьменковой в статье «Устойчивое развитие регионов России» [2] выявлены основные факторы, влияющие на устойчивое развитие регионов России. С. Ю. Хут, С. К. Чиназирова, Х. А. Абдужалилов, Ф. Ш. Камилов предложили концептуальную модель устойчивого развития экономики региона [3]. В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, А. В. Смирнов сфокусировались на формировании системы индикаторов устойчивого развития, в частности, на демографических показателях [4]. Т. А. Бурцева, А. И. Губарева в публикации «Мониторинг устойчивого развития муниципальных районов и городских округов Калужской области» на основе динамического анализа исследовали «стратегии развития муниципальных и городских округов Калужской области в соответствии с международной концепцией устойчивого развития» [5].

В отличие от указанных публикаций, суть нашей рабочей гипотезы состоит в том, что в современных условиях формирование долгосрочных стратегий социально-экономического развития регионов с ориентацией на принципы устойчивого развития *должно обеспечивать конкурентоспособность региональных систем*. Поэтому цель исследования — динамический анализ и мониторинг показателей ЦУР в российских регионах (5 субъектов Российской Федерации Центрально-Черноземного макрорегиона — Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская области) за период 2015–2022 гг. Авторы ограничили мониторинг достижения ЦУР в регионах обзором ЦУР-9: «Индустриализация, инновации и инфраструктура» (создание

устойчивой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям).

Задачи исследования включают:

- 1) формирование унифицированного регионального перечня показателей ЦУР-9 путем сопоставления региональной статистической практики и официального национального набора показателей ЦУР;
- 2) эмпирическую адаптацию унифицированного регионального перечня показателей ЦУР-9 на материалах 5 субъектов Центрально-Черноземного макрорегиона (далее – ЦЧМ) и обзор степени достижения данной цели в исследуемых регионах;
- 3) сравнительный обзор стратегий социальной-экономического развития 5 субъектов ЦЧМ на предмет наличия принципов устойчивого развития.

Формирование унифицированного регионального перечня показателей ЦУР-9

Показатели мониторинга достижения ЦУР-9 в региональном разрезе были предложены авторами при сопоставлении национального набора показателей ЦУР и статистических показателей, характеризующих развитие субъектов Российской Федерации. Общей базой для формирования показателей мониторинга достижения ЦУР-9 в региональном разрезе являются показатели, утвержденные Повесткой ООН в области устойчивого развития до 2030 г. (см. рис. 1).

Рис 1. Уровни каскадирования показателей ЦУР с международного на национальный и региональный уровни

Источник: составлено авторами.

Национальный набор показателей мониторинга выполнения ЦУР-9, адаптированный на региональный уровень с ориентацией на официальные статистические данные, представлен на рисунке 2.

Национальный уровень		Региональный уровень
Объем пассажирских и грузовых перевозок в разбивке по видам транспорта (млн чел.)	→	Пассажирооборот автобусов общего пользования (тыс. пасс.-км)
Добавленная стоимость, создаваемая в обрабатывающей промышленности, в процентном отношении к ВВП и на душу населения (% к ВВП)	→	Доля добавленной стоимости отрасли «Обрабатывающее производство» в валовом региональном продукте (%)
Занятость в обрабатывающей промышленности в процентах от общей занятости (%)	→	Занятость в обрабатывающей промышленности в процентах от общей занятости (%)
Доля мелких предприятий в совокупном объеме чистой продукции промышленности (%)	→	Нет аналогов
Доля мелких предприятий, имеющих кредит или кредитную линию (%)	→	Нет аналогов
Выбросы CO ₂ на единицу добавленной стоимости (т/млн руб.)	→	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух по отношению к ВРП (т/млн руб.)
Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП (%)	→	Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВРП (%)
Количество исследователей (в эквиваленте полной занятости) на миллион жителей (чел.)	→	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по отношению к общей численности занятых на 1 млн чел. (чел.)
Доля добавленной стоимости продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме добавленной стоимости (%)	→	Разработанные передовые производственные технологии на 1 000 чел. населения (ед.)
Доля населения, охваченного мобильными сетями, в разбивке по технологиям (%)	→	Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1 000 чел. населения (на конец года; ед.)

Рис. 2. Адаптация национального набора показателей достижения ЦУР-9 на региональный уровень

Источник: составлено авторами по: [6; 7].

Эмпирическая оценка показателей ЦУР-9
в Центрально-Черноземном макрорегионе

Используя перечень представленных на рисунке 2 показателей, перейдем к оценке устойчивого развития территорий ЦЧМ.

Анализ пассажирооборота по представленным субъектам Российской Федерации свидетельствует об одинаковой тенденции показателя. При этом во всех областях ЦЧМ зафиксировано снижение показателя в 2020 г. по отношению к 2015 г. в среднем на 40%. Начиная с 2021 г. наблюдается рост пассажирооборота. Наибольшее значение индикатора

на протяжении всего исследуемого периода отмечается в Воронежской области, что вполне объяснимо наличием развитой транспортной инфраструктуры.

Т а б л и ц а 1

Показатели ЦУР-9 в регионах Центрально-Черноземного макрорегиона

Регион	2015	2020	2021	2022
1	2	3	4	5
<i>Пассажирооборот автобусов общего пользования, тыс. пасс.-км</i>				
Белгородская область	1 117 885,5	775 253,4	899 912,2	997 337,9
Воронежская область	2 957 099,1	1 806 410,5	2 137 850,8	2 465 361,8
Курская область	784 349,6	488 488,9	597 308,5	669 447,8
Липецкая область	880 852,6	557 402,7	691 935,7	693 964,7
Тамбовская область	1 267 986,3	750 812,0	757 460,5	851 988,2
<i>Доля добавленной стоимости отрасли «Обрабатывающее производство» в ВРП, %</i>				
Белгородская область	19,4	14,9	14,2	14,0
Воронежская область	14,9	15,9	17,7	17,9
Курская область	17,6	14,2	13,7	13,2
Липецкая область	38,8	36,5	48,9	37,2
Тамбовская область	12,1	12,8	12,9	12,9
<i>Занятость в обрабатывающей промышленности в процентах от общей занятости, %</i>				
Белгородская область	17,2	15,8	15,5	15,6
Воронежская область	16,7	13,3	13,7	13,2
Курская область	13,3	13,3	13,4	14,3
Липецкая область	20,3	17,5	17,8	18,0
Тамбовская область	15,0	13,6	14,1	14,2
<i>Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух по отношению к ВРП, т/млн руб.</i>				
Белгородская область	17,2	16,8	11,8	12,1
Воронежская область	8,4	10,9	10,7	11,4
Курская область	9,2	9,9	8,2	7,7
Липецкая область	71,7	52,0	38,2	37,8
Тамбовская область	16,2	18,2	15,9	12,4
<i>Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВРП, %</i>				
Белгородская область	0,28	0,29	0,30	0,33
Воронежская область	0,78	1,03	1,07	1,11
Курская область	0,82	0,71	0,56	0,51

Источник: составлено авторами по: [6; 7].

О к о н ч а н и е т а б л . 1

1	2	3	4	5
Липецкая область	0,09	0,17	0,09	0,21
Тамбовская область	0,63	0,29	0,24	0,21
<i>Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.</i>				
Белгородская область	2 319,6	1 945,7	1 918,6	1 916,5
Воронежская область	9 702,5	9 272,1	9 705,3	9 725,2
Курская область	5 556,4	5 185,9	4 967,6	5 549,5
Липецкая область	1 238,5	1 025,2	1 049,3	1 055,5
Тамбовская область	3 189,3	1 924,3	1 896,9	1 711,0
<i>Разработанные передовые производственные технологии на 1 000 чел. населения, ед.</i>				
Белгородская область	33	38	34	25
Воронежская область	25	16	24	25
Курская область	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Липецкая область	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Тамбовская область	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
<i>Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1 000 чел. населения, ед.</i>				
Белгородская область	1 803,6	1 844,8	1 864,9	1 909,7
Воронежская область	1 790,3	1 897,2	1 958,9	1 953,2
Курская область	1 777,9	1 893,6	1 916,2	1 878,3
Липецкая область	1 693,9	1 925,2	1 989,4	1 911,8
Тамбовская область	1 776,2	1 765,1	1 805,0	1 772,4

Развитие обрабатывающей промышленности в изучаемых регионах в силу территориального распределения предприятий данной отрасли имеет свои отличительные особенности, что отражается на ее тенденциях в регионах ЦЧМ (см. рис. 3).

Среди всех регионов необходимо выделить Липецкую область по наибольшему удельному весу обрабатывающей промышленности в ВРП. В среднем он составляет 40,3%, тогда как в Тамбовской области показатель составляет не более 12,9%. Воронежская область характеризуется положительной динамикой развития обрабатывающей промышленности и соответственно ее долей в ВРП. Показатель в среднем вырос с 14,9% в 2015 г. до 17,9% в 2022 г. Курская и Белгородская области имеют стабильную тенденцию снижения показателя за весь исследуемый период. Так, в 2015 г. доля продукции обрабатывающей промышленности в ВРП Белгородской области составляла 19,4%, в 2022 г. показатель снизился на 28% и составил 14,0%. Показатель Курской области в 2022 г. по отношению к 2015 г. снизился на 25% и составил 13,2%.

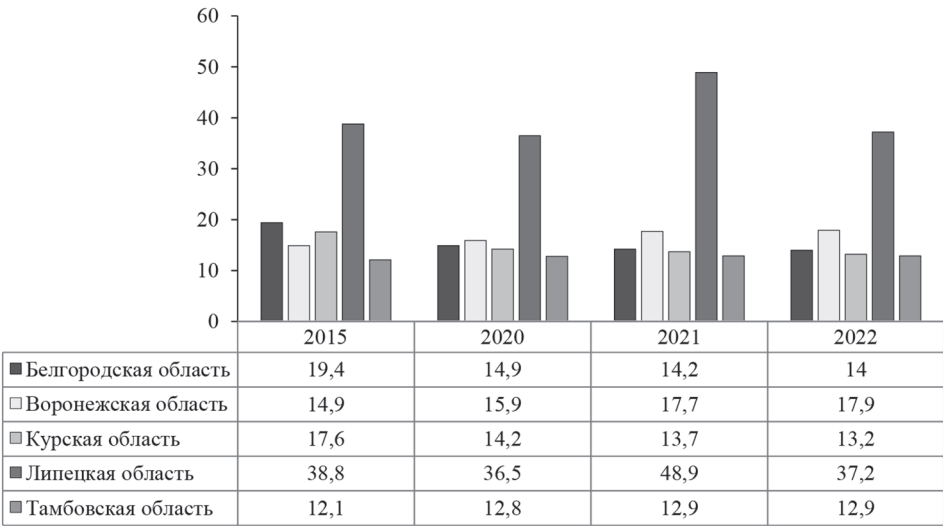

Рис. 3. Тенденция доли добавленной стоимости отрасли «Обрабатывающее производство» в ВРП

Источник: [6; 7].

Уровень занятости в регионах на предприятиях обрабатывающей промышленности характеризуется в целом тенденцией снижения за исключением Курской области, где показатель вырос на 1% с 2015 г. (13,3%) по 2022 г. (14,3%). Наглядно изменение показателя в 2015–2022 гг. отражено на диаграмме (см. рис. 4).

Рис. 4. Изменение уровня занятости в обрабатывающей промышленности по регионам Центрально-Черноземного макрорегиона

Источник: [6; 7].

Развитие промышленных предприятий всегда сопряжено с выбросами загрязняющих веществ в атмосферный воздух с прямой корреляцией: чем выше объемы производства, тем больше загрязняющих веществ попадает в атмосферу. На *рисунке 5* представлена наглядно динамика изучаемого показателя по каждой из 5 областей.

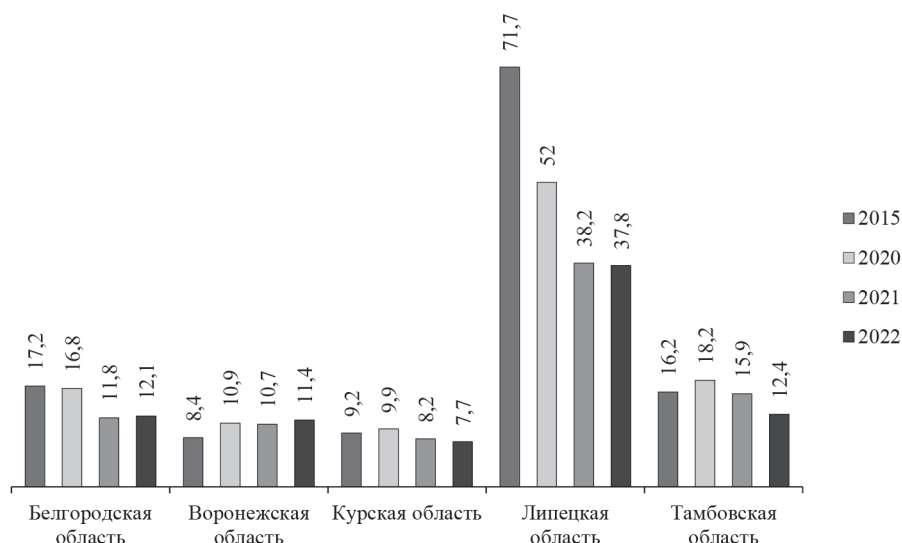

Рис. 5. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух по отношению к ВРП

Источник: [6; 7].

Все регионы, кроме Воронежской области, имеют тенденцию к снижению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, что является благоприятным фактором устойчивого развития. Максимальные значения показателя отмечены в Липецкой области, минимальные — в Курской области.

Анализ инновационного потенциала областей опирается на динамику следующих показателей:

- 1) доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВРП (наукоемкость ВРП);
- 2) численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками по отношению к общей численности занятых;
- 3) разработанные передовые производственные технологии на 1 000 чел. населения (*рисунк 6* отображает визуализацию по первым двум показателям в связи с отсутствием статистических данных по разработанным передовым производственным технологиям на 1 000 чел. населения в Курской, Липецкой и Тамбовской областях).

По всем трем критериям оценки инновационного потенциала лидирующие позиции занимает Воронежская область — самые высо-

кие показатели с положительной динамикой развития. Следовательно, Воронежская область по данной группе показателей характеризуется высокой степенью достижения ЦУР-9. Белгородская и Курская области с учетом значений и динамики показателей имеют предпосылки для выполнения целей устойчивого развития по ЦУР-9. Отрицательная динамика показателей оценки инновационного потенциала в Тамбовской области и очень низкие значения в Липецкой области затрудняют достижение целей устойчивого развития по данному направлению.

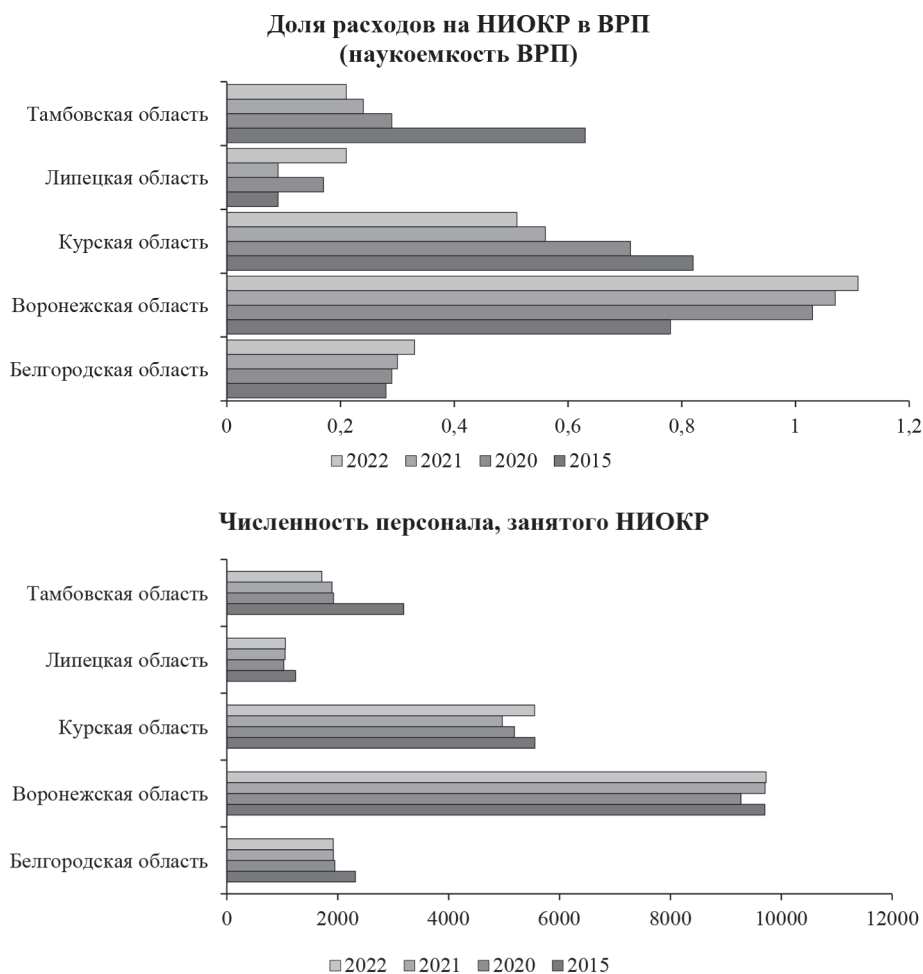

Рис. 6. Динамика показателей инновационного потенциала регионов

Источник: [6; 7].

Оценка информационно-коммуникационной обеспеченности населения регионов осуществлялась на основании показателя «Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1 000 чел. населения». Значение показателя во всех анализируемых регионах де-

монстрирует с 2015 по 2021 г. динамику роста. Начиная с 2022 г. произошло снижение индикатора во всех регионах ЦЧМ, кроме Белгородской области. Результаты анализа подтверждают необходимость корректировки региональной политики исследуемых субъектов Российской Федерации ЦЧМ для повышения уровня цифровизации, которая, в свою очередь, обеспечит расширение возможностей устойчивого развития территории.

Проанализировав показатели ЦУР-9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура» в регионах ЦЧМ, можно сделать вывод, что *в исследуемых субъектах Российской Федерации отсутствует равномерное и сбалансированное развитие* – существуют разрывы во многих показателях по регионам и годам. Инновационный потенциал, необходимый для экономического развития и интенсивного роста, имеет значительный разрыв между исследуемыми регионами. В целом, понимая разнотипность и обширность такой цели устойчивого развития как ЦУР-9, захватывающей инфраструктурные изменения, наращивание инноваций и развитие промышленного производства, сложно объективно отметить, какой из анализируемых регионов имеет максимальную степень достижения ЦУР-9.

Сравнительный обзор стратегий социально-экономического развития Центрально-Черноземного макрорегиона на предмет наличия принципов устойчивого развития

В современной экономике субъектов Российской Федерации *главный навигационный документ*, являющийся ориентиром социально-экономического развития регионов, – их стратегии. При этом все стратегии социально-экономического развития российских регионов сопряжены с общенациональными целями и приоритетами, заложенными в национальных проектах и государственных программах.

Стратегии социально-экономического развития территорий характеризуются аналитическим обзором экономического потенциала регионов, включая направления возможной диверсификации экономики с оценкой перспектив создания рабочих мест для своего населения, снижая безработицу и способствуя социальной интеграции. Стратегии должны способствовать повышению качества жизни жителей, стимулировать местную экономику, диверсифицировать источники доходов и способствовать устойчивому и инклюзивному развитию.

Регионы в своих стратегиях закладывают пути повышения привлекательности территории, в т.ч. делая обзор социально-экономических эффектов от инвестирования:

- в качественную инфраструктуру и услуги с возможностью привлечения новых предприятий, новых жителей и туристов;
- в социальную и культурную инфраструктуру, повышая качество жизни своих жителей, предоставляя им лучший доступ к образованию, здравоохранению, жилью и досугу.

Т а б л и ц а 2

Обзор стратегий социально-экономического развития регионов Центрально-Черноземного макрорегиона

Регион	Наименование документа	Дата принятия, номер документа	Структурные элементы стратегии, направленные на устойчивое развитие и экологизацию экономики
Белгородская область	Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2030 г.	11 июля 2023 г. № 371-пп	В стратегии уделено внимание аспектам рационального природопользования Белгородской области и обеспечения экологической безопасности
Воронежская область	О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 г.	Ред. от 23 декабря 2019 г. № 165-ОЗ	В стратегии выделен раздел, связанный с обзором направлений рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности Воронежской области
Курская область	О Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 г.	14 декабря 2020 г. № 100-ЗКО	В качестве одного из приоритетных направлений регионального развития выдвинут приоритет 7: «Зеленый и безопасный регион» (внедрение системы ценностей устойчивого развития, зеленой экономики)
Липецкая область	Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2030 г.	25 октября 2022 г. № 207-ОЗ	В стратегии региона заложен приоритет «Липецкая область – ESG-регион, реализующий ценности устойчивого развития и принципы ESG»
Тамбовская область	О Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области на период до 2035 г.	4 июня 2018 г. № 246-З	В стратегической региональной цели развития заложено лидерство территории по качеству жизни и окружающей среды, однако отдельного внимания реализации принципов устойчивого развития в стратегии не уделено

Источник: [8–13].

В последнее время приобрело актуальность отражение в стратегиях социально-экономического развития регионов такое направление как сохранение окружающей среды. Интегрируя критерии устойчивости и сохранения окружающей среды в свои стратегии развития, регионы могут сохранять свои природные ресурсы и обеспечивать устойчивое развитие.

Результаты контент-анализа главных стратегических документов Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областей позволяют сделать следующие выводы:

- структурно схожи по методологическому контуру документы Белгородской, Воронежской, Курской и Тамбовской областей, что является преимуществом при сравнительном анализе стратегий развития указанных областей;
- даты принятия и утверждения стратегий у регионов различные и частично не учитывают ряд процессов, которые кардинально изменили национальную и региональную политику и не ориентированы на новые условия и тенденции российской экономики, в частности, стратегии Воронежской и Тамбовской областей утверждены в 2018 г.;
- стратегии Воронежской и Тамбовской областей приняты до 2035 г., что частично затрудняет проведение сравнительного анализа в динамическом контексте;
- стратегии Воронежской и Курской областей отличаются четким структурным и уточняющим описанием проектов в рамках всех выделенных приоритетов и стратегических целей;
- стратегия развития Тамбовской области не отражает современных тенденций, характерных для всей страны в целом. Большую часть обзора в стратегическом документе занимает обзор проблем региона.

В отношении фокусирования в региональных социально-экономических региональных стратегиях на принципах устойчивого развития хочется выделить стратегию Липецкой области, *выгодно отличающуюся от стратегий других регионов*, участвовавших в контент-анализе. Стратегия данного региона составлена с учетом глобальных трендов, в частности, реализации идеологии устойчивого развития и внедрения ESG-принципов (окружающая среда, общество/социальная ответственность, управление/корпоративное управление). Это единственный регион (первый в России), который в своем главном стратегическом документе выделил в качестве приоритета цифровую, управленческую и ESG-трансформацию.

Проведенное исследование подтверждает рабочую гипотезу о том, что формирование стратегий социально-экономического развития регионов с ориентацией на реализацию принципов устойчивого развития *обеспечивает общую конкурентоспособность региональных систем*, повышает их инвестиционную привлекательность.

Региональный корпоративный сектор, понимая перспективность устойчивого развития и принципов ESG, активно стремится к реализа-

ции в своей стратегической деятельности проектов, связанных с зеленой экономикой, эко-инвестициями, *ESG-отчетностью*.

Яркий пример компании, которая активно внедряет в своей деятельности устойчивое развитие — компания «ЭФКО» — крупнейший производитель продуктов питания в России. «ЭФКО» подчеркивает свою «ответственность за создание новой нормы устойчивого развития и улучшение качества жизни людей». Цель компании — «создание здорового будущего для жителей нашей планеты». В его основе компания видит «качественное и полезное питание, развитие биотехнологий и снижение углеродного следа производства»¹. Данная цель сопряжена с целями устойчивого развития и интегрирована в стратегический контур корпорации.

Резюмируя, отметим, что переход регионов на путь активного внедрения принципов устойчивого развития в управленческие механизмы и экономическую политику на сегодняшний день актуален. Дальнейшая *ESG-трансформация* регионов и отдельно корпоративного сектора очень важна, т.к. в недалекой перспективе это может быть связано с финансовыми, экономическими, репутационными стимулами и в первую очередь с конкурентоспособностью региона и его инвестиционной привлекательностью.

Список литературы

1. Кузнецов А. П., Селименков Р. Ю. Устойчивое развитие региона: эколого-экономические аспекты. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2015. 136 с.
2. Кузьменкова В.Д. Устойчивое развитие регионов России // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2016. № 2 (68). С. 257–261.
3. Хут С.Ю., Чиназирова С.К., Абдужалилов Х.А., Камилев Ф.Ш. Концептуальная модель механизма устойчивого развития экономики региона // Новые технологии. 2016. № 4. С. 75–81.
4. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1370–1382.
5. Бурцева Т.А., Губарева А.И. Мониторинг устойчивого развития муниципальных районов и городских округов Калужской области // Экономика, предпринимательство и право. 2022. № 1. С. 465–477.
6. Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2023: Краткий статистический сборник / Росстат. М., 2023. 100 с.
7. О Целях устойчивого развития. Данные по показателям ЦУР // Федеральная служба государственной статистики России. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/data/goal9>
8. Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2030 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406733192>

¹ Группа компаний «ЭФКО»: официальный сайт. URL: <https://www.efko.ru/#second>

9. Аналитический обзор «Рэнкинг устойчивости развития РФ» // Национальное рейтинговое агентство. URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2022/12/ranking_esg_regions.pdf?ysclid=lpnqzt334e748030777

10. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области до 2035 г. // Министерство экономического развития Воронежской области. URL: [https://econom.govvrn.ru/content/imagetoc/files/Закон%20о%20Стратегия-202035\(2\).pdf](https://econom.govvrn.ru/content/imagetoc/files/Закон%20о%20Стратегия-202035(2).pdf)

11. Стратегия социально-экономического развития Курской области до 2030 г. // Инвестиционный портал Курской области. URL: <https://kurskoblinvest.ru/wp-content/uploads/100-ZKO-O-strategii-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-KO-do-2030.pdf?ysclid=lq6fys2kyl816687011>

12. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2030 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406267509>

13. Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области на период до 2035 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550113760>

References

1. Kuznetsov A. P., Selimenkov R. Iu. Ustoichivoe razvitie regiona: ekologo-ekonomicheskie aspekty [Sustainable Development of the Region: Environmental and Economic Aspects]. Vologda, Vologodskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 2015, 136 p. (In Russ.).

2. Kuz'menkova V.D. Ustoichivoe razvitie regionov Rossii [Sustainable Development of Russian Regions], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii* [Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies], 2016, No. 2 (68), pp. 257–261. (In Russ.).

3. Khut S.Iu., Chinazirova S.K., Abduzhalilov Kh.A., Kamilov F.Sh. Kontseptual'naia model' mekhanizma ustoichivogo razvitiia ekonomiki regiona [Conceptual Model of the Mechanism of Sustainable Development of the Regional Economy], *Novye tekhnologii* [New Technologies], 2016, No. 4, pp. 75–81. (In Russ.).

4. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Smirnov A.V. Ustoichivoe razvitie severnykh regionov: demograficheskoe izmerenie [Sustainable Development of the Northern Regions: Demographic Dimension], *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2018, Vol. 14, Iss. 4, pp. 1370–1382. (In Russ.).

5. Burtseva T.A., Gubareva A.I. Monitoring ustoichivogo razvitiia munitsipal'nykh raionov i gorodskikh okrugov Kaluzhskoi oblasti [Monitoring of Sustainable Development of Municipal Districts and Urban Districts of the Kaluga Region], *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], 2022, No. 1, pp. 465–477. (In Russ.).

6. Tseli ustoichivogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii. 2023: Kratkii statisticheskii sbornik [Sustainable Development Goals in the Russian Federation. 2023: Brief Statistical Collection], *Rosstat*. Moscow, 2023, 100 p. (In Russ.).

7. O Tseliakh ustoichivogo razvitiia. Dannye po pokazateliu TsUR [On the Sustainable Development Goals. Data on SDG indicators], *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki Rossii* [Official Website of the Federal State Statistics Service of Russia]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/sdg/data/goal9>

8. Strategiia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Belgorodskoi oblasti na period do 2030 g. [Strategy for the Socio-Economic Development of the Belgorod Region for the

Period up to 2030], *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* [Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents]. (In Russ.). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/406733192>

9. Analiticheskii obzor “Renking ustoichivosti razvitiia RF” [Analytical Review “Ranking of Sustainable Development of the Russian Federation”], *Natsional’noe reitingovoe agensstvo* [National rating agency]. (In Russ.). Available at: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2022/12/ranking_esg_regions.pdf?ysclid=lpnqzt334e748030777

10. Strategiia sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiia Voronezhskoi oblasti do 2035 g. [Strategy for Socio-Economic Development of the Voronezh Region until 2035], *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiia Voronezhskoi oblasti* [Ministry of Economic Development of the Voronezh region]. (In Russ.). Available at: [https://econom.govrn.ru/content/imagetoc/files/Zakon%20o%20Strategiia-%202035\(2\).pdf](https://econom.govrn.ru/content/imagetoc/files/Zakon%20o%20Strategiia-%202035(2).pdf)

11. Strategiia sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiia Kurskoi oblasti do 2030 g. [Strategy for socio-Economic Development of the Kursk Region until 2030], *Investitsionnyi portal Kurskoi oblasti* [Investment Portal of the Kursk Region]. (In Russ.). Available at: <https://kurskoblinvest.ru/wp-content/uploads/100-ZKO-O-strategii-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-KO-do-2030.pdf?ysclid=lq6fys2kyl816687011>

12. Strategiia sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiia Lipetskoi oblasti na period do 2030 g. [Strategy for Socio-Economic Development of the Lipetsk Region for the Period up to 2030], *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* [Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents]. (In Russ.). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/406267509>

13. Strategiia sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiia Tambovskoi oblasti na period do 2035 g. [Strategy for Socio-Economic Development of the Tambov Region for the Period up to 2035], *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* [Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents]. (In Russ.). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/550113760>

SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN REGIONAL SOCIO-ECONOMIC STRATEGIES IN THE CENTRAL CHERNOZEM MACRO-REGION

The concept of sustainable development in modern territorial management is gaining momentum more intensively and dynamically. Socio-economic and environmental aspects are embedded in strategic national and regional documents of a long-term nature. The degree of achievement of the Sustainable Development Goals (SDG) adopted by the UN Agenda is assessed and monitored in various reports of international and industry organizations, which affects the reputational characteristics of countries. The publication presents the results of a review of the achievement of Sustainable Development Goals N 9 (SDG-9): “Industrialization, innovation and infrastructure” (Creation of sustainable infrastructure, promotion of inclusive and sustainable industrialization and innovation) in 5 subjects of the Russian Federation of the Central Chernozem macro-region for the period 2015–2022. Indicators for monitoring the achievement of SDG-9 in the regional context were proposed by the authors when comparing the national set of SDG indicators and statistical indicators characterizing the development of the subjects of the Russian Federation. The main research methods are systematization, content analysis and the method of structural and dynamic assessment. In the course of the study, a unified regional list of SDG-9 indicators was formed; an empirical assessment of this list of indicators was carried

out on the materials of 5 subjects of the Central Chernozem macro-region and an overview of the degree of achievement of this goal in the studied regions. The authors conducted a comparative review of the strategies of social and economic development of the subjects of the Central Chernozem macro-region for the existence of principles of sustainable development.

Keywords: Sustainable Development Goals, monitoring the achievement of Sustainable Development Goals N 9, a set of indicators for achieving Sustainable Development Goals N 9 for regions, Central Chernozem macro-region, development strategies.

JEL: R11, R12

Дата поступления — 12.07.2024 г.

РАСТОПЧИНА Юлия Леонидовна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») / ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015.

e-mail: rastopchina@bsu.edu.ru

ТИТОВА Ирина Николаевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») / ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015.

e-mail: titova@bsu.edu.ru

ЖУКОВСКИЙ Андрей Дмитриевич

кандидат экономических наук, ассистент кафедры стратегического и инновационного развития;

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» / Ленинградский проспект, д. 49/2, г. Москва, 125176.

e-mail: jukoffsky@gmail.com

RASTOPCHINA Yulia L.

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Economy;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Belgorod State National Research University” / 85, Pobedy Str., Belgorod, 308015.

E-mail: rastopchina@bsu.edu.ru

TITOVA Irina N.

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Department of Management and Marketing;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Belgorod State National Research University” / 85, Pobedy Str., Belgorod, 308015.

e-mail: titova@bsu.edu.ru

ZHUKOVSKII Andrei D.

Cand. Sc. (Econ.), Assistant at the Department of Strategic and Innovative Development;

Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education
“Financial University under the Government of the Russian Federation” /
49/2, Leningradsky Av., Moscow, 125167.

E-mail: jukoffsky@gmail.com

Для цитирования:

Растопчина Ю.Л., Титова И.Н., Жуковский А.Д. Устойчивое развитие
в региональных социально-экономических стратегиях в Центрально-
Черноземном макрорегионе // Федерализм. 2024. Т. 29. № 3 (115).
С. 43–59. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-3-43-59>

Л.Н. ЛЫКОВА**ИТОГИ ПЕРВОГО ПОЛУГОДИЯ 2024 г.
ДЛЯ КОНСОЛИДИРОВАННЫХ БЮДЖЕТОВ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В первом полугодии 2024 г. динамика общей суммы доходов региональных бюджетов незначительно отставала от темпов инфляции. Рост собственных доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в значительной мере определялся динамикой промышленного производства в большинстве регионов и ростом средней начисленной заработной платы. При этом имела место разнонаправленная динамика поступлений налога на прибыль организаций и НДСЛ: поступления первого сокращались, а второго — выражено росли. Если в сумме для всех субъектов Федерации рост доходов от НДСЛ компенсировал падение доходов от налога на прибыль, то для некоторых регионов ситуация была иной. В то же время поступления налога на прибыль организаций в федеральный бюджет росли — преимущественно за счет поступлений от налога, исчисленного по доходам от ценных бумаг (дивиденды, проценты). Сохранялась сформировавшаяся ранее тенденция к сокращению безвозмездных поступлений из федерального бюджета. В структуре трансфертов увеличилась доля целевых видов. Рост расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации практически следует за динамикой доходов — незначительно отстает от темпов инфляции. Если по всем субъектам имеет место сокращение объема государственного субфедерального долга, то в 21 регионе объем долга увеличился. Рост госдолга происходил как за счет увеличения объемов бюджетных кредитов, так и за счет дорогих банковских кредитов.

Ключевые слова: налог на прибыль организаций, налоговые доходы бюджета, налог на доходы физических лиц, регион, региональные бюджеты, межбюджетные трансферты, государственный долг субъектов Российской Федерации.

JEL: H20, H50, H60, H77

Итоги I полугодия 2024 г. для консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (далее — субъекты РФ) в целом могут считаться удовлетворительными. Повышательная динамика промышленного производства имела место в 70 регионах, рост выпуска обра-

батывающих видов экономической деятельности — в 71 субъекте РФ¹. На фоне роста хозяйственной активности *росли доходы населения*. Выраженный рост средней начисленной заработной платы имел место во всех регионах страны и везде он опережал темпы инфляции, росли и реальные денежные доходы². В то же время просматривались и выраженные проблемы в ряде регионов — *экономическая и бюджетная ситуация была крайне неоднородна*. Степень их адаптации к санкционному давлению, новым условиям логистики и расчетов в субъектах Федерации выраженно разнилась.

В настоящее время в экономической литературе представлены различные подходы к проблеме адаптации субъектов РФ к экономическим шокам (пандемии, санкционным). Ключевым фактором и воздействия шоков, и их преодоления, и адаптации к новым условиям признается их отраслевая специализация [1, с. 26]. В то же время в некоторых работах отмечается, что степень адаптации регионов к внешним шокам зависит не только от отраслевого фактора, но и от сочетания ряда факторов [2, с. 46].

Влияние отраслевой специализации субъектов РФ на подверженность внешним шокам в целом и, в частности, санкционному давлению отчетливо прослеживалось в 2022–2023 гг. [3]. Однако в рамках относительно не продолжительного временного интервала (полугодия) не всегда возможно отделить влияние того или иного шока от воздействия конъюнктурных колебаний мировых цен на сырьевых рынках и иных факторов. Бюджетная ситуация в регионах в значительной мере является следствием реакции их экономики на внешние шоки, с одной стороны, и на мероприятия экономической политики, нацеленные на их преодоление и решение иных социальных и экономических проблем, — с другой.

Остановимся более подробно на особенностях формирования доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в I полугодии 2024 г. и динамики государственного долга субъектов РФ. Анализ расходов региональных бюджетов в настоящее время затруднен из-за отсутствия официальной информации о них в разрезе разделов и статей расходов на сайте Федерального казначейства.

Формирование доходов региональных бюджетов в I полугодии 2024 г.

По итогам января — июня 2024 г. общая сумма доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ составила 11 132,3 млрд руб. (см. табл. 1). Этот показатель превысил итоги аналогичного периода прошлого года на 7,7%, или на 797,7 млрд руб. В реальном исчислении динамика доходов только компенсировала их инфляционное обесценение — они составили 99,8% прошлых годов.

¹ Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. Январь — июль 2024 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (дата обращения: 29.08.2024.)

² Там же.

Т а б л и ц а 1

**Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ,
I полугодие 2023 и 2024 гг.**

Показатели	2023	2024		
	Млрд руб.	Млрд руб.	в % к 2023	% к итогу
Доходы — всего	10 334,6	11 132,3	107,7	100
В т.ч.:				
Налог на прибыль организаций	3 189,2	2 882,8	90,4	25,9
НДФЛ	2 473,0	3 236,5	130,9	29,1
Акцизы	551,3	584,1	105,9	5,2
Налоги на имущество	775,7	765,9	98,7	6,9
В т.ч.:				
налог на имущество организаций	651,2	628	96,4	5,6
налог на имущество физических лиц	4,8	10,3	214,6	0,1
земельный налог	76,4	78,5	102,7	0,7
транспортный налог	42,4	48,1	113,4	0,4
Налоги на совокупный доход	543,8	791,6	145,6	7,1
В т.ч.:				
упрощенная система налогообложения	495,1	704,2	142,2	6,3
единый сельскохозяйственный налог	12,7	15,4	121,3	0,1
патентная система налогообложения	17,5	40,7	232,6	0,4
налог на профессиональный доход	15,8	25,8	163,3	0,2
Доходы от использования государственной и муниципальной собственности	238,2	400,5	168,14	3,6
В т.ч.:				
доходы от размещения средств бюджета	80,7	218,2	270,4	2,0
доходы от операций по управлению остатками средств на едином казначейском счете	21,5	83,3	387,4	0,7
доходы в виде арендной платы	134,3	155,2	115,6	1,4
Трансферты из федерального бюджета	2 012,6	1 794,4	89,2	16,1
В т.ч.:				
дотации	819,1	658,6	80,4	5,9
субсидии	773,9	819,4	105,9	7,4
субвенции	157,7	167,4	106,2	1,5
иные межбюджетные трансферты	261,9	149	56,9	1,3

Источник: рассчитано автором по: [6; 7].

Динамика доходов в регионах существенно различалась. Так, рост доходов, опережающий темпы инфляции, имел место в 31 субъекте РФ, еще в 33 он носил номинальный характер, а в 21 регионе доходы консолидированных бюджетов сократились. В т.ч. в 6 субъектах РФ сокращение общей суммы доходов было, больше чем на 10% (Брянская, Тюменская, Курская, Мурманская и Кемеровская области и Севастополь). Наиболее высокие темпы роста доходов по итогам I полугодия 2024 г. по сравнению с прошлогодними значениями имели место в Ненецком автономном округе (131,4%), Удмуртской Республике (127,1%) и Москве (124,0%). При этом Москва обеспечила более 54% общей суммы прироста доходов всех консолидированных бюджетов субъектов РФ³.

В I полугодии сохраняется разнонаправленная динамика собственных доходов региональных бюджетов и безвозмездных поступлений из федерального бюджета (в целом по всем субъектам РФ). Собственные доходы региональных бюджетов по итогам полугодия увеличились на 12,2% (на 4,0% с учетом темпов инфляции), или на 1015,9 млрд руб. При этом безвозмездные поступления из федерального бюджета сократились на 10,8%, или на 218,2 млрд руб.

По итогам I полугодия отчетливо просматривается разнонаправленная динамика поступлений двух ключевых для региональных бюджетов налогов — налога на прибыль организаций и НДФЛ. Поступления налога на прибыль по итогам рассматриваемого периода сократились на 9,6%, или на 306,4 млрд руб. В то же время поступления НДФЛ увеличились на 30,9%, или на 763,5 млрд руб. Таким образом, общая сумма подоходных налогов по итогам июня превысила прошлогодние показатели на 8,1% (на 0,2% в реальном исчислении), или на 457,2 млрд руб. Однако динамика этих двух налогов в различных субъектах РФ различалась, и далеко не везде прирост поступлений НДФЛ компенсировал потери налога на прибыль. Так, в Мурманской области поступления налога на прибыль организаций в январе — июне 2024 г. составили всего 53,2% прошлогодних сумм. Такое падение поступлений ключевого для области налога не компенсировали ни рост поступлений НДФЛ (на 20,2%), ни увеличение поступлений иных налогов⁴.

Также отчетливо просматривается существенно различающаяся динамика поступлений этих двух ключевых для региональных бюджетов налогов в федеральный бюджет и бюджеты субъектов РФ. Особенно ярко это проявляется в динамике поступлений налога на прибыль (см. табл. 2). Так, доходы федерального бюджета от этого налога в целом увеличились на 26,1% при том, что его поступления в региональные бюджеты, как было показано выше, сократились. Соответственно сократилась и доля налога, поступающего в региональные бюджеты — с 78,6% в I полугодии 2023 г. до 72,5% по итогам июня 2024 г. Основную роль в этом процессе играют «иные поступления налога» — именно они обе-

³ Здесь и далее без учета новых субъектов РФ. Рассчитано по: [4; 5].

⁴ Рассчитано по: [8; 9].

спечили более 65% итогового прироста налога в федеральный бюджет (см. табл. 2). Данная группа включает, в частности, поступления налога на прибыль при выполнении соглашений о разработке месторождений нефти и газа, налога с доходов иностранных организаций, не связанных с деятельностью в России через постоянное представительство, и некоторые иные виды поступлений.

Обращает на себя внимание разнонаправленная динамика поступлений в части налога на прибыль, исчисляемого по соответствующим ставкам (3% в федеральный бюджет и до 17% в региональные бюджеты), т.е. суммы налога, исчисляемые исходя из одной и той же базы. Если поступления налога в федеральный бюджет все-таки увеличились (на 13,0%), то в региональные бюджеты – сократились (на 6,6%). Это может быть следствием расширения объема налоговых льгот, предоставляемых субъектами Федерации по налогу, зачисляемому в региональные бюджеты.

Т а б л и ц а 2

Поступления налога на прибыль организаций в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, I полугодие 2023 г. и 2024 г., млрд руб.

Показатели	Федеральный бюджет			Консолидированные бюджеты субъектов РФ		
	2023	2024	2024 в % к 2023	2023	2024	2024 в % к 2023
Налог на прибыль организаций – всего	867,1	1 093,6	126,1	3 189,2	2 882,8	90,4
% от суммы, поступающей в консолидированный бюджет Российской Федерации	21,4	27,5	128,5	78,6	72,5	92,2
В т.ч. по видам поступлений:						
по соответствующим ставкам	448,63	506,93	113,0	2 643,95	2 469,31	93,4
в части дивидендов	127,97	194,30	151,8	0,00	0,00	—
в части иных доходов от ценных бумаг	28,56	44,27	155,0	0,00	0,00	—
на прибыль контролируемых иностранных компаний	3,70	2,25	60,8	0,00	0,00	—
на прибыль организаций, ранее входивших в КГН	137,70	72,09	52,4	524,12	355,46	67,8
иные поступления налога	120,59	273,75	227,0	21,10	58,05	275,1

Источник: рассчитано автором по [6; 7].

Для федерального бюджета существенную роль в росте доходов от налога на прибыль организаций играют поступления налога в части дивидендов и иных категорий ценных бумаг, не поступающие в региональные бюджеты. На фоне высоких процентных ставок в экономике в текущем году росли и поступления налога по этим видам доходов.

Различия в динамике поступлений по второму ключевому для региональных бюджетов налогу — НДФЛ не столь значительны — росли поступления и в федеральный бюджет, и в консолидированные бюджеты субъектов РФ.

Доходы федерального бюджета от данного налога увеличились по сравнению с прошлогодними показателями на 48,0%, а в региональные — на 30,9%. Если динамику поступлений в федеральный бюджет определяли темпы роста налоговых поступлений в части дивидендов, то для региональных бюджетов — поступления от налоговых агентов (в основном это налог, исчисляемый от заработной платы работников). Последние формируют более 80% всех поступлений налога в региональные бюджеты. Они увеличились на 29,8% по сравнению с показателями I полугодия 2023 г.

Различия в динамике поступлений двух подоходных налогов привели к изменению их доли в структуре доходов субфедеральных бюджетов — доля налога на прибыль сократилась почти на 5 п.п. (составила 25,9%), а доля НДФЛ увеличилась до 29,1% (с 23,9% по итогам I полугодия 2023 г.).

Выраженный рост поступлений в I полугодии 2024 г. имел место и по налогам на совокупный доход (см. табл. 1). По сравнению с аналогичным периодом прошлого года общая сумма поступлений налогов данной группы увеличилась на 45,6%, или на 247,8 млрд руб. В структуре данного раздела основную роль играют поступления налога, уплачиваемого при упрощенной системе налогообложения, — 89,0% всех поступлений налогов на совокупный доход или 6,3% всех доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ. Поступления данного налога по сравнению с показателями I полугодия 2023 г. возросли на 42,2%, или на 209,1 млрд руб., что обеспечило более 26% общей суммы прироста доходов региональных бюджетов. Существенно увеличились поступления налога, уплачиваемого при патентной системе налогообложения — по сравнению с показателями прошлого года — в 2,3 раза. Доля данного налога относительно незначительна — на него приходится 5,1% поступлений налогов на совокупный доход, или 0,4% общей суммы доходов региональных бюджетов.

Поступления налога на профессиональный доход увеличились не столь значительно — на 63,3% и пока не играют существенной роли в формировании доходов региональных бюджетов. На них приходится 0,2% общей суммы доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ или 3,3% налогов на совокупный доход.

На фоне существенного роста поступлений по большинству налогов на совокупный доход динамика поступлений единого сельскохозяй-

ственного налога выглядит более чем скромной. По сравнению с итогами аналогичного периода прошлого года они увеличились на 21,3%, или на 2,7 млрд руб. Его доля в структуре налогов на совокупный доход по итогам I полугодия 2024 г. сократилась с 2,3% в 2023 г. до 1,9% в текущем и составила 0,1% общей суммы доходов региональных бюджетов.

Третьей по значимости для консолидированных бюджетов субъектов РФ группой налогов являются налоги на имущество. По итогам I полугодия 2024 г. они составляли 6,9% общей сумм доходов региональных бюджетов. В отличие от налогов на совокупный доход и НДФЛ поступления этих налогов сократились даже по номинальным значениям и составили 98,7% прошлогодних сумм. В реальном исчислении это составляет 91,5% прошлогодних поступлений. В составе поимущественных налогов основным является налог на имущество организаций — на его долю приходится 5,6% всех доходов консолидированных бюджетов и почти 82% всех налогов на имущество. Именно сокращение его поступлений и привело к снижению доходов по разделу в целом. По сравнению с прошлогодними значениями доходы региональных бюджетов от налога на имущество организаций сократились на 3,4%, или на 23,2 млрд руб. Столь существенное сокращение поступлений этого налога не могло компенсировать увеличение поступлений иных поимущественных налогов. Прирост поступлений транспортного налога по сравнению с прошлогодними значениями составил 13,4%, или 5,7 млрд руб., прирост доходов от земельного налога — 2,7%, или 2,1 млрд руб. Поступления налога на имущество физических лиц увеличились еще на 5,5 млрд руб. (в 2,1 раза). Доля этих трех поимущественных налогов в структуре доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ незначительна (0,4%, 0,7% и 0,1%, соответственно). Столь существенный рост поступлений налога на имущество физических лиц может быть связан с переоценкой кадастровой стоимости объектов в 2022 г. и неизбежно скажется и уже начинает сказываться на поступлениях данного налога.

Обращает на себя внимание в целом незначительный рост поступлений акцизов в консолидированные бюджеты субъектов РФ. По итогам I полугодия 2024 г. прошлогодние значения данной категории поступлений были превышены всего на 5,9%, или на 32,8 млрд руб. В реальном исчислении доходы региональных бюджетов от налогов данной группы составили всего 98,2% прошлогодних сумм. В составе акцизов, поступающих в региональные бюджеты, доминируют акцизы на бензин и дизельное топливо. На них приходится более 66% налоговых поступлений группы. По сравнению с показателями января — июня 2023 г. доходы бюджетов от первых увеличились на 5,6%, а вторых — на 3,4%. Существенный прирост поступлений акцизов на пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива (на 18,2%), не изменил общую картину поступлений акцизов.

Значимую роль в формировании консолидированных бюджетов субъектов РФ в I полугодии 2024 г. играют доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной соб-

ственности. По итогам рассматриваемого периода на них приходилось 3,6% общей суммы доходов (2,3% в 2023 г.). По сравнению с прошлогодними их поступления увеличились на 68,1%, или на 162,3 млрд руб. В составе данной категории доходов наиболее значительно возросли поступления от операций по управлению остатками средств на едином казначейском счете — почти в 3,9 раза, или на 61,8 млрд руб.; доходы от размещения временно свободных средств бюджетов увеличились в 2,7 раза, или на 137,5 млрд руб. Поступления доходов консолидированных бюджетов в виде арендной платы увеличились только на 15,6%, или на 20,9 млрд руб. Существенно более высокий рост поступлений доходов, связанных с функционированием финансовых рынков, отчасти объясняется высокими процентными ставками на этом рынке в текущем году (в частности, значением ключевой ставки). Более умеренная динамика поступлений от сдачи имущества в аренду в большей степени отражает темпы потребительской инфляции и динамику хозяйственной активности в регионах страны.

Поступления трансфертов в консолидированные бюджеты субъектов РФ *играют существенную роль в формировании общей суммы доходов.*

На протяжении последних лет их доля колебалась около отметки 18–19%. По итогам I полугодия 2024 г. она сократилась и составила 16,1% (по итогам полугодия 2023 г. – 19,5%). Общая сумма безвозмездных поступлений из федерального бюджета по итогам января – июня 2024 г. составила 89,2% прошлогодних сумм (уменьшилась на 218,2 млрд руб.). В то же время относительно показателей 2022 г. (I полугодия) поступления трансфертов номинально увеличились (на 203,7 млрд руб., или на 3,1%). В реальном исчислении безвозмездные поступления в региональные бюджеты составили всего 90,5% в ценах 2022 г. Отставание поступлений трансфертов из федерального бюджета в консолидированные бюджеты субъектов РФ текущем году по сравнению с прошлогодними показателями отчасти является следствием высокой базы прошлого года. Введение уплаты налогов на основе Единого налогового счета с 1 января 2023 г. привело в I полугодии к выраженным задержкам в поступлениях налоговых доходов и отчасти для некоторых субъектов РФ было компенсировано опережающими поступлениями трансфертов (дотаций, главным образом).

Наиболее значительны по объему поступлений *субсидии*. На них в текущем году приходится более 45% общей суммы безвозмездных поступлений (38,5% по итогам I полугодия 2023 г.). По сравнению с прошлогодними поступления субсидий увеличились на 5,9%, или на 45,5 млрд руб. Объем дотаций, напротив, сократился — на 19,6%, или на 160,5 млрд руб. (отчасти вследствие высокой базы прошлого года). В то же время по сравнению с показателями I полугодия 2022 г. поступления дотаций возросли. Просматривается сохранение сформировавшейся в предшествующие годы тенденции к замещению нецелевых видов финансовой поддержки (дотаций) целевыми видами. По итогам полугодия поступления субвенций увеличились на 6,2%, или на 9,7 млрд руб.

В реальном исчислении они составили 98,4% прошлых годов. В то же время иные межбюджетные трансферты сократились даже по номинальным значениям и составили всего 56,9% прошлых годов сумм.

Таким образом, на фоне в целом повышательной динамики собственных доходов, главным образом за счет роста поступлений НДС, а также налогов на совокупный доход и доходов от имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, безвозмездные поступления сокращались преимущественно за счет нецелевых видов.

Расходы консолидированных бюджетов и государственный долг субъектов РФ

Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на 1 июля 2024 г. сложились в сумме 10 276,4 млрд руб. и *превысили прошлые годы значения* на 7,3%, или на 697,4 млрд руб. В реальном исчислении объем финансирования за счет региональных бюджетов составил 99,4% прошлых годов показателей. Более 52,0% прироста объемов расходов приходится на 8 субъектов Российской Федерации (Москву, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Краснодарский край, Нижегородскую, Тюменскую и Московскую области).

Расходы консолидированных бюджетов росли не во всех субъектах РФ. Так, в 15 регионах в I полугодии 2024 г. расходы отставали от прошлых годов значений. Наиболее существенное отставание имело место в Севастополе, где финансирование составило всего 77,8% прошлых годов значений. Более чем на 10% снизились расходы в Курской области, Республике Карелии, Ненецком автономном округе и Республике Дагестан. Лишь номинальный рост расходов имел место в 28 субъектах РФ, а в 40 — прирост объемов финансирования превысил темпы инфляции. Наиболее значительно по относительным показателям возросли расходы Тюменской области (на 23,8% при сокращении доходов на 10,9%), Оренбургской области (на 23,2% вслед за ростом доходов) и Приморском крае (на 23,1% при росте доходов на 3,0%)⁵.

Прирост расходов региональных бюджетов составил 87,4% от суммы прироста доходов, что обеспечило сохранение положительного (как и в предшествующем году) бюджетного сальдо. По итогам января — июня 2024 г. профицит консолидированных бюджетов субъектов РФ составил 855,8 млрд руб., или 8,3% фактически осуществленных расходов. По сравнению с прошлыми годами положительное сальдо региональных бюджетов возросло на 13,2%, или на 99,9 млрд руб.

С профицитом были исполнены консолидированные бюджеты 55 субъектов РФ. Более 60% общей суммы профицита региональных бюджетов обеспечивает профицит бюджета Москвы. В то же время бюджеты 30 субъектов РФ были исполнены с дефицитом. Наиболее значительным

⁵ Рассчитано по: [4; 5].

по абсолютным значениям был дефицит бюджета Кемеровской области, а по относительному показателю — Мурманской области, где за счет дефицита было профинансировано более 23,0% расходов.

Профицит консолидированных бюджетов субъектов РФ в I полугодии текущего года позволял большинству регионов сокращать объем государственного и муниципального долга. Общая сумма долга по состоянию на 1 июля 2024 г. составила 3 084,8 млрд руб. и снизилась по сравнению с началом текущего года на 135,9 млрд руб., или на 4,2%. Сокращение общей суммы государственного долга имело место за счет уменьшения задолженности перед коммерческими банками (на 20,5%, или на 25,9 млрд руб.) и задолженности по государственным ценным бумагам (на 17,3%, или на 93,1 млрд руб.). В то же время продолжился рост объемов задолженности по бюджетным кредитам. Она увеличилась на 0,7%, или на 17,1 млрд руб. В структуре накопленного государственного и муниципального долга доминируют бюджетные кредиты — по состоянию на 1 июля 2024 г. на них приходится 80,4% всех обязательств. По сравнению с началом года эта доля возросла на 3,1 п.п.

Динамика государственного долга в регионах различалась. Снижение объема долга имело место в 60 субъектах РФ. В то же время в 21 регионе государственный долг увеличился, а в 4 — остался неизменным⁶. По абсолютным значениям наиболее существенным было сокращение объема долга в Москве (на 29,5 млрд руб., или на 15,0%), Московской области (на 26,5 млрд руб., или на 9,3%) и Республике Татарстан (на 15,8 млрд руб., или на 12,6%). В этих трех регионах снижение объема долга было достигнуто за счет разных видов обязательств. Так, в Москве снижение суммы долга имело место за счет сокращения объема государственных ценных бумаг (на 35,1 млрд руб., или на 30,0%) при этом наблюдался рост задолженности перед Минфином (на 6,9%). В Московской области снижался объем долга как перед Минфином, так и по государственным ценным бумагам (на 4,8 и 22,3%, соответственно). Снижение объема долга в Республике Татарстан имело место почти исключительно за счет сокращения объема бюджетных кредитов (на 12,9%).

Наиболее значительно (по относительным показателям) увеличился объем государственного долга 9 регионах — более чем на 10% (см. табл. 3). А прирост долговых обязательств в Мурманской области был самым значительным не только по относительным (на 66,5%), но и абсолютным показателям (14,85 млрд руб.). При этом увеличилась задолженность как по бюджетным кредитам, так и по банковским. Необходимо отметить, что общая сумма накопленного долга в данном субъекте РФ невелика и составляет на 1 июля 2024 г. 21,27% годовых собственных доходов (контролируемое значение).

Выраженный рост объема долговых обязательств в I полугодии 2024 г. в этих регионах имел место преимущественно за счет бюджетных кредитов. Исключение составляет Чукотский автономный округ,

⁶ Без учета новых субъектов РФ.

где задолженность пред Минфином сократилась, а прирост обеспечило расширение объема государственных гарантий. За счет банковских кредитов (наиболее дорогого инструмента) увеличился долг кроме Мурманской также в Архангельской и Магаданской областях.

Т а б л и ц а 3

*Динамика государственного и муниципального долга в I полугодии 2024 г.
по регионам с темпами прироста долга выше 10%*

Субъект РФ	Темп роста за полугодие	Прирост за полугодие	В т.ч. по видам обязательств		Доля бюджетных кредитов в приросте долга
	%	Млрд руб.	Бюджетные кредиты, млрд руб.	Банк кредиты, млрд руб.	%
Мурманская область	166,5	14,85	7,55	7,30	50,8
Республика Башкортостан	115,5	9,11	9,00	—	98,8
Архангельская область	113,1	8,83	4,03	4,80	45,7
Иркутская область	133,5	7,86	7,86	—	100,0
Челябинская область	114,0	7,36	7,33	—	99,6
Камчатский край	148,4	4,51	1,51	3,00	33,4
Магаданская область	122,2	4,47	2,97	1,50	66,5
Чеченская республика	116,3	2,21	2,21	—	100,0
Чукотский автономный округ	123,2	2,04	-0,73	—	-35,8

Источник: рассчитано автором по: [10].

Рост объемов государственного долга субъекта Федерации был следствием роста расходов на фоне сокращения поступлений доходов в Мурманской области. Здесь общая сумма доходов консолидированного бюджета области сократилась на 11,3%, а расходы увеличились на 19,2%. Сокращение доходов региональных бюджетов также имело место в Чеченской Республике и Чукотском автономном округе, но было не столь существенным — на 4,4 и 1,1%, соответственно. Но при этом и финансирование расходов незначительно отставало от прошлогодних значений. Таким образом, при в целом снижении объемов государственного субфедерального долга в большинстве регионов в некоторых из сохраняется потребность в дефицитном финансировании части расходов и наращивании долговых обязательств, в т.ч. и в форме банковских кредитов.

* * *

Подводя итоги сказанному выше необходимо отметить, что для большинства субъектов РФ процесс адаптации к новым экономическим реалиям *протекает достаточно успешно*. В то же время делать однозначные выводы, ориентируясь на полугодовые данные не вполне корректно, поскольку для большей части налогов, формирующих региональные бюджеты, налоговым периодом является календарный год. Соответственно, итоги I полугодия отчасти отражают экономические итоги хозяйствующих субъектов в прошлом году и лишь отчасти отражают текущую ситуацию и доходы текущего года.

Разнонаправленная динамика двух ключевых налогов, формирующих доходы региональных бюджетов, по-разному сказывается на бюджетах регионов и в значительной мере определяется их отраслевой специализацией.

Сокращение объема безвозмездных поступлений из федерального бюджета в I полугодии отчасти может быть следствием эффекта высокой базы прошлого года, однако в некоторых субъектах РФ такое сокращение имеет место на фоне отставания поступлений собственных доходов даже относительно прошлогодних значений. Опережающий рост расходов консолидированных бюджетов на фоне проблем с формированием доходов приводит к росту государственного долга в некоторых субъектах РФ, в т.ч. за счет дорогостоящих банковских кредитов.

Уменьшение общей суммы федеральных трансфертов имеет место прежде всего за счет их нецелевых видов. При этом просматривается положительная динамика субсидий и в меньшей степени субвенций. В результате сохраняется тенденция к росту доли целевых видов трансфертов и сокращению нецелевых.

Список литературы

1. Малкина М.Ю. Стресс реального сектора российских регионов в условиях пандемии и санкций // Экономика региона. 2024. № 20 (1). С. 16–32.
2. Дементьев В.Е. О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 3. С. 36–49.
3. Тренды развития субъектов Российской Федерации в 2022–2023 гг. № 6. Июнь 2024 г. РЭУ им. Г.В. Плеханова. DOI: 10.21686/regions/6.2024
4. Доклад «Социально-экономическое положение России. Январь – июль 2024 г.» // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 07.09.2024).
5. Доклад «Социально-экономическое положение России. Январь – июль 2023 г.» // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 07.09.2024).

6. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 июля 2023 г. // Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheth/191/> (дата обращения: 29.08.2024).

7. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 июля 2024 г. // Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheth/191/> (дата обращения: 29.08.2024).

8. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Мурманской области на 01.07.2024 г. // Министерство финансов Мурманской области. URL: https://minfin.gov-murman.ru/open-budget/budget_execution/execution_reports/ (дата обращения: 24.08.2024).

9. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Мурманской области на 01.07.2023 г. // Министерство финансов Мурманской области. URL: https://minfin.gov-murman.ru/open-budget/budget_execution/execution_reports/ (дата обращения: 24.08.2024).

10. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. URL: <https://budget.gov.ru> (дата обращения: 03.08.2024).

References

1. Malkina M.Iu. Stress real'nogo sektora rossiiskikh regionov v usloviakh pandemii i sanktsii [Stress of the Real Sector of Russian Regions in the Context of the Pandemic and Sanctions], *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2024, No. 20 (1), pp. 16–32. (In Russ.).

2. Dement'ev V.E. O sposobnosti regionov adaptirovat'sia k raznym vneshnim shokam [On the Ability of Regions to Adapt to Various External Shocks], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2024, Vol. 17, No. 3, pp. 36–49. (In Russ.).

3. Trendy razvitiia sub'ektov Rossiiskoi Federatsii v 2022–2023 gg [Development Trends of the Constituent Entities of the Russian Federation in 2022–2023]. No. 6. Iiun' 2024 g. REU im. G.V. Plekhanova. (In Russ.). DOI: 10.21686/regions/6.2024

4. Doklad Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Ianvar' – iiul' 2024 g. [Report Socio-Economic Situation in Russia. January – July 2024], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (accessed 07 September 2024).

5. Doklad Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Ianvar' – iiul' 2023 g. [Report Socio-Economic Situation in Russia. January – July 2023], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (accessed 07 September 2024).

6. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Rossiiskoi Federatsii i biudzhetrov gosudarstvennykh vnebiudzhetykh fondov na 1 iiulia 2023 g. [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and the Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of July 1, 2023], *Federal'noe kaznacheistvo* [Federal Treasury]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheth/191/> (accessed 29 August 2024).

7. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Rossiiskoi Federatsii i biudzhetrov gosudarstvennykh vnebiudzhетnykh fondov na 1 iulia 2024 g. [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and the Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of July 1, 2024], *Federal'noe kaznacheistvo* [Federal Treasury]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzhет/191/> (accessed 29 August 2024).

8. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Murmanskoi oblasti na 01.07.2024 g. [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Murmansk Region as of July 1, 2024], *Ministerstvo finansov Murmanskoi oblasti* [Ministry of Finance of the Murmansk Region]. (In Russ.). Available at: https://minfin.gov-murman.ru/open-budget/budget_execution/execution_reports/ (accessed 24 August 2024).

9. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Murmanskoi oblasti na 01.07.2023 g. [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Murmansk Region as of 01.07.2023], *Ministerstvo finansov Murmanskoi oblasti* [Ministry of Finance of the Murmansk Region]. (In Russ.). Available at: [/minfin.gov-murman.ru/open-budget/budget_execution/execution_reports/](https://minfin.gov-murman.ru/open-budget/budget_execution/execution_reports/) (accessed 24 August 2024).

10. Edinyi portal biudzhетnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <https://budget.gov.ru> (accessed 03 August 2024).

THE FIRST HALF OF 2024 RESULTS FOR THE CONSOLIDATED BUDGETS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the first half of 2024, the dynamics of the total amount of regional budgets revenues slightly lagged behind the inflation rate. At the same time, the growth of own revenues of the consolidated budgets of the Russian Federation regions was largely determined by the dynamics of industrial production in most regions and the growth of average accrued wages. The dynamics of corporate income tax and personal income tax receipts have different directions – the receipts of the first decreased, and the second grew significantly. If, in total, for all subjects of the Russian Federation, the increase of personal income tax revenue offset the drop of corporate income tax, then for some regions the situation was different. At the same time, corporate income tax revenues of the federal budget were growing, mainly due to tax calculated on income from securities (dividends, interest). The previously formed tendency of the intergovernmental grants from the federal budget reduction continued. The share of targeted grants in the structure of transfers has increased. The growth of expenditures of the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation practically follows the dynamics of revenue – slightly lags behind the rate of inflation. If there is a reduction in the volume of state sub-federal debt of all subjects of the Russian Federation, then in 21 regions the volume of debt has increased. The growth of the sub-federal debt occurred both due to an increase in the volume of budget loans and at the expense of expensive bank loans.

Keywords: corporate income tax, budget tax revenues, personal income tax, region, regional budgets, inter-governmental transfers, public debt of the subjects of the Russian Federation.

JEL: H20, H50, H60, H77

Дата поступления – 12.09.2024 г.

ЛЫКОВА Людмила Никитична

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.

e-mail: Lykoval@inecon.ru

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: Lykoval@inecon.ru

Для цитирования:

Лыкова Л.Н. Итоги первого полугодия 2024 г. для консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации // Федерализм. 2024. Т. 29. № 3 (115). С. 60–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-3-60-74>

И.С. БУКИНА

СОСТОЯНИЕ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И ПОТЕНЦИАЛ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДЕФИЦИТА ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

Бюджетная система России впервые подвергается масштабному напряжению по всем направлениям ввиду рисков потери налогооблагаемой базы из-за международных санкций, неуклонного роста непредвиденных расходов, инфляционных рисков и роста расходов на обслуживание долга. В этой связи необходимо выявить и провести анализ потенциальных источников финансирования дефицита федерального бюджета как основного гаранта бюджетной устойчивости. В статье рассматривается состояние консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов по итогам I полугодия 2024 г. Показано, что основным источником роста доходов остаются нефтегазовые доходы. Из ненефтегазовых доходов опережающим темпом растут поступления налога на доходы физических лиц и НДС от внутренней реализации. При этом позитивная динамика отдельных отраслей российской экономики во многом обусловлена бюджетным финансированием. Вместе с тем инфляция остается выше целевых значений, что вынуждает Банк России ужесточать денежно-кредитную политику. Сверхплановый рост расходов федерального бюджета и повышение номинальных ставок угрожает финансовой стабильности. В этой связи в статье оценивается потенциал финансирования дефицита федерального бюджета в условиях жестких ограничений по заимствованию. На основе анализа состояния внутреннего рынка облигаций федерального займа, сделан вывод о высоком риске кризиса ликвидности и потенциале размещения внутреннего долга за счет средств небанковских финансовых организаций и физических лиц.

Ключевые слова: бюджетно-налоговая политика, бюджетный импульс, государственный долг, дефицит бюджета, кривая бескупонной доходности, нефтегазовые доходы, рынок государственных облигаций, регион.

JEL: E32, H21, H61

В 2024 г. на фоне геополитической напряженности и ведения военных действий продолжается восстановление российской экономики, несмотря на введение международных финансовых, внешнеторговых и политических санкций. Согласно предварительным оценкам Росстата¹, в I квартале 2024 г. ВВП вырос на 5,4% в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. При этом основным драйвером роста стали бюджетные расходы и производство для нужд военно-промышленного комплекса. Нагрузка на бюджетную систему растет, а ужесточение денежно-кредитной политики снижает потенциал финансирования возросших обязательств.

Динамика и текущее состояние российской экономики

В ретроспективе российская экономика находится на траектории роста. С 2014 по 2023 г. средние темпы роста ВВП составили около 1,1% в год. ВВП по итогам 2023 г. на 11,0% превысил ВВП 2014 г., а в 2022 г., несмотря на геополитический кризис, валовый выпуск на 1,9% превысил аналогичный показатель за 2019 г. (см. рис. 1). Таким образом, последствия шоковых событий 2020 и 2022 гг. были не только компенсированы последующим восстановлением, но и не сказались на долгосрочной тенденции к экономическому росту.

С точки зрения перспектив экономического развития, среднегодовые темпы роста в 1,1% нельзя считать достаточными для устойчивого роста благосостояния. Однако в среднесрочной перспективе это позволяет обеспечить стабильный уровень жизни и решение актуальных социально-экономических задач [1].

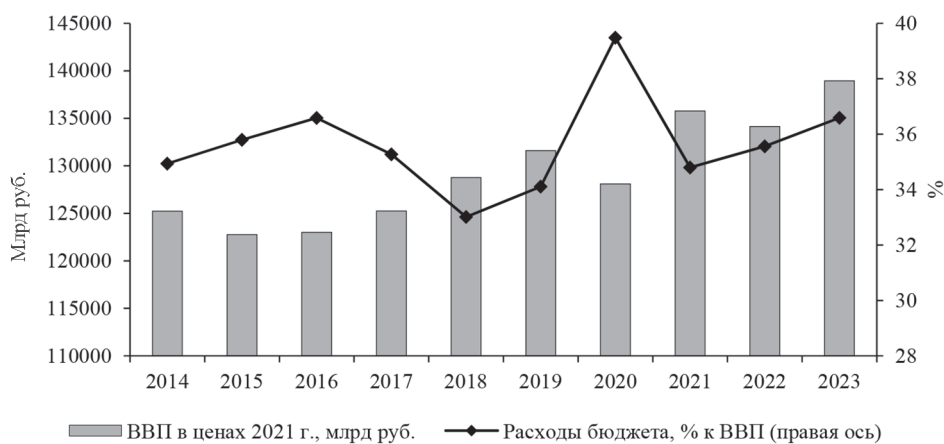

Рис. 1. ВВП (в ценах 2021 г.) и расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов, % к ВВП

Источник: составлено автором по: [2; 3].

¹ Социально-экономическое положение России. Январь – март 2024 г. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-03-2024.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

На рисунке 1 также представлены данные об отношении расходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов к ВВП. В среднем за 2014–2023 гг. отношение расходов бюджетной системы к ВВП России составило 35,6%. Примерно на том же уровне находится средний показатель по развитым странам. До 2022 г. динамику отношения бюджетных расходов к ВВП можно назвать контрциклической [4]. В 2015–2016 гг., когда наблюдался экономический спад, отношение бюджетных расходов к ВВП возрастало, оживление 2018–2019 гг. проходило на фоне снижения данного показателя. Пик отношения бюджетных расходов к ВВП (почти 40,0%) наблюдался в 2020 г. в условиях финансирования мер по борьбе с пандемией *COVID-19*. И лишь в 2023 г. наблюдается одновременно экономический рост и рост бюджетных расходов к ВВП. Бюджетный импульс, возросший с 2022 г., вносит вклад в рост валового выпуска.

Так, за I квартал 2024 г. инвестиции в основной капитал выросли почти на 15,0% по сравнению с I кварталом предыдущего года. Инвестиционная активность во многом обеспечена увеличением спроса государства на продукцию военно-промышленного комплекса. Инвестиции в основной капитал по такому виду экономической деятельности, как производство готовых металлических изделий за исключением машин и оборудования, в 2023 г. выросли более, чем на 40,0% по сравнению с 2022 г. (в сопоставимых ценах)². Только за I квартал 2024 г. инвестиции по данному виду деятельности выросли в 2,3 раза по сравнению с аналогичным периодом 2023 г.³

Инвестиции значительно выросли и в других видах экономической деятельности. В основном речь идет о производствах, в которых можно быстро расширить масштабы выпуска, произвести и реализовать продукцию. Например, производство напитков, текстильных изделий, кожи и изделий из кожи, разработка программного обеспечения и т.д. В I квартале 2024 г. значительный рост (более, чем на 20% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года) инвестиций в основные фонды отмечается в тех сферах, где Россия конкурентоспособна на мировом рынке (добыча нефти, производство нефтепродуктов, удобрений), а также в тех видах деятельности, в которых возможно импортозамещение и переориентация на внутренний рынок (рыболовство; производство напитков, текстиля, кожи; производство автотранспортных средств, компьютеров и электронных изделий, производство мебели и т.п.)⁴.

² Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по видам экономической деятельности // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tab-inv-okved.htm> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Структура инвестиций в основной капитал в Российской Федерации в I квартале 2024 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Inv-str24.xls> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Там же.

Совокупный спрос в последние годы во многом стимулируется за счет средств бюджета. Это способствует и росту реальных доходов населения, которые только в I полугодии 2024 г. выросли на 8,1% в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. Рост доходов снова стимулирует совокупный спрос, что создает дополнительное инфляционное давление. Так, за январь – июнь 2024 г. потребительские цены выросли уже на 7,9% по отношению к аналогичному периоду 2023 г. Индекс цен производителей оценивается в 117,7% [5]. Рост издержек обусловлен удешевлением рубля, возникновением дополнительных трат, связанных с изменением логистических цепочек и усложнением финансовых расчетов.

Нагрузка на бюджетную систему, особенно на федеральный бюджет, остается высокой. В этой связи волнующим вопросом представляется устойчивость бюджетной системы России и потенциал финансирования дефицита федерального бюджета.

Основные характеристики бюджетной системы в I полугодии 2024 г.

Благоприятные условия, сопровождающие восстановление роста российской экономики, позитивно сказались на доходных поступлениях консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов. В I полугодии 2024 г. доходы выросли на 18,4% (в сопоставимых ценах) по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. *Таблица 1* показывает, что *росли поступления по всем категориям доходов*. Так, налоговые доходы консолидированного бюджета Российской Федерации выросли на 13,1% (с поправкой на потребительскую инфляцию). Объем страховых взносов на обязательное социальное страхование составил более 125,0% от уровня I полугодия 2023 г. Прочие поступления выросли почти на 40,0% (в сопоставимых ценах).

Т а б л и ц а 1

**Доходы консолидированного бюджета Российской Федерации
и бюджетов государственных внебюджетных фондов**

Показатели	I полугодие 2023, млрд руб.	I полугодие 2024, млрд руб.	I полугодие 2024 к I полугодию 2023 (в сопоставимых ценах), %
Доходы бюджета, всего	25 655,7	32 782,6	118,4
Налоговые доходы	17 930,0	21 880,1	113,1
Страховые взносы на обязательное социальное страхование	4 971,6	6 745,0	125,7
Прочие доходы	2 754,2	4 157,5	139,9

Источник: рассчитано по: [5; 6; 7].

Как и прежде, наиболее волатильными остаются доходы федерального бюджета. В периоды оживления деловой активности и экономического подъема доходы федерального бюджета, как правило, *растут бы-*

стрее темпов роста экономики и быстрее доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации. В I полугодии 2024 г. доходы федерального бюджета выросли на 24,5% (в сопоставимых ценах I полугодия 2023 г.). При этом доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и доходы государственных внебюджетных фондов также опередили темпы роста ВВП и показали рост более чем на 16,0% в сопоставимых ценах.

Рассматривая состав налоговых доходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов, можно увидеть, что наибольший выигрыш получил федеральный бюджет. В I полугодии 2024 г. почти на 60,0% (с поправкой на потребительскую инфляцию) выросли доходы от налогов, сборов и обязательных платежей за пользование природными ресурсами (см. рис. 2).

Доходы от налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в I полугодии 2024 г. выросли на 21,6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Такая динамика *нехарактерна для НДФЛ*. Поэтому можно предположить, что причины носят технический характер. С 1 января 2023 г. заработал механизм единого налогового счета, в связи с чем были сдвинуты сроки уплаты. В I полугодии и особенно в начале 2023 г. наблюдался провал поступления доходов по НДФЛ, особенно пострадали бюджеты субъектов Российской Федерации. Затем сроки перечисления доходов в бюджеты регионов были изменены с учетом возникшего кассового разрыва. Еще одним фактором занижения поступлений НДФЛ за I полугодие 2023 г. было раннее предоставление вычетов по налогу. В 2024 г. этот опыт был учтен, поэтому в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года доходы бюджета значительно выросли.

Рост спроса, подпитываемый бюджетными выплатами, государственным заказом и структурной перестройкой экономики, обеспечивает доходы по налогу на добавленную стоимость (НДС). В I полугодии 2024 г. поступления по НДС на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации, выросли на 10,8% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Доходы от налогов на импорт в I квартале 2024 г. выросли на 7,9% с поправкой на потребительскую инфляцию. Однако по итогам I полугодия они показали небольшое снижение в реальном выражении – на 2,4% (см. рис. 2).

Отрицательные темпы прироста показывают доходы от налога на прибыль и налогов на имущество. В номинальном выражении от налога на прибыль в I полугодии 2024 г. в консолидированный бюджет поступило чуть менее 4,0 трлн руб. За I полугодие 2023 г. доходы от налога на прибыль в консолидированном бюджете Российской Федерации составили около 4,1 трлн руб. При корректировке на потребительскую инфляцию поступления налога на прибыль в I полугодии 2024 г. к аналогичному периоду предыдущего года снизились на 9,1% (см. рис. 2). Столь существенную разницу можно объяснить эффектом высокой базы I полугодия 2023 г., на который также пришлись доплаты по налогу на прибыль за 2022 г.

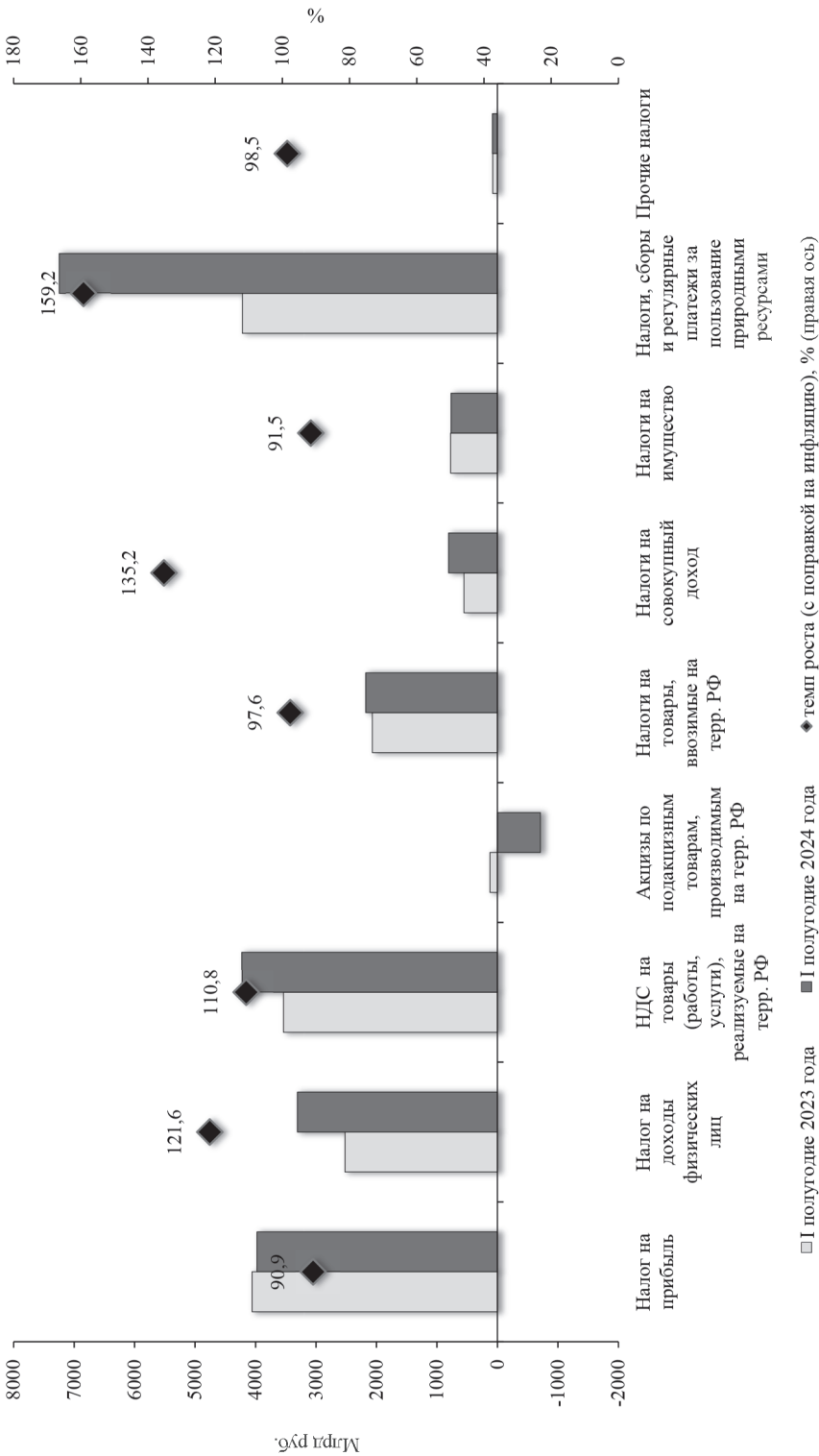

Рис. 2. Налоговые доходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов в I полугодии 2023 и 2024 гг.
Источник: рассчитано по: [5; 6; 7].

Расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов продолжают расти, обгоняя потребительскую инфляцию. В I полугодии 2024 г. их рост составил 8,7% в сопоставимых ценах I полугодия 2023 г. Тем не менее итогом I полугодия 2024 г. *стал профицит* консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов в размере 126,1 млрд руб.

Что касается федерального бюджета, то I полугодие 2024 г. оказалось более благоприятным, чем в прошлом году. За январь – июнь 2024 г. средняя цена нефти сорта «Юралс», используемая для расчета налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ), достигла почти 70,0 долл. США за баррель. Среднее значение курса рубля в I полугодии 2024 г. находилось на уровне выше 90,0 руб. за долл. США. Относительно высокие цены на нефть и слабый рубль обеспечили рост нефтегазовых доходов на 47,5% в реальном выражении. Номинально в федеральный бюджет поступило 5 381,2 млрд руб. в виде нефтегазовых доходов. Из *таблицы 2* следует, что поступления ненефтегазовых доходов также существенно выросли: с 9 000,0 млрд руб. в I полугодии 2023 г. до 11 253,5 млрд руб. в I полугодии 2024 г. В реальном выражении их рост составил 115,9%.

Структура нефтегазовых доходов продолжает меняться из-за налогового маневра. Растут налоговые доходы (от НДПИ и НДД⁵), а поступления вывозных таможенных пошлин прекратилось из-за обнуления тарифов пошлин на нефть и нефтепродукты. В *таблице 2* показано, что в I полугодии 2024 г. в федеральный бюджет *поступило на 55,1% больше НДПИ в виде углеводородного сырья, и почти в 2,4 раза выросли доходы в виде НДД*. Вместе с тем возросли выплаты из федерального бюджета в связи с применением демпферного механизма.

Налоговые доходы федерального бюджета (с учетом нефтегазовой составляющей) по итогам I полугодия 2024 г. составили 13 609,3 млрд руб. В сопоставимых ценах I полугодия 2023 г. они выросли на 22,9%. Очевидно, что основной рост приходится на налоговые доходы от нефти и газа: в структуре налоговых доходов более половины приходится на поступления налогов, сборов и обязательных платежей за пользование природными ресурсами (*см. табл. 2*).

Что касается ненефтегазовых налоговых доходов, то в I полугодии 2024 г. можно отметить рост поступлений от налогов на прибыль и доходы, который составил 116,9% в реальном выражении. Основные новации, связанные с обложением прибыли организаций и доходов физических лиц, обеспечивают именно прирост доходов федерального бюджета. В 2023 г. это касалось налога на сверхприбыль и дополнительных доходов физических лиц (свыше 5 млн руб., доходов от процентов по вкладам и т.д.) [8].

Номинально поступления по остальным группам налогов и сборов выросли в сравнении с I полугодием 2023 г. за исключением налогов на товары (работы, услуги), реализуемых на территории России (*см. табл. 2*). Их снижение связано с увеличением сумм возмещения акцизов в рамках демпферного механизма.

⁵ Налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья.

Т а б л и ц а 2

Доходы федерального бюджета

Показатели	I полугодие 2023, млрд руб.	I полугодие 2024, млрд руб.	I полугодие 2024 к I полугодию 2023 в сопоставимых ценах, %
Доходы, всего	12 381,6	16 634,7	124,5
Нефтегазовые доходы	3 381,6	5 381,2	147,5
В т.ч.			
налог на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья	3 578,5	5 989,7	155,1
вывозные таможенные пошлины на нефть сырую	105,9	-3,4	—
вывозные таможенные пошлины на газ природный	241,2	249,6	95,9
вывозные таможенные пошлины на товары, выработанные из нефти	45,9	-7,0	—
акциз на нефтяное сырье, направленное на переработку	-992,9	-1 889,9	—
налог на дополнительный доход	403,0	1 042,2	в 2,4 р.
Ненефтегазовые доходы	9 000,0	11 253,5	115,9
<i>Справочно:</i>			
Налоговые доходы, всего	10 264,4	13 609,3	122,9
Налоги на прибыль, доходы	867,1	1 093,6	116,9
Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации	3 109,0	2 932,4	87,4
Налоги на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации	2 067,7	2 282,6	102,3
Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	4 123,1	7 171,1	161,2
Прочие налоги	97,5	129,7	123,4

Источник: рассчитано по: [5; 6; 7].

Расходы федерального бюджета растут, но с меньшим темпом, чем в предыдущие периоды. По итогам I полугодия 2024 г. расходы федерального бюджета составили почти 17,7 трлн руб. Это на 20,1% больше, чем в I полугодии 2023 г., а с учетом инфляции рост расходов оценивается в 11,4%. В I полугодии 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. расходы федерального бюджета выросли на 17,5% (11,3% в сопоставимых ценах I полугодия 2022 г.).

Финансирование дефицита федерального бюджета и рынок внутреннего долга

Результатом исполнения федерального бюджета в I полугодии 2024 г., как ожидалось, стал дефицит в размере 1 065,2 млрд руб. Ненефтегазовый дефицит оценивается почти в 6 500 млрд руб. В I полугодии 2024 г., как и годом ранее, основными источниками финансирования остаются нефтегазовые доходы федерального бюджета, средства Фонда национального благосостояния (ФНБ) и заимствования на внутреннем рынке.

Из отчета об исполнении федерального бюджета на 1 июля 2024 г. следует, что чистое привлечение средств на рынке государственных облигаций оценивается в 474,8 млрд руб. Операции по управлению остатками средств на бюджетных счетах принесли еще 418,2 млрд руб., остатки средств на счетах по учету средств бюджетов составили 410,6 млрд руб. Отрицательная курсовая разница оценивается в 130,2 млрд руб. Еще 152,3 млрд руб. было выплачено в качестве погашения внешних заимствований [7].

Говоря о перспективах финансирования дефицита федерального бюджета, рассмотрим состояние ФНБ. По состоянию на 1 июля 2024 г. объем средств ФНБ составил 12,6 трлн руб. (6,6% от прогнозируемого объема ВВП), из них ликвидные средства оцениваются в 4,6 трлн руб. С начала года объем ФНБ в рублях вырос на 738,7 млрд руб. за счет переоценки имеющихся активов и доходов от размещения средств Фонда. Курсовая разница от переоценки валютных активов и золота с 1 января по 30 июня 2024 г. оценивается в -90,0 млрд руб. Совокупный доход от размещения средств Фонда с начала 2024 г. составил 38,6 млрд руб.⁶

С февраля по июнь 2024 г. общий объем дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета оценивается в 731,0 млрд руб. В январе 2024 г. фактический объем нефтегазовых доходов оказался на 37,5 млрд руб. меньше, чем установленный базовый объем. Поскольку с 2024 г. возобновляется действие бюджетных правил, то Банк России по распоряжению Минфина должен возобновить покупку золота и валюты в ФНБ на сумму дополнительных нефтегазовых доходов. Судя по данным Минфина России, с февраля по июнь 2024 г. объем покупки золота и иностранной валюты оценивался в 584,2 млрд руб. Однако в соответствии с порядком, объявленным Банком России в ноябре 2023 г., фактически в январе — июне 2024 г. проводились операции по чистой продаже иностранной валюты⁷.

⁶ Информационное сообщение «О результатах размещения средств Фонда национального благосостояния». Опубликовано: 03.07.2024 // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39137-o_rezultatakh_razmeshcheniya_sredstv_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya#:~:text=%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8F%202023%20%D0%B3.-,%D0%BF%D0%BE%2030%20%D0%B8%D1%8E%D0%BD%D1%8F%202024%20%D0%B3.-,%D0%BF%D0%BE%2030%20%D0%B8%D1%8E%D0%BD%D1%8F%202024%20%D0%B3 (дата обращения: 08.08.2024).

⁷ Комментарий Банка России об операциях со средствами Фонда национального благосостояния на внутреннем валютном рынке в 2024 году // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=17240> (дата обращения: 01.08.2024).

В целях стабилизации валютного рынка Банк России проводит зеркалирование операций с активами ФНБ. Эта практика началась еще в 2020 г.⁸ При осуществлении операций с валютой в рамках бюджетного правила и в целях финансирования инвестиций за счет средств ФНБ Банк России дополнительно продает или покупает валюту, чтобы нейтрализовать влияние на валютный рынок и, соответственно, курс рубля.

Возобновление операций по покупке/продаже валюты и золота в рамках бюджетного правила в 2024 г. сопровождается зеркалированием. Общий объем нетто-операций Банка России складывается из трех компонент.

Первая. Регулярные покупки/продажи иностранной валюты на сумму дополнительных/выпадающих нефтегазовых доходов федерального бюджета. Согласно бюджетному правилу, цена отсечения составляет 60 долл. США за барр. Законом от 27 ноября 2023 г. «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» № 540-ФЗ (далее — Закон № 540-ФЗ) объем дополнительных нефтегазовых доходов на 2024 г. определен в размере 1 821,1 млрд руб. Однако недавними поправками в Закон № 540-ФЗ⁹ размер дополнительных нефтегазовых доходов снижен до примерно 1 053,6 млрд руб. из-за более низкой средней цены нефти, чем изначально прогнозировалось. Эта сумма учитывается Банком России как объем покупок иностранной валюты в рамках бюджетного правила в текущем году.

Вторая. Разница между объемом отложенной покупки валюты и финансированием расходов федерального бюджета за счет средств ФНБ вне бюджетного правила. 10 августа 2023 г. Банк России приостановил покупку валюты в рамках бюджетного правила, чтобы снизить давление на курс рубля. Объем отложенных в 2023 г. операций по покупке валюты в рамках бюджетного правила оценивался Банком России в 1 529,0 млрд руб. Еще 2 900,0 млрд руб. было направлено из ФНБ для финансирования дефицита федерального бюджета в 2023 г. Таким образом, при равномерном распределении на 2024 г. ежедневные продажи иностранной валюты и золота оцениваются в 5,53 млрд руб. в день¹⁰.

Третья. Объем средств ФНБ, направляемый в инвестиции. Правительство России использует часть средств ФНБ для поддержки отечественных компаний и финансирования крупных проектов, имеющих национальное значение. По данным на 1 июня 2024 г. из средств ФНБ в разрешенных активах размещено более 7,6 млрд руб.¹¹ При про-

⁸ Заявление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров Банка России 17 декабря 2021 года // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=12542> (дата обращения: 29.06.2024).

⁹ Законопроект № 639656-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/639656-8> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁰ Комментарий Банка России об операциях со средствами Фонда национального благосостояния на внутреннем валютном рынке в 2024 году // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18330> (дата обращения: 01.07.2024).

¹¹ Данные о движении средств и результатах управления средствами Фонда национального благосостояния // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=93488-dannye_o_dvizhenii_sredstv_i_rezultatakh_upravleniya_sredstvami_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya (дата обращения: 01.07.2024).

даже валюты из ФНБ для осуществления инвестиций Банк России также проводит операции по зеркалированию, равномерно распределяя покупки/продажи иностранной валюты и золота в течение обозначенного периода. Так, на I полугодие 2024 г. Банк России планировал ежедневные продажи иностранной валюты на сумму 6,24 млрд руб. в день, исходя из того, что объем нетто-инвестиций из ФНБ во II полугодии 2023 г. составил 731 млрд руб.¹²

В итоге на I полугодие 2024 г. расчетный объем продаж иностранной валюты и золота оценивался в 11,8 млрд руб. в день. Фактически средний объем продаж составил около 7,0 млрд руб. в день¹³.

На II полугодие 2024 г. расчетный объем ежедневных покупок/продаж иностранной валюты должен составить 8,4 млрд руб. в день¹⁴. Фактическое значение будет корректироваться с учетом поступления дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета в рамках бюджетного правила.

Соблюдение бюджетного правила и зеркалирование всех операций со средствами ФНБ поддерживает финансовую стабильность и позволяет косвенно влиять на курс рубля, однако *эта конструкция становится чрезвычайно уязвимой при значительном падении цен на нефть*. Если нефтегазовые доходы сократятся в два раза, что возможно при снижении цены нефти ниже 40 долл. США за барр., потребуются дополнительная продажа иностранной валюты на сумму более 5,0 трлн руб. Это будет чрезмерной нагрузкой на официальные валютные резервы Банка России.

Другой источник финансирования дефицита федерального бюджета — внутренние займы. Рассмотрим ситуацию на внутреннем долговом рынке в I полугодии 2024 г. Объем государственного внутреннего долга по состоянию на 1 июля 2024 г. составил 21 464,7 млрд руб. С начала года он вырос примерно на 652,0 млрд руб. С начала 2022 г. по начало июля 2024 г. объем внутреннего государственного долга, размещенного в облигациях федерального займа (ОФЗ), вырос более, чем на 30,0%. При этом доля нерезидентов на рынке ОФЗ снизилась с 20,0 до 6,8%¹⁵.

При высоких ставках и рисках повышения инфляции цена облигаций падает. Так, индекс государственных облигаций Мосбиржи (*RGBI*) в июне — июле 2024 г. упал до минимальных значений с марта 2022 г., и достиг 102,9 п.п. на закрытии 17 июля 2024 г. (см. рис. 3).

¹² Комментарий Банка России об операциях со средствами Фонда национального благосостояния на внутреннем валютном рынке в 2024 г. // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18330> (дата обращения: 01.07.2024).

¹³ Факторы формирования ликвидности банковского сектора // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/flikvid/> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁴ Комментарий Банка России об операциях со средствами Фонда национального благосостояния на внутреннем валютном рынке в II полугодии 2024 года // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18801> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁵ Доля инвестиций нерезидентов в объеме выпусков облигаций федерального займа // Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/debt/table_ofz.xlsx (дата обращения: 08.07.2024).

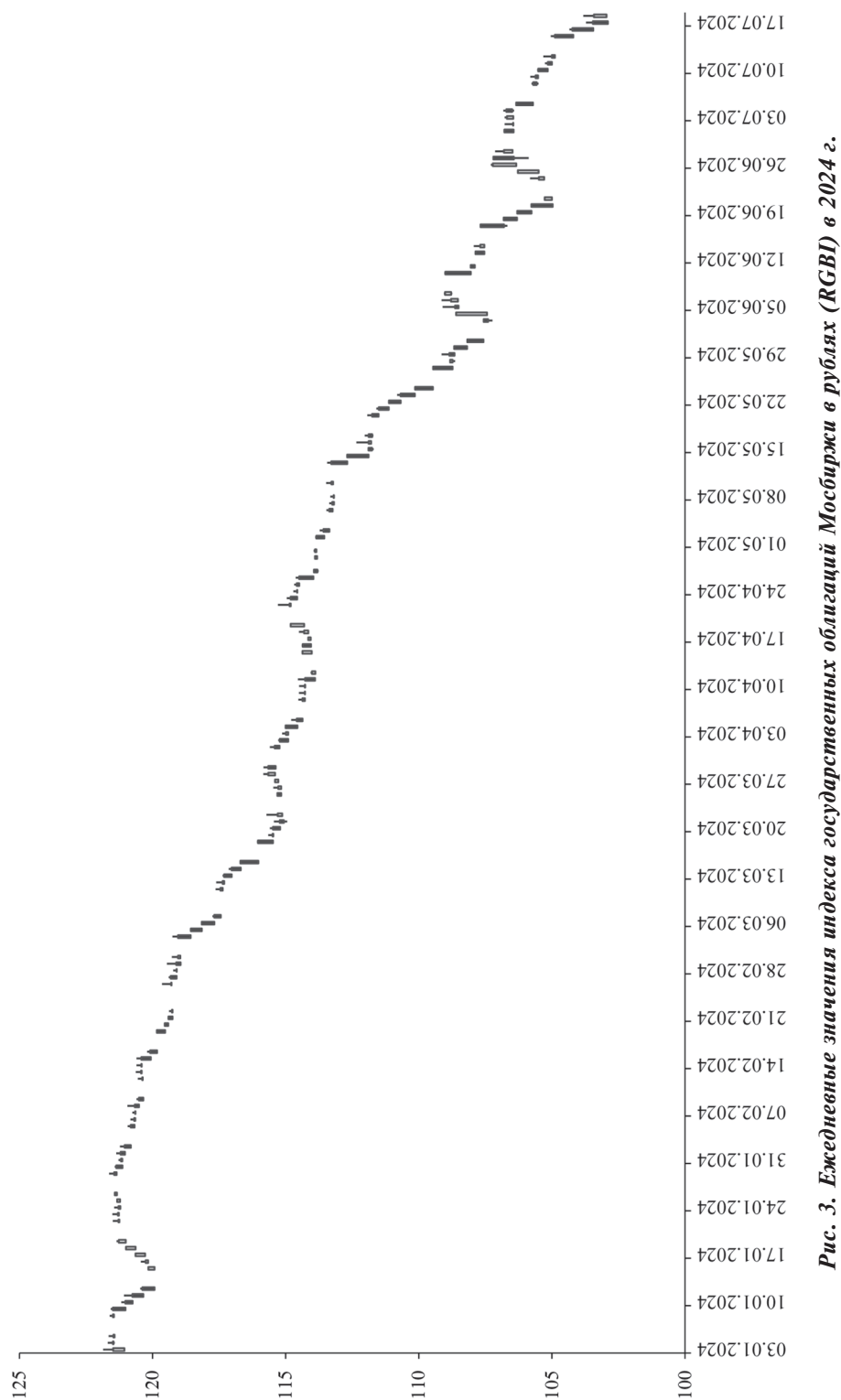

Рис. 3. Ежедневные значения индекса государственных облигаций Мосбиржи в рублях (RGBI) в 2024 г.

Источник: [6].

Несмотря на высокую ключевую ставку, Банку России не удается достичь цели по инфляции. В июне регулятор оценил инфляцию в 8,59% в годовом исчислении¹⁶. Рынок ожидает дальнейшего повышения ключевой ставки, которое отыгрывается снижением цены облигаций. Основные продавцы ОФЗ на вторичном рынке — крупные банки. По данным Банка России, чистые продажи ОФЗ системно значимыми кредитными организациями (СЗКО) превысили 213,0 млрд руб. с начала 2024 г. Еще на 29,8 млрд руб. было продано ОФЗ прочими банками. Основными покупателями выступают некредитные финансовые организации и физические лица. В совокупности они совершили чистых покупок на 209,8 млрд руб.¹⁷ Остаток покупали нефинансовые организации и Минфин.

На первичном размещении ОФЗ, наоборот, основные инвесторы — это банки. При этом доля СЗКО с начала 2024 г. выросла с 37,7 до 81,5%. Доля физических лиц уменьшилась практически до нуля, а некредитные финансовые организации продолжают участвовать в аукционах Минфина и покупают около 2,0% выпуска¹⁸.

Размещение внутреннего долга на фоне падения индекса *RGBI* сопряжено со стремительно растущей стоимостью обслуживания долга. Введение очередных финансовых и внешнеторговых санкций негативно влияет на динамику цен государственных облигаций и повышает стоимость обслуживания долга. Тем не менее Минфину удастся привлекать средства на внутреннем рынке. По всей видимости, рост доли СЗКО в первичном выкупе внутреннего госдолга происходит за счет банков с государственным участием. Однако, выкупив облигации на аукционе, СЗКО предпочитают их продать на вторичном рынке. Это может свидетельствовать о *нехватке ликвидности*. Кривая бескупонной доходности ОФЗ также демонстрирует признаки надвигающегося кризиса и нехватки ликвидности. В 2024 г. форма кривой бескупонной доходности приобрела «ненормальный» вид. В начале года наблюдалась инверсия кривой, во II квартале 2024 г. кривая приобрела «горбатый» вид — наибольшие значения доходности наблюдались для среднесрочных бумаг.

Рисунок 4 содержит данные о том, для каких бумаг (по сроку) были зафиксированы максимальные значения бескупонной доходности. В январе 2024 г. максимальные значения бескупонная доходность принимала для краткосрочных бумаг — на срок в 3 месяца. Кривая бескупонной доходности показывала классическую инверсию — по мере роста срока владения доходность снижалась. В феврале ситуация стала меняться — выросла бескупонная доходность долгосрочных бумаг. На *рисунке 4* показано, что максимальные значения доходности соответствовали бумагам со сроком погашения в 30 лет.

¹⁶ Ключевая ставка Банка России и инфляция // Банк России. URL: https://cbr.ru/hd_base/inf/ (дата обращения: 17.07.2024).

¹⁷ Обзор рисков финансовых рынков. Июнь 2024 г. // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/analytics/finstab/orfr/> (дата обращения: 07.07.2024).

¹⁸ Там же.

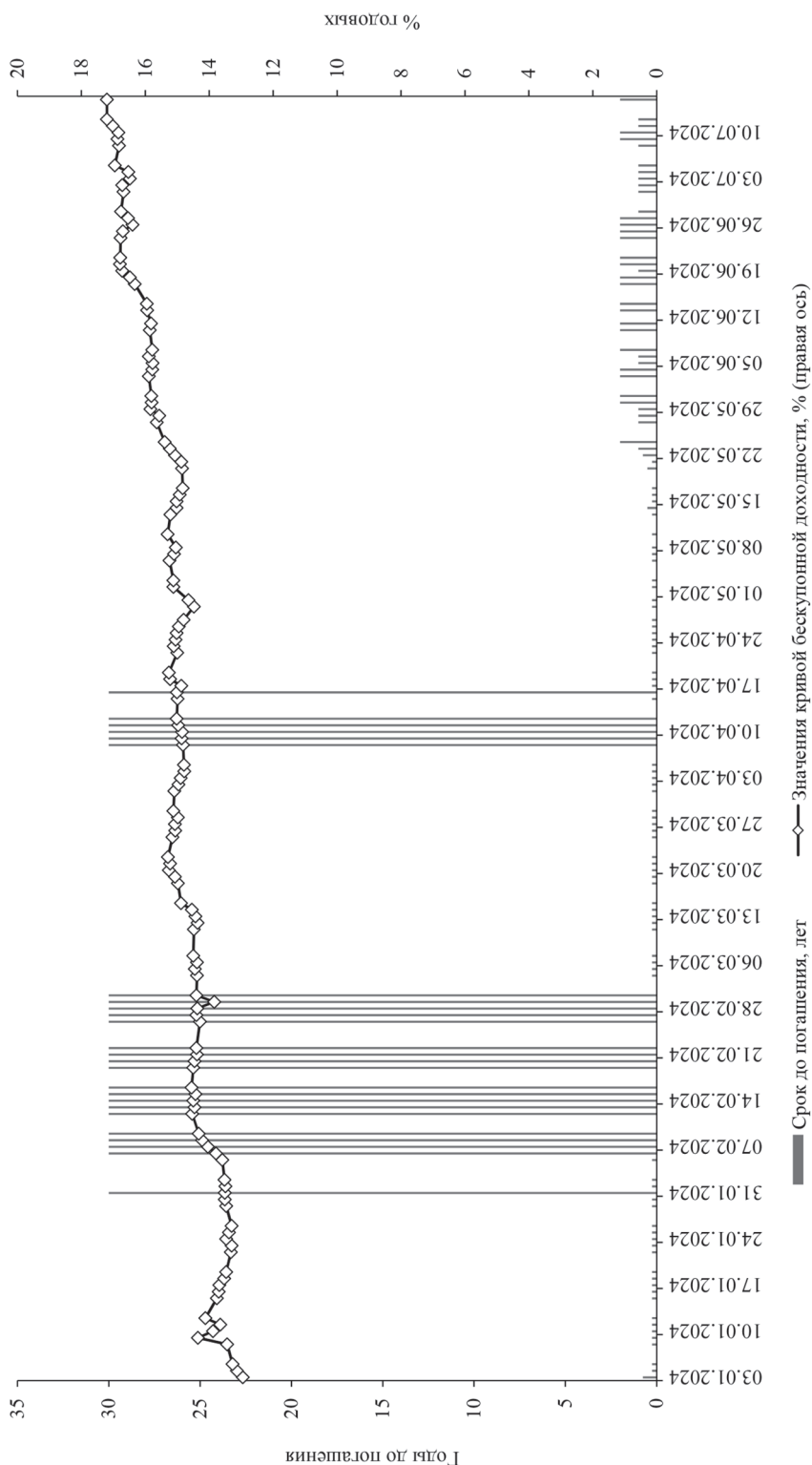

Рис. 4. Максимальные значения кривой бескупонной доходности в 2024 г., %

Источник: составлено автором по: [10].

Во II квартале 2024 г. кривая бескупонной доходности приобрела «горбатую» форму: самые высокие ставки наблюдались для среднесрочных бумаг (1–2 года). Одновременно на протяжении первой половины 2024 г. наблюдался рост максимальных значений бескупонной доходности: примерно с 13,0 до 17% (см. рис. 4).

Считается, что инверсия кривой бескупонной доходности является предиктором финансово-экономического кризиса [11], а рост доходности среднесрочных бумаг свидетельствует о нехватке ликвидности. При всех вышеперечисленных обстоятельствах Минфин имеет дело с растущей стоимостью обслуживания внутреннего долга, риском невыполнения плана заимствований и ухудшения качества управления государственным долгом.

Заключение

Привлечение внешних источников ограничено из-за финансовых санкций. Однако есть внутренний потенциал для финансирования планируемого в последующие годы дефицита федерального бюджета. Это средства некредитных финансовых организаций (НФО), активно скупающих ОФЗ на вторичном рынке и сбережения физических лиц. Долгосрочные накопления, которые физические лица могут осуществлять как индивидуально, так и через участие в программах, предоставляемых НФО, в развитых странах, — важный элемент поддержки фондового и, в частности, долгового рынка. Однако неразвитость российского фондового рынка, высокая степень недоверия россиян к финансовым инструментам и низкий уровень финансовой грамотности приводят к тому, что население размещает свои сбережения преимущественно в депозитах, иностранной валюте и недвижимости. Так, по данным на 1 января 2024 г. 50,0% всех активов домашних хозяйств было размещено в депозитах, а на долю долговых бумаг всех типов приходилось лишь 3,5%¹⁹.

Для привлечения средств населения в ОФЗ использовались налоговые послабления (купонный доход и дисконт по отдельным видам облигаций, освобождался от налогообложения), были выпущены специальные народные облигации. С 1 января 2024 г. действует программа долгосрочных сбережений, направленная на формирование пенсионных накоплений граждан. Однако пока участие физических лиц в финансировании государственного внутреннего долга незначительно.

Более вероятным сценарием становится *финансовая консолидация*. С 2025 г. вводятся в действие кардинальные изменения в налоговой системе, непосредственно направленные на повышение доходов федерального бюджета. Таким образом, частично ресурсы домашних хозяйств будут задействованы, но не через механизм финансирования государственного

¹⁹ Рассчитано по: Финансовые активы и обязательства сектора «Домашние хозяйства» по отдельным финансовым инструментам по состоянию на отчетную дату, млрд руб. // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/households (дата обращения: 02.08.2024).

долга, а через повышение налоговой нагрузки по подоходному налогу. Также с 2025 г. повышается ставка налога на прибыль организаций, дополнительные доходы от повышения налога на прибыль также получит федеральный бюджет. Таким образом, в условиях высоких рыночных ставок, сокращения программ льготного кредитования, намечающемся дефиците банковской ликвидности и высоких рисках покупки и хранения иностранной валюты имеющиеся у населения и организаций свободные средства могут быть направлены на отечественный фондовый рынок, в т.ч. на выкуп ОФЗ. Это создает некоторый потенциал для среднесрочного бюджетного планирования.

Список литературы

1. Ведев А.Л., Еремкин В.А., Тузов К.А. Высокие риски и слабые темпы роста экономики: макропрогноз для России на среднесрочную перспективу // Вопросы экономики. 2024. № 2. С. 5–22.
2. ВВП годы (с 1995 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995.xlsx (дата обращения: 03.06.2024).
3. Краткая ежегодная информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов (млрд руб.). 2024 // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute?id_57=93449-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_konsolidirovannogo_byudzheta_rossiiskoi_federatsii_i_gosudarstvennykh_vnebyudzhethnykh_fondov_mlrd_rub. (дата обращения: 03.06.2024).
4. Букина И.С., Лыкова Л.Н. Год в условиях пандемии: состояние российской бюджетной системы // Федерализм. 2021. Т. 26. № 2 (102). С. 149–168.
5. Социально-экономическое положение России. Январь – июнь 2024 г. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-06-2024.pdf> (дата обращения: 08.08.2024).
6. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 июля 2023 года // Федеральное Казначейство Минфина России. URL: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/c91/f.-0507021-na-01.06.2023.zip> (дата обращения: 08.08.2024).
7. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 июля 2024 года // Федеральное Казначейство Минфина России. URL: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/378/f.-0507021-na-01.07.2024.XLS> (дата обращения: 08.08.2024).
8. Букина И.С. Результаты бюджетно-налоговой политики в новых условиях // Федерализм. 2024. Т. 29. № 1 (113). С. 128–145.
9. Индексы облигаций // Мосбиржа. URL: <https://www.moex.com/ru/index/RGBI/archive?from=2024-06-18&till=2024-07-18&sort=TRADEDATE&order=desc> (дата обращения: 18.07.2024).
10. Кривая бескупонной доходности. Архив значений КБД Московской биржи на закрытие торгов. 2024 // Мосбиржа. URL: <https://www.moex.com/ru/marketdata/indices/state/g-curve/archive/> (дата обращения: 01.08.2024).

11. Minoiu C., Schneider A., Wei M. Why Does the Yield Curve Predict GDP Growth? The Role of Banks // Finance and Economics Discussion Series. Federal Reserve Board, Washington, 2023. URL: <https://www.atlantafed.org/-/media/documents/research/publications/wp/2023/09/28/14--why-does-yield-curve-predict-gdp-growth--role-of-banks.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).

References

1. Vedev A.L., Eremkin V.A., Tuzov K.A. Vysokie riski i slabye tempy rosta ekonomiki: makroprognoz dlia Rossii na srednesrochnuiu perspektivu [High Risks and Weak Economic Growth Rates: Macroeconomic Forecast for Russia in the Medium Term], *Voprosy ekonomiki* [Economics Issues], 2024, No. 2, pp. 5–22. (In Russ.).
2. VVP gody (s 1995 g.) [GDP of the Year (Since 1995)], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995.xlsx (accessed 03 June 2024).
3. Kratkaya ezhegodnaia informatsiia ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Rossiiskoi Federatsii i gosudarstvennykh vnebiudzhethnykh fondov (mlrd rub.). 2024 [Brief Annual Information on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and State Extra-Budgetary Funds (Billion Rubles). 2024], *Minfin Rossii* [Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute?id_57=93449-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_konsolidirovannogo_byudzheta_rossiiskoi_federatsii_i_gosudarstvennykh_vnebyudzhethnykh_fondov_mlrd_rub. (accessed 03 June 2024).
4. Bukina I.S., Lykova L.N. God v usloviakh pandemii: sostoianie rossiiskoi biudzhethnoi sistemy [The Year in the Conditions of the Pandemic: The State of the Russian Budgetary System], *Federalizm* [Federalism], 2021, Vol. 26, No. 2 (102), pp. 149–168. (In Russ.).
5. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Ianvar' – Iiun' 2024 g. [Socio-Economic Situation in Russia. January – June 2024], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat)* [Federal State Statistics Service (Rosstat)]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-06-2024.pdf> (accessed 08 August 2024).
6. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Rossiiskoi Federatsii i biudzhetrov gosudarstvennykh vnebiudzhethnykh fondov na 1 iiulia 2023 goda [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of July 1, 2023], *Federal'noe Kaznacheistvo Minfina Rossii* [Federal Treasury of the Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/c91/f.-0507021-na-01.06.2023.zip> (accessed 08 August 2024).
7. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Rossiiskoi Federatsii i biudzhetrov gosudarstvennykh vnebiudzhethnykh fondov na 1 iiulia 2024 goda [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of July 1, 2024], *Federal'noe Kaznacheistvo Minfina Rossii* [Federal Treasury of the Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/378/f.-0507021-na-01.07.2024.XLS> (accessed 08 August 2024).
8. Bukina I.S. Rezul'taty biudzhethno-nalогоvoi politiki v novykh usloviakh [Results of Budgetary and Tax Policy in New Conditions], *Federalizm* [Federalism], 2024, Vol. 29, No. 1 (113), pp. 128–145. (In Russ.).

9. Indeksy obligatsii [Bond Indices], *Mosbirzha* [Moscow Exchange]. (In Russ.). Available at: <https://www.moex.com/ru/index/RGBI/archive?from=2024-06-18&till=2024-07-18&sort=TRADEDATE&order=desc> (accessed 18 July 2024).

10. Krivaia besкупonnoi dokhodnosti. Arkhiv znachenii KBD Moskovskoi birzhi na zakrytie trgov. 2024 [Coupon-Free Yield Curve. Archive of CBD Values of the Moscow Stock Exchange at the Close of Trading. 2024], *Mosbirzha* [Moscow Exchange]. (In Russ.). Available at: <https://www.moex.com/ru/marketdata/indices/state/g-curve/archive/> (accessed 01 August 2024).

11. Minoiu S., Schneider A., Wei M. Why Does the Yield Curve Predict GDP Growth? The Role of Banks, *Finance and Economics Discussion Series*. Federal Reserve Board, Washington, 2023. Available at: <https://www.atlantafed.org/-/media/documents/research/publications/wp/2023/09/28/14--why-does-yield-curve-predict-gdp-growth--role-of-banks.pdf> (accessed 01 August 2024).

THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN BUDGET SYSTEM AND THE POTENTIAL FOR FINANCING THE FEDERAL BUDGET DEFICIT

For the first time, Russia's budget system is under large-scale stress in all areas: risks of losing the tax base due to international sanctions, a steady increase in unforeseen expenses, inflation risks, and rising debt servicing costs. In this regard, it is necessary to identify and analyze potential sources of financing the federal budget deficit as the main guarantor of budget stability. The article examines the state of the consolidated budget of the Russian Federation and the budgets of state extra-budgetary funds based on the results of the first half of 2024. It is shown that oil and gas revenues remain the main source of revenue growth. Among non-oil and gas revenues, personal income tax and VAT from domestic sales are growing at an accelerated rate. At the same time, the positive dynamics of some sectors of the Russian economy is largely due to budget financing. At the same time, inflation remains above target values, which forces the Central Bank of the Russian Federation to tighten monetary policy. The excess growth of federal budget expenditures and the increase in nominal rates threaten financial stability. In this regard, the article assesses the potential for financing the federal budget deficit in the context of strict borrowing restrictions. Based on the analysis of the state of the domestic federal loan bond market, a conclusion is made about the high risk of a liquidity crisis and the potential for placing domestic debt at the expense of non-bank financial institutions and individuals.

Keywords: budget deficit, budget impulse, fiscal policy, government bond market, oil and gas revenues, public debt, yield curve, region.

JEL: E32, H21, H61

Дата поступления — 27.08.2024 г.

БУКИНА Ирина Сергеевна

кандидат экономических наук, ведущий научных сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.
e-mail: bis.email@gmail.com

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: bis.email@gmail.com

Для цитирования:

Букина И.С. Состояние бюджетной системы России и потенциал финансирования дефицита федерального бюджета // *Федерализм*. 2024. Т. 29. № 3 (115). С. 75–93. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-3-75-93>

Е.В. ЛАПТЕВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОГО ДОМА ТРУДОЛЮБИЯ

Изучение истории благотворительности позволяет более точно идентифицировать начальный период создания основ гражданского общества в России. Предметно статья посвящена анализу деятельности Смоленского дома трудолюбия как примера благотворительной практики в Российской империи конца XIX — начала XX вв. На конкретном примере автор рассматривает историю создания и развития домов трудолюбия в региональной плоскости, их роль в общественной жизни и влияние на формирование базовых нарративов гражданского общества в имперской действительности того периода. Особое внимание уделяется анализу экономических аспектов в рамках работы Смоленского дома трудолюбия и их роли в формировании новых принципов внесловной коммуникации в обществе пореформенной России. Исследование позволяет автору сделать вывод о том, что изучение таких проектов, как деятельность благотворительных обществ, через призму экономической истории дает возможность более полно оценить их в контексте властных устремлений локальных общественных групп и значение данных акторов в рамках формирования гражданского общества в позднеимперский период.

Ключевые слова: благотворительность, дома трудолюбия, гражданское общество, дворянство, Российская империя конца XIX — начала XX в.
JEL: I39, L31, N33

Позднеимперский период включает в себе большое количество исследовательских лакун, которые нередко сосредоточены в плоскости общественно-политического дискурса. Ряд исследовательских позиций сосредоточен на оценке юридической практики имперского строительства и ее влияния на права национальных меньшинств, а также взаимодействия граждан с государством [1]. Отдельное внимание уделяется вопросам собственности в Российской империи. Здесь интерес представляет концепция рассмотрения российского дореволюционного либерализма как источника для развития идеи гражданского общества, построенной на публичном владении национальным богатством [2].

Вопрос денег и влияния этого ресурса на неформальные экономические отношения в империи также выступает как предмет всестороннего изучения в современных научных изысканиях [3]. В этом контексте можно отметить, что в настоящий момент исследования вопроса денег и финансовых ресурсов в рамках общественного устройства и развития концепции гражданского общества в Российской империи конца XIX — начала XX в. представляют серьезный интерес для исследователей.

Важно заметить, что Российская империя в этот момент представляла собой *«пространство противоречий и кризисов»* [4]. Концепцию кризисов политической сферы в Российской империи начала XX в. и рассмотрение этих событий через призму возможностей для роста и развития в этот период можно найти в работе [4]. Это было связано с развитием процессов урбанизации — оттока населения как в небольшие города, так и в формирующиеся промышленные центры. Также нарастало повсеместное социальное расслоение, сопряженное с обнищанием низших классов населения. В этом контексте особый интерес представляет феномен благотворительности (являющейся ядром социальной конъюнкции) как практика консолидации в ответ на кризисные проявления, возникающие в социуме [5, с. 785–789]. Отмечая важность изучения общественной жизни в империи, стоит заметить, что сосредоточение внимания на практиках общественного внесословного взаимодействия, к которым можно отнести и благотворительность, классически рассматривается через парадигму социального дискурса. Вместе с тем привлечение в исследование финансовой стороны вопроса позволит более полно понять, что такое благотворительность в позднеимперских общественных процессах и какие цели она преследовала. В глобальном плане это позволит выстроить более комплексную картину общественного пространства (и его коммуникативных практик) Российской империи конца XIX — начала XX в. в рамках изучения процессов становления такого явления, как гражданское общество.

Этапы становления института благотворительных обществ

В историографии достаточно точно определяется, что с 70-х гг. XIX в. во многих губерниях в рамках низовой общественной инициативы по преодолению кризисных явлений начинают создаваться различные благотворительные общества. Важно заметить, что такое явление не было новым в рамках российских исторических практик. У благотворительных обществ фиксируется длительный период их становления и развития, который отдельные исследователи условно делят на несколько этапов [6, с. 5–12].

Первый этап относят к XI–XVII вв. В этот период благотворительность являлась сугубо церковным делом и складывалась в рамках более общих религиозных практик. В XVII в. (1670 г.) царь Алексей Михайлович учреждает Приказ о строении богаделен, выделяя для этого средства на содержание нищих. Второй этап маркируется хронологическими рам-

ками конца XVII — начала XVIII вв. В этот период Петр I переводит благотворительность из церковной сферы в государственную, определяя заботу о необеспеченных лицах как прерогативу и обязанность государства. Третий этап хронологически определяется XVIII в. Во время правления Екатерины II были заложены основы формирования системы общественного призрения, куда включались и благотворительные общества. Четвертый этап относится к XIX в.: в период правления Александра I сложились две крупнейшие благотворительные организации — Ведомство учреждений императрицы Марии (Марии Федоровны, вдовы императора Павла I) и Императорское Человеколюбивое общество, которое просуществовало до начала XX в. [6, с. 5–12].

Одной из самых известных и устоявшихся форм благотворительности, а также помощи нуждающимся в Российской империи XIX в. были так называемые дома трудолюбия: благотворительные заведения, осуществляющие трудовое перевоспитание нищих путем предоставления им работы и приюта [7, с. 106]. Такое перевоспитание предполагало относительно свободное проживание и добровольное участие в трудовой деятельности всех нуждающихся.

Первый дом трудолюбия появился в Рязани в 1821 г., где кроме богадельни для престарелых и увечных, была устроена начальная школа для убогих детей¹. В 1833 г. в Санкт-Петербурге известным меценатом А.Н. Демидовым был открыт Демидовский дом призрения трудящихся, где оказывалась помощь нуждающимся женщинам, которые могли заниматься в учреждении рукодельными работами, за что обеспечивались бесплатным питанием [8, с. 182–184]. Затем появились женские учебные заведения, в которых на полном содержании жили и обучались бедные девушки. Кроме того, в эти учреждения принимались немощные пожилые женщины. В 1847 г. подобные заведения были переименованы в Елизаветинские училища в честь императрицы Елизаветы Алексеевны².

В 1865 г. княжна А.Н. Касаткина-Ростовская, жена статского советника С.С. Стрекалова, создала Общество поощрения трудолюбия. Впоследствии это общество реорганизовалось в первый в России исправительно-воспитательный детский приют, директором которого стал Н.В. Руковишников [9, с. 5]. В 1882 г. был открыт дом трудолюбия в Кронштадте. В создании этого учреждения активное участие принял настоятель Андреевского собора отец Иоанн, а также барон О.О. Буксгевден [10]. Данный дом трудолюбия стал одним из лучших примеров благотворительных учреждений в Российской империи, а практики Кронштадтского дома трудолюбия были использованы для создания учреждений подобного типа в регионах империи³.

¹ Проект положения о доме трудолюбия и призрения неимущих в городе Рязани. Рязань, 1821. С. 17.

² ПСЗ РИ-II. Т. XXII. СПб.: тип II Отд. Собственной Е.И.В. канцелярии, 1848. 951 с. № 21685.

³ Дом трудолюбия, основанный св. Иоанном Кронштадтским, признан памятником истории и культуры. URL: <https://pravoslavie.ru/132178.html> (дата обращения: 22.06.2024).

Активную роль в распространении данных практик принял лютеранский купец, барон О.О. Буксгевден, которого поддержала великая княгиня Александра Иосифовна. В 1881 г. его избрали председателем комиссии по сбору пожертвований, чтобы открыть дом трудолюбия в Кронштадте. Интересен тот факт, что вслед за этим событием у барона Буксгевдена произошел весьма стремительный карьерный рост. В 1882 г. он был произведен в действительные статские советники, в 1895 г. — в тайные советники. В 1896 г. Буксгевден стал членом консультации при Министерстве юстиции. Можно предположить, что должность председателя в данной комиссии представляла для Буксгевдена не моральный или символический, а вполне материальный и прагматичный интерес. Барон достаточно эффективно использовал интерес к благотворительности со стороны великой княгини Александры Иосифовны для доступа к возможностям коммуникации с первыми лицами государства и достижения личных интересов. Стоит заметить, что в дальнейшем большую роль в создании домов трудолюбия сыграло Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. Оно было создано в 1895 г., находилось под покровительством императрицы Александры Федоровны, к началу XX в. в ведении Попечительства находилось 700 заведений [11].

Становление Смоленского дома трудолюбия

История Смоленского дома трудолюбия начинается в сентябре 1888 г., когда на общем собрании членов Смоленского благотворительного общества по инициативе О.О. Буксгевдена состоялось обсуждение вопроса об учреждении в Смоленске дома трудолюбия. В результате этого обсуждения Смоленское благотворительное общество единогласно постановило просить Совет общества принять на себя устройство в Смоленске дома трудолюбия, содержать на свой счет и организовать в нем работы. Собрание приняло от барона Буксгевдена пожертвованные жителями Смоленска 636 руб., которые были переданы Благотворительному обществу на расходы по содержанию дома трудолюбия⁴. На собрании было указано, что дом трудолюбия устраивался в Смоленске «с целью сокращения нищенства и оказания помощи беднейшим городским жителям посредством предоставления им труда и приюта, впредь до более прочного устройства их судьбы, определением к постоянным занятиям или помещением на постоянное призрение»⁵.

Второго октября 1888 г. состоялось открытие и освящение Смоленского дома трудолюбия. На церемонии присутствовал председатель Смоленского благотворительного общества, губернатор Смоленской губернии В.О. Сосновский и некоторые его члены. Стоит заметить, что на первом этапе совет Благотворительного обще-

⁴ Отчет Совета Смоленского Благотворительного Общества за 1888 г. Смоленск: Губернская типография, 1889. С. 3–4.

⁵ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1898 год. Смоленск: Губернская типография, 1899. С. 3.

ства руководил домом трудолюбия без какого-либо формального устава. Но после учреждения Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, о чем говорилось выше, дом трудолюбия стал управляться на основании особых правил, установленных Попечительством. Эти правила дополнили устав Смоленского благотворительного общества [11]. Непосредственное руководство домом трудолюбия было поручено трем членам Смоленского благотворительного общества — П.Я. Глинке, В.Ф. Рааб-Тилену и В.Е. Моллериусу⁶.

П.Я. Глинка (в девичестве Трофимова) была женой Г.В. Глинки, который недолго работал помощником у присяжного поверенного Ф.Н. Плевако, а в 1894 г. стал титулярным советником, не-пременным членом Смоленского губернского присутствия. Сама Прасковья Яковлевна была воспитанницей Московской консерватории. В.Ф. фон дер Рааб-Тилен после окончания училища правоведения занимал различные чиновничьи должности в Санкт-Петербурге, служил председателем Черниговской (1863—1871 гг.), а затем управляющим Смоленской (1871—1893 гг.) казенных палат. Со службы был уволен в 1893 г. в чине действительного статского советника. Помимо служебной деятельности он активно занимался благотворительной и общественной работой. В 1870-е — 1910-е гг. В. Ф. Рааб-Тилен занимал самые различные общественные должности в Смоленской губернии: члена Совета Смоленского благотворительного общества, директора губернского Попечительного о тюрьмах комитета, действительного члена Смоленского общества сельского хозяйства, ревизора Общества взаимного кредита, члена Общества охотников конского бега, почетного мирового судьи Ельнинского уезда, члена правления Смоленского окружного общества спасения на водах и ряда других общественных организаций. В.Е. Моллериус был управляющим Смоленского отделения Госбанка, поэтому его закономерно назначили на должность казначея.

Первоначально для Смоленского дома трудолюбия было выделено бесплатное помещение, где располагалась пожарная команда⁷. Оно состояло из двух частей, разделенных сенями: одна половина предназначалась для мужчин, а другая для женщин. В каждой части дома, кроме комнаты для работы, имелось небольшое помещение, где было «поставлено несколько кроватей с постельными принадлежностями на случай, если кому-либо из приходящих на работу негде переночевать за неимением квартиры, или уже по отдаленности местожительства от Дома Трудолюбия, особенно в ненастное и холодное время года и при отсутствии теплой одежды»⁸. В одной из комнат была расположена печь для приготовления пищи и там же имелась необходимая посуда.

⁶ Отчет Совета Смоленского Благотворительного Общества за 1888 г. Смоленск: Губернская типография, 1889. С. 4.

⁷ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1898 год. Смоленск: Губернская типография, 1899. С. 4.

⁸ Отчет Совета Смоленского Благотворительного Общества за 1888 г. Смоленск: Губернская типография, 1889. С. 4.

На нижнем этаже находился обширный сарай, в котором ранее располагались пожарные инструменты, а теперь это место предназначалось для складирования материалов.

Для наблюдения за работами в доме трудолюбия и для надзора за лицами, которые туда приходили, была учреждена должность надзирателя, квартира которого была устроена в том же здании⁹. Он работал с малоимущими лицами и ведал производственным сырьем, рабочими инструментами и запасом еды, представляющими большую материальную ценность. Кроме того, надзиратель должен был контролировать проживание приходящих людей на постоянной (круглосуточной) основе. Это вполне объясняет тот факт, что жилье этого должностного лица располагалось непосредственно в доме трудолюбия.

Здание дома трудолюбия первое время было небольшим по размеру и ветхим строением, поэтому благотворительное общество в 1891 г. на собственные средства построило новое помещение на Энгельгардтовской улице Смоленска (в Солдатской слободе), где нуждающиеся люди могли не только работать, но и находить ночлег. Построенное здание было деревянным с железной крышей и состояло из семи комнат с широким коридором, заменяющим столовую. Причем две самые просторные комнаты были предназначены для проведения работ. Еще две отводились для ночлега, одна комната предназначалась для лиц благородного сословия, остальные были заняты кухней и квартирой смотрителя. С переходом в новое здание были введены новые должности: заведующая женскими работами, писмоводитель и кухарка.

Позже, в 1900 г., также появилась должность надзирательницы за детьми, а в 1901 г. еще добавились мастер-сапожник, прачка, нянька и дворник. При доме имелись все необходимые хозяйственные помещения: погреб, кладовая, амбары для хранения провизии и рабочих материалов, навес для дров. Можно заметить, что Смоленский дом трудолюбия располагал всеми необходимыми элементами производственного предприятия, а условия содержания в нем были похожи на условия, в которых жили рабочие ряда крупных российских промышленных предприятий начала XX в. Причем некоторые условия, которые были созданы для постояльцев дома трудолюбия, отличались от условий заводчан в качественно лучшую сторону.

Первоначально планировалось, что новое здание должно будет вмещать 50 чел., а для ночлега будет достаточно оборудовать лишь одну комнату. Однако оказалось, что практически все поступающие в дом трудолюбия лица не имели никакого личного жилья или временного приюта. При этом обнаружилось «непредвиденное обстоятельство»¹⁰, которое не было учтено при открытии благотворительной организации. В Смоленске не было ни городской, ни земской богадельни. В городе

⁹ Отчет Совета Смоленского Благотворительного Общества за 1888 г. Смоленск: Губернская типография, 1889. С. 4.

¹⁰ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1898 год. Смоленск: Губернская типография, 1899. С. 4.

имелся приют для небольшого числа женщин, открытый на частные средства, а также одна небольшая богадельня, устроенная незадолго до открытия дома трудолюбия для лиц мещанского сословия обоего пола. В связи с этим многие из бедняков, которые по своей старости или слабости физических сил должны были иметь право на призрение в богадельне, были вынуждены искать приют в доме трудолюбия.

Поскольку в Смоленске отсутствовали приюты для мальчиков и были ограничены вакансии в приюте для девочек, который находился в ведении Попечительства о детских приютах, в доме трудолюбия стали проживать дети обоего пола. Их количество постоянно росло. В 1898 г. в заведении проживали 6 чел.¹¹, в 1900 г. — 24, а в 1901 г. дом трудолюбия дал крышу 30 воспитанникам¹². Важно заметить, что число беспризорных детей в Смоленске было столь значительным, что открытое при доме трудолюбия отделение для малолетних на 25 чел. могло вместить только их незначительную часть. Такое небольшое количество мест было связано с недостатком финансовых средств Смоленского благотворительного общества. Важно сказать, что финансовые вопросы дома трудолюбия стали основным мотивом, определяющим его работу и развитие. Именно финансовая сторона побудила Смоленское благотворительное общество принять меры к тому, чтобы, не удаляя из дома трудолюбия детей и лиц «престарелых и слабосильных», использовать мастерские исключительно для труда здоровых и нетрудоустроенных людей, которые были склонны к праздности и пьянству, что неизменно было сопряжено с нуждой в работе и деньгах. Для осуществления этого плана благотворительное общество решило расширить существующее помещение дома трудолюбия и, соответственно, общую вместимость учреждения, за счет дополнительного каменного строения.

Затраты на строительство предполагались существенные. По смете, составленной губернским инженером Гиршем, на пристройку одноэтажного каменного здания было необходимо 5 762 руб. 93 коп.¹³ В связи с этим 14 апреля 1896 г. общее собрание Смоленского благотворительного общества постановило выйти с ходатайством перед Попечительством о домах трудолюбия и работных домах об ассигновании необходимой суммы. 7 февраля 1897 г. вице-председатель Попечительства уведомил председателя Смоленского благотворительного общества, что императрица Александра Федоровна утвердила «журнал Комитета Попечительства о Домах Трудолюбия и Работных Домах, коим признано возможным отпустить Смоленскому Благотворительному Обществу в беспроцентную ссуду 5 000 руб.»¹⁴. Ссуда выдавалась на 10 лет и подлежала погашению, начиная с 1900 г., ежегодными взносами по 500 руб.¹⁵

¹¹ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1898 год. Смоленск: Губернская типография, 1899. С. 4.

¹² Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1900 г. Смоленск: Губернская типография, 1901. С. 2.

¹³ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1898 год. Смоленск: Губернская типография, 1899. С. 4.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Там же.

Экономика Смоленского дома трудолюбия

В 1896 г. Смоленский дом трудолюбия, согласно документам, *за-работал* 1 265 руб. 12 коп., а *заработная плата работникам* за тот же период составили 647 руб. 25 коп.¹⁶

Отчеты дома трудолюбия позволяют увидеть, что в последующие годы его затраты на заработную плату существенно снижались: в 1898 г. такая статья расходов составила 586 руб. 25 коп.¹⁷, а в 1901 г. — 491 руб. 78 коп.¹⁸ Показатели расходов снизились более чем на четверть (при этом количество работающих в доме трудолюбия снизилось за указанные года лишь на 12%). Даже с учетом ежегодно выплачиваемой ссуды в 500 руб. дом трудолюбия был прибыльным заведением. Если рассчитать рентабельность (отношение прибыли к расходам предприятия в процентном отношении), то можно увидеть, что в 1900 г. — первый год выплаты ссуды — рентабельность Смоленского дома трудолюбия составила 3,3%. Однако уже в 1901 г. этот показатель вырос до 16,3%.

Даже с учетом долговой нагрузки (хотя и беспроцентной) дом трудолюбия приносил Смоленскому благотворительному обществу значительную прибыль. При условии выплаты займа в 1910 г. расчетная рентабельность дома трудолюбия должна была составить от 50 до 60% годовых.

Непосредственная стройка началась только весной 1898 г., до этого момента происходила лишь заготовка строительных материалов. При этом оказалось, что при соблюдении надлежащей экономии (в первоначальной смете инженера Гирша закладывались высокие в 1896 и 1897 гг. цены на кирпич) можно будет построить полноценное двухэтажное здание, вдвое превышающее проектную площадь. К сентябрю 1898 г. двухэтажное здание было закончено в черновой отделке, а к лету 1899 г. здание было полностью готово.

Введение в действие нового здания дало возможность расширить количество лиц, которые получали поддержку в стенах дома трудолюбия. Если в 1889 г. на ночлег оставались 10 чел., то в 1892 г. — уже 35 чел. В последующие годы количество проживающих варьировалось от 31 чел. в 1898 г.¹⁹ до 36 чел. в 1900 г.²⁰ При этом постоянно росла плата за работу. В 1888–1889 гг. нищие получали за работу по 10 коп. в сутки²¹,

¹⁶ Отчет Совета Смоленского Благотворительного Общества за 1896 г. Смоленск: Губернская типография, 1897. С. 6.

¹⁷ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1898 год. Смоленск: Губернская типография, 1899. С. 6.

¹⁸ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1901 г. Смоленск: Губернская типография, 1902. С. 2.

¹⁹ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1898 год. Смоленск: Губернская типография, 1899. С. 6.

²⁰ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1900 г. Смоленск: Губернская типография, 1901. С. 4.

²¹ Отчет Совета Смоленского Благотворительного Общества за 1889 г. Смоленск: Губернская типография, 1890. С. 5.

в 1890-е гг. плата составляла от 5 до 20 коп. в сутки²², в 1900 г. — от 5 до 15 коп.²³, а с 1901 г. — до 30 коп.²⁴ Ежегодное количество работающих в начале существования дома трудолюбия составляло более 6 тыс. чел., больше всего работающих — более 9 тыс. чел. — было в 1894–1895 гг.²⁵ Затем количество таких лиц стало снижаться, и к 1901 г. их было около 7 тыс. чел.²⁶

Надо отметить, что Смоленское благотворительное общество отдельно собирало средства на содержание дома трудолюбия. Только за первые три месяца 1888 г. было собрано 1 475 руб. 5 коп.²⁷ В последующие годы пожертвования также собирались исправно, от 240 руб. 50 коп. в 1889 г.²⁸ до 1 702 руб. 28 коп. в 1896 г.²⁹ Эти средства составляли отдельную графу доходов и не учитывались при подсчете в работе показателей рентабельности Смоленского дома трудолюбия. Важно заметить, что в конечном итоге денежных средств собиралось гораздо больше, чем тратилось на зарплату работникам и на содержание дома трудолюбия. Всегда оставался остаток неиспользованных средств, которые помещались на счетах городского банка, где на них начислялись проценты. Доход был настолько существенный, что в 1896 г. были приобретены бумаги Государственного дворянского земельного банка на 1 500 руб., которые тоже приносили свои проценты, а в 1897 г. появилась прибыль от покупки государственной ренты на сумму 5 000 руб.

Экономические показатели позволяют сделать вывод о том, что создание дома трудолюбия, *помимо реализации благотворительных целей, состоялось как успешное коммерческое предприятие*: заработанных средств было в среднем в 1,5–2 раза больше, чем составляла плата за труд. Можно сказать, что в первую очередь условия работы и организации данного учреждения выстраивались на принципах окупаемости и безубыточности. В связи с этим возникает резонный вопрос: какие главные цели, помимо прибыли, преследовало Смоленское благотворительное общество?

Можно заметить, что работа в благотворительной сфере позволяла представителям общественности более тесно интегрироваться и инкорпорироваться в новую политическую и общественную среду пореформенной России.

²² Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1898 год. Смоленск: Губернская типография, 1899. С. 6.

²³ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1900 г. Смоленск: Губернская типография, 1901. С. 4.

²⁴ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1901 г. Смоленск: Губернская типография, 1902. С. 1.

²⁵ Отчет Совета Смоленского Благотворительного Общества за 1895 г. Смоленск: Губернская типография, 1896. С. 5.

²⁶ Отчет Смоленского Дома Трудолюбия за 1900 г. Смоленск: Губернская типография, 1901. С. 4.

²⁷ Отчет Совета Смоленского Благотворительного Общества за 1888 г. Смоленск: Губернская типография, 1889. С. 3.

²⁸ Отчет Совета Смоленского Благотворительного Общества за 1889 г. Смоленск: Губернская типография, 1890. С. 9.

²⁹ Отчет Совета Смоленского Благотворительного Общества за 1896 г. Смоленск: Губернская типография, 1897. С. 8.

Новые принципы внесословной коммуникации позволяли различным локальным группам (благотворительным обществам) влиять на имперское общественное пространство снизу, минуя классические вертикали взаимодействия с властью и обществом, характерные для классической империи. Дом трудолюбия, который по своей внешней форме презентовался как социальный (общественный) проект, по своему содержанию выступал как классический коммерческий (буржуазный) механизм. Это позволяет сделать вывод о том, что в Российской империи конца XIX — начала XX вв. *начинают складываться определенные элементы гражданского общества.* Вместе с этим, их изучение через плоскость общественно-политического дискурса не позволяет выстроить полновесную картину: именно экономическая история и ее методы позволяют в полной мере оценить такие сугубо общественно-социальные проекты и увидеть их суть.

Список литературы

1. *Кирмзе Ш.Б.* Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 432 с.
2. *Правилова Е.* Империя в поисках общего блага. Собственность в дореволюционной России. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.
3. *Антонов С.* Банкроты и ростовщики Российской империи. Долг, собственность и право во времена Толстого и Достоевского. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 504 с.
4. Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М.: Квадрига, 2021. 788 с.
5. *Кистнев В.В., Посохова Я.В.* История благотворительности в г. Белгороде как форма социально-правовой конъюнкции // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2021. № 46. С. 785–789.
6. *Удалов И.Д., Иванов Р.В.* Первые благотворительные общества: история создания // *Научные записки молодых исследователей.* 2020. № 5. С. 5–12.
7. Социальная работа. Российский энциклопедический словарь / под общ. ред. В.И. Жукова. М., 1997. Т. 1. 358 с.
8. *Дашкевич Л.А.* Демидовский дом призрения трудящихся: традиции социальной ответственности уральских предпринимателей // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г.* Екатеринбург, 2008. С. 182–184.
9. Ведомства Императорского Человеколюбивого общества состоящее под покровительством Государыни Императрицы Общество поощрения трудолюбия в Москве. Летопись первого двадцатипятилетия (1863–1888 гг.). М.: Печатня С.П. Яковлева, 1888. 324 с.
10. *Гринштейн О.М.* Европейские традиции в Петербургской благотворительной деятельности барона О.О. Буксгевдена // Четвертые открытые слушания «Института Петербурга». Ежегодная конференция по проблемам петербурговедения. 1–2 февраля 1997 г. URL: https://institutspb.ru/pdf/hearings/04-06_Grinshtein.pdf (дата обращения: 26.07.2024).

11. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах, состоящее под августейшим покровительством ее величества государыни императрицы Александры Федоровны: Извлеч. из крат. сведений, изд. Попечительством и из публ. сообщ. ст. сов. Д.С. Волкова. 12 марта 1896 г. Одесса: тип. Н. Хрисогелос, 1896. 15 с.

References

1. Kirmze Sh.B. Imperiia zakonnosti. Iuridicheskie peremeny i kul'turnoe raznoobrazie v pozdneimperskoi Rossii [The Empire of Legality. Legal Changes and Cultural Diversity in Late Imperial Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2023, 432 p. (In Russ.).
2. Pravilova E. Imperiia v poiskakh obshchego blaga. Sobstvennost' v dorevoliutsionnoi Rossii [Empire in Search of the Common Good. Property in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 560 p. (In Russ.).
3. Antonov S. Bankroty i rostovshchiki Rossiiskoi imperii. Dolg, sobstvennost' i pravo vo vremena Tolstogo i Dostoevskogo [Bankrupts and Moneylenders of the Russian Empire. Debt, Property and Law in the Time of Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 504 p. (In Russ.).
4. Rossiiskaia imperiia mezhdru reformami i revoliutsiiami, 1906–1916: kollektivnaia monografiia [The Russian Empire between Reforms and Revolutions, 1906–1916: Collective Monograph], edited by A.I. Miller i K. A. Solov'ev. Moscow, Kvadriga, 2021, 788 p. (In Russ.).
5. Kistenev V.V., Posokhova Ia.V. Istoriia blagotvoritel'nosti v g. Belgorode kak forma sotsial'no-pravovoi kon'iunktsii [The History of Charity in Belgorod as a Form of Social and Legal Conjunction], *NOMOTHETIKA: Filosofii. Sotsiologii. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right], 2021, No. 46, pp. 785–789. (In Russ.).
6. Udalov I.D., Ivanov R.V. Pervye blagotvoritel'nye obshchestva: istoriia sozdaniia [The First Charitable Societies: The History of Creation], *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei* [Scientific Notes of Young Researchers], 2020, No. 5, pp. 5–12. (In Russ.).
7. Sotsial'naia rabota. Rossiiskii entsiklopedicheskii slovar' [Social Work. Russian Encyclopedic Dictionary], edited by V.I. Zhukov. Moscow, 1997, Vol. 1, 358 p. (In Russ.).
8. Dashkevich L.A. Demidovskii dom prizreniia trudiashchikh: traditsii sotsial'noi otvetstvennosti ural'skikh predprinimatelei [Demidovsky Workers' Charity House: Traditions of Social Responsibility of Ural Entrepreneurs], *Rossiia mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskii opyt national'nogo razvitiia: materialy Vseros. nauch. konf., posviashch. 20-letiiu Instituta istorii i arkheologii UrO RAN*, Ekaterinburg, 4–5 March 2008, Ekaterinburg, 2008, pp. 182–184. (In Russ.).
9. Vedomstva Imperatorskogo Chelovekoliubivogo obshchestva sostoiasheche pod pokrovitel'stvom Gosudaryni Imperatritsy Obshchestvo pooshchreniia trudoliubii v Moskve. Letopis' pervogo dvadtsatipiatiletii (1863–1888 gg.) [Departments of the Imperial Humane Society, the Society for the Encouragement of Diligence in Moscow, Consisting under the Patronage of the Empress Empress. The Chronicle of the First Twenty-Fifth Anniversary (1863–1888)]. Moscow, Pechatnia S. P. Iakovleva, 1888, 324 p. (In Russ.).
10. Grinshtein O.M. Evropeiskie traditsii v Peterburgskoi blagotvoritel'noi deiatel'nosti barona O. O. Buksgevdna [European Traditions in the St. Petersburg Charitable Activities of Baron O. O. Buksgevdn], *Chetvertye otkrytye slushaniia "Instituta Peterburga". Ezhegodnaia konferentsiia po problemam peterburgovedeniia. 1–2 February 1997* [The Fourth Open Hearing of the St. Petersburg Institute. The Annual Conference on the Problems of St. Petersburg Studies. February 1–2, 1997]. (In Russ.). Available at: https://institutspb.ru/pdf/hearings/04-06_Grinshtein.pdf (accessed 26 July 2024).
11. Popechitel'stvo o domakh trudoliubii i rabotnykh domakh, sostoiasheche pod avgusteishim pokrovitel'stvom ee velichestva gosudaryni imperatritsy Aleksandry

Fedorovny: Izvlech. iz krat. svedenii, izd. Popechitel'stvom i iz publ. soobshch. st. sov. D.S. Volkova. 12 marta 1896 g. [Guardianship of the Houses of Diligence and Workhouses, Consisting under the August Patronage of Her Majesty Empress Alexandra Feodorovna: Extract from the Summaries Published by the Trusteeship and from Those Published by the Community of State Councilor D.S. Volkov. March 12, 1896]. Odessa, Printing House N. Khrisogelos, 1896, 15 p. (In Russ.).

ECONOMIC ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE LATE IMPERIAL PERIOD ON THE EXAMPLE OF THE SMOLENSK HOUSE OF DILIGENCE

The study of the history of charity makes it possible to more accurately identify the initial period of the creation of the foundations of civil society in Russia. The article is devoted to the analysis of the activities of the Smolensk House of Diligence as an example of charitable practice in the Russian Empire of the late XIX – early XX century. Using a specific example, the author examines the history of the creation and development of houses of diligence in the regional plane, their role in public life and their influence on the formation of basic narratives of civil society in the imperial reality of that period. Special attention is paid to the analysis of economic aspects within the framework of the Smolensk House of Diligence and their role in the formation of new principles of “non-pedigree” communication in the society of post-reform Russia. The study allows the author to conclude that the study of projects such as the activities of charitable societies through the prism of economic history makes it possible to more fully assess them in the context of the power aspirations of local social groups and the importance of these actors in the formation of civil society in the late Imperial period.

Keywords: charity, houses of diligence, civil society, nobility, Russian Empire late XIX – early XX century.

JEL: I39, L31, N33

Дата поступления – 30.07.2024 г.

ЛАПТЕВА Елена Викторовна

старший преподаватель кафедры «История России»;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Смоленский Государственный университет» /
ул. Пржевальского, д. 4, г. Смоленск, 214000.
e-mail: Lapev@mail.ru

LAPTEVA Elena V.

Senior Lecturer of the Department of “History of Russia”;
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Smolensk
State University” / 4, Przhhevsky Str., Smolensk, 214000.
e-mail: Lapev@mail.ru

Для цитирования:

Лаптева Е.В. Экономические аспекты развития институтов гражданского общества в позднеимперский период на примере Смоленского дома трудолюбия // Федерализм. 2024. Т. 29. № 3 (115). С. 94–105.
DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-3-94-105>

**Ж.И. АЛАДЫШЕВА, В.В. БЕРЕГОВЫХ, Г.Э. БРКИЧ,
А.П. МЕШКОВСКИЙ, В.В. БЕЛЯЕВ, Н.В. ПЯТИГОРСКАЯ**

РЕГУЛЯТОРНОЕ КАЧЕСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЩЕНИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ*

С 2014 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) реализует масштабный проект по укреплению и развитию национальных регуляторных систем в сфере обращения лекарственных средств, который направлен на повышение доступности безопасных, эффективных и качественных лекарственных средств и медицинских изделий для населения всех стран, но в первую очередь стран с низким и средним доходом. В рамках проекта анализируется зрелость национальных регуляторных систем с помощью глобального инструмента бенчмаркинга, разработанного на основе различных систем оценивания регуляторных органов и прошедшего широкое обсуждение и пилотное тестирование. Результаты национальных органов, достигших высоких уровней зрелости, публикуются. Также формируется Перечень ВОЗ регуляторных органов, замещающий ранее использовавшуюся концепцию регуляторных органов с высокими требованиями. Указанный Перечень рекомендуется использовать в процедурах регуляторного доверия национальными регуляторными органами, закупочными структурами различного уровня и статуса — коммерческими, общественными, государственными или международными. Качество государственного регулирования фармацевтического сектора является одним из критических факторов всей национальной системы здравоохранения. Рассматриваемый проект ВОЗ по оценке функциональности (зрелости) регуляторной системы фармацевтического сектора принципиально отличается от осуществлявшихся в прошлом проектов аналогичной направленности. Прежде всего в рамках проекта акцент сделан не на правовые и нормативно-методические документы, а на институциональные и процедурные аспекты, т.е. на структуру и функции регуляторных органов. Наряду с этим проект может оказать существенное влияние на мировые фармацевтические рынки.

* Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда, № 23-75-30012 «Снижение рисков полифармакотерапии с использованием искусственного интеллекта и анализа Больших данных о лекарственных препаратах и их взаимодействиях» (URL: <https://rscf.ru/project/23-75-30012/>).

Ключевые слова: лекарственные средства, ВОЗ, уровни зрелости регуляторных систем, оценка системы качества регуляторного органа, надлежащие практики для регуляторных органов, регуляторное доверие.

JEL: I15, I18, F55, L65, O20

Введение

Фармацевтический сектор государства находится на стыке социальной сферы и экономической политики. Лекарственное обеспечение населения, составляя важную часть системы медицинской помощи, затрагивает повседневные нужды практически всех граждан и потому играет важную социальную роль. Не случайно в переводе с английского языка *medicine* означает «медицина» и «лекарство». По оценкам, до 90% случаев обращения к врачу заканчиваются назначением лекарственных препаратов.

Государственное регулирование обращения лекарственных средств призвано прежде всего компенсировать малую эффективность рыночных механизмов (*market failure*) в фармацевтической отрасли. Речь идет об исправлении дисбаланса информации, имеющейся у сторон купли-продажи (у производителя/поставщика и у потребителя/плательщика) в отношении качества, эффективности и безопасности продукции на всем пути движения продукта от производителя до конечного потребителя. Поскольку потребитель или врач, назначающий рецептурный препарат, не в состоянии самостоятельно оценить качество и безопасность продукта, *государство обязано обеспечить защиту потребителей* от недобросовестных участников фармацевтического рынка, а также от последствий их ошибок в части оборота продукции. Учитывается также ограниченная ценовая эластичность лекарственных средств как товара: при повышении цен спрос снижается незначительно.

К важнейшим функциям регуляторного органа в сфере обращения лекарственных средств относят:

- лицензирование (регулирование) производства, импорта, экспорта, дистрибуции, отпуска, рекламы и продвижения на рынке лекарственных препаратов;
- оценку эффективности, безопасности и качества лекарственных средств и их государственную регистрацию (т.е. разрешение выпуска на рынок);
- инспектирование и надзор за производителями, импортерами, дистрибьюторами и аптечными организациями;
- контроль и мониторинг качества лекарственных средств, находящихся на рынке;
- мониторинг безопасности зарегистрированных лекарственных препаратов, включая сбор и анализ данных о нежелательных лекарственных реакциях (фармаконадзор);
- представление независимой информации о лекарственных препаратах профессиональному сообществу и гражданам [1; 2].

Качество государственного регулирования фармацевтического сектора является одним из критических факторов всей национальной системы здравоохранения. На глобальном уровне оно непосредственно связано с целями устойчивого развития № 1, 3, 8, 9 и 11, определенными ООН¹.

В 2014 г. 67 Всемирная ассамблея здравоохранения (высший руководящий орган Всемирной организации здравоохранения) отметила в своей резолюции *WHA67.20*², что эффективно функционирующие регуляторные органы в сфере обращения лекарственных средств являются необходимыми разделами систем охраны общественного здоровья и что недостатки регулирования лекарственного рынка ограничивают доступность для населения эффективных, безопасных и качественных лекарственных препаратов. Ассамблея призвала Секретариат ВОЗ применять инструменты оценки для сбора и анализа состояния национальных регуляторных систем в сфере обращения лекарственных средств, содействовать разработке и внедрению институциональных планов развития для органов здравоохранения и правительств государств-членов.

В соответствии с вышеуказанной резолюцией Всемирной ассамблеи здравоохранения с 2014 г. ВОЗ осуществляет комплексный проект по развитию (укреплению) и совершенствованию региональных и национальных регуляторных систем. Основные задачи проекта — укрепление национальных регуляторных систем, работающих в соответствии с надлежащими регуляторными практиками, и развитие сотрудничества между регуляторными органами (системами) посредством формирования сотрудничающей сети организаций, совместной работы и регуляторного доверия [3].

Следует уточнить, что в документах ВОЗ термин «регуляторная система» соответствует определению, предложенному Всемирным банком, — «совокупность учреждений, процессов и рамочной основы регулирования, с помощью которой государство контролирует специфические аспекты той или иной деятельности» [4; 5]. В материалах проекта понятие «регуляторный орган», охватывающее, как правило, нескольких организаций или структур, *представлено как часть более широкого понятия «регуляторная система»*. По этой причине обсуждается функционирование как регуляторных систем в целом, так и отдельных структур (регуляторного агентства, национальных испытательных лабораторий и центра фармаконадзора, Национального этического комитета и др.).

Понятие «регуляторная система», помимо административных и иных структур, включает также нормативную правовую базу (законодательство, подзаконные акты, технические нормы и стандарты фармацевтического сектора), четко описанные регуляторные функции, системы качества регуляторных организаций (принципы управления проектами, системный подход, кодексы этических правил поведения

¹ The 17 Goals. Sustainable Development // United Nations. URL: <https://sdgs.un.org/goals>

² World Health Assembly Resolution 67.20 on Regulatory System Strengthening for Medical Products. 2014. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA67/A67_R20-en.pdf

сотрудников, надлежащую регуляторную практику и др.), а также ресурсы (кадровые, финансовые, инфраструктурные, ИТ-системы и др.).

Вопросами регуляторного качества ВОЗ занимается достаточно давно. Первые рекомендации по критериям оценки регуляторных органов появились в 1980-е гг. прошлого века [6]. Первоначально они были адресованы странам с ограниченными ресурсами. В 1994 г. Всемирная ассамблея здравоохранения признала *универсальную значимость принципов*, отраженных в этом документе. Иными словами, они могут рассматриваться как применимые в любых национальных условиях. В 1997 г. в рамках программы биологической стандартизации ВОЗ начала практику оценки учреждений государств-членов по контролю вакцин.

В дальнейшем это направление деятельности ВОЗ было продолжено в форме публикаций, отражающих общие подходы и принципы мировой практики в части организации и функционирования отраслевых контрольно-разрешительных агентств. Важное место в них занимают положения, направленные на ограничение коррупции: требования прозрачности нормативных документов и регуляторных процедур, меры по предотвращению конфликта интересов, подотчетность регуляторных органов правительству, парламенту и общественности и др. Следует также отметить тезис о необходимости особого подхода к данной сфере деятельности в связи со специфическим характером фармацевтической продукции. Выпускались также рекомендации в части обеспечения регуляторных функций необходимыми ресурсами.

Цель статьи — рассмотреть основные параметры данного проекта и сделать прогнозы о его влиянии на международный фармацевтический рынок.

Основные компоненты проекта

В материалах проекта можно выделить следующие основные компоненты.

Первый. Формирование перечня регуляторных органов ВОЗ (*WHO Listed Authority, WLA*³), цели и принципы составления которого описаны в политическом документе с изложением общих подходов, принципов и преимуществ оценки и сопоставления уровня зрелости регуляторных систем фармацевтического сектора [7; 8].

Второй. Процедура оценки зрелости регуляторных систем с использованием набора индикаторов системы в целом и основных регуляторных функций — глобальный инструмент бенчмаркинга (*Global Benchmarking Tool — GBT*) [9; 10].

Третий. Формирование сети ВОЗ для разработки и продвижения стандартных, стратегических и скоординированных подходов по укреплению национальных и региональных регуляторных систем (*Coalition of Interested Parties, CIP*) [11].

³ Определение WLA см. в подразделе статьи «Перечень WLA».

Четвертый. Техническая поддержка регуляторных органов в виде обучающих мероприятий, консультаций на основе *GBT* и глобальной рамки компетенций для специалистов регуляторных органов в сфере обращения лекарственных средств (*Global Competency Framework for Regulators of Medicines, GCF*) [12].

Также можно выделить вспомогательным компонентом программы разработку руководств ВОЗ, содержащих современные требования и рекомендации по функционированию регуляторных систем. Эти руководства, с одной стороны, поддерживают проект, с другой — могут рассматриваться, учитываться и использоваться самостоятельно, вне связи с проектом:

- Правила надлежащей регуляторной практики (далее — *GRP*) [4];
- Правила надлежащей практики рассмотрения регистрационных досье (далее — *GRevP*) [13];
- Надлежащая практика регуляторного доверия при регулировании лекарственных средств: принципы и основные положения (далее — *GreIP*) [14];
- Руководства по внедрению систем управления качеством в национальных регуляторных органах [15; 16].

Важнейшие этапы проекта

Для построения или совершенствования в каждой стране интегрированной стабильно функционирующей регуляторной системы ВОЗ определил 5 основных этапов проекта:

1. Разработка глобального (т.е. единого) инструмента бенчмаркинга (*Global benchmarking tool, GBT*).
2. Бенчмаркинг национальных регуляторных систем.
3. Разработка регуляторными органами планов институционального развития (предоставление ВОЗ финансовой поддержки в случае стран с низким доходом).
4. Предоставление ВОЗ технической поддержки, организация сетевого обучения/тренингов.
5. Мониторинг прогресса и эффективности деятельности регуляторного органа и в целом ситуации с доступностью для населения стран безопасных, эффективных и качественных лекарственных препаратов, крови и ее компонентов и медицинских изделий [17].

По результатам этих этапов также формируется и актуализируется Перечень *WLA*.

По оценкам ВОЗ, на момент начала реализации проекта более чем в 140 государствах-членах из 194 не были созданы полностью функциональные отраслевые регуляторные системы: «...В 2018 г. только 30% регуляторных органов были в состоянии эффективно контролировать медицинскую продукцию на своих рынках» [18].

Одним из первых документов проекта стала разработка в 2013 г. инструмента глобального бенчмаркинга на основе ранее разработанных параметров и индикаторов в программах ВОЗ по лекарственным препаратам и вакцинам, и в т.ч. в программах ВОЗ для крови и ее компонентов, набора показателей Панамериканской организации здравоохранения и других международных организаций. Первый проект *GBT* был разработан в 2015 г., рассматривался на нескольких международных совещаниях, прошел пилотное тестирование и был доработан. За период с 2016 по 2018 г. 23 страны прошли формализованную (официальную) процедуру бенчмаркинга ВОЗ, и 41 страна провела самообследование (самостоятельный бенчмаркинг).

В сентябре 2018 г. была опубликована VI версия (текущая) документа, которую использовали для бенчмаркинга регуляторных систем с 2019 г. [19, с. 19–20]. Параллельно *разрабатывалась общая концепция проекта*, уточнялись его цели и основные подходы к реализации, проекты документов были опубликованы в мае 2019 г. В них учитывались требования, предъявляемые мировым сообществом к работе национальных и многосторонних систем нормативного контроля фармацевтического сектора. Был также очерчен предлагаемый порядок независимой оценки соблюдения этих требований. В конце 2023 г. по существу пилотный этап проекта завершился, и он перешел в операционную фазу.

За 10 лет реализации проекта суммарный объем относящихся к проекту материалов ВОЗ приближается к 1 000 стр. английского текста. В совокупности *они не имеют аналогов в материалах других международных организаций* или каких-либо национальных структур.

Следует отметить, что рассматриваемый проект обладает синергией с другими двумя масштабными проектами ВОЗ: проектом по предварительной оценке лекарственных препаратов⁴ и проектом по развитию локального фармацевтического производства и трансферу технологий⁵.

Оценка эффективности регуляторных систем

Процедура бенчмаркинга, применяемая ВОЗ, включает три этапа: предварительная оценка, самооценка и формализованная оценка экспертами ВОЗ. Процедура длительностью от 2 до 5 лет представляет собой экспертную оценку силами привлекаемых ВОЗ независимых экспертов деятельности регуляторного органа с использованием набора показателей и последующего определения зрелости национальной регуляторной системы [10; 20].

⁴ Regulation and Prequalification. Facilitated Product Introduction // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/teams/regulation-prequalification/regulation-and-safety/facilitated-product-introduction>

⁵ Regulation and Prequalification // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/teams/regulation-prequalification/lpa>

Для определения уровней зрелости регуляторных систем была использована концепция зрелости систем, описанная в стандарте ИСО 9004 (см. рис. 1).

Общий уровень рассчитывается на основании наименьшего уровня зрелости по каждой регуляторной функции, учтенной в *ГБТ*. Например, если по всем функциям регуляторная система была оценена на уровне зрелости 3 и только по одной функции — на уровне 2, то общий уровень зрелости регуляторной системы будет на уровне 2. При этом *ГБТ* достаточно гибкая и позволяет учитывать особенности национальных регуляторных систем [17].

Уровни зрелости	1	2	3	4
ИСО 9004	Формализованный подход отсутствует	Реактивный подход	Устойчивый формализованный системный подход	Постоянно совершенствующая система
ГБТ ВОЗ	Имеются отдельные элементы регуляторной системы	Развивающаяся национальная регуляторная система, которая частично выполняет критические регуляторные функции	Устойчивая, надежно функционирующая и интегрированная регуляторная система	Регуляторная система, функционирующая на продвинутом уровне и постоянно совершенствующаяся
	Могут рассматриваться в качестве рабочих, если опираются на другие регуляторные органы в части выполнения отдельных функций		Целевой уровень, согласно резолюции ВА3 67.20	Передовые регуляторные системы с хорошей ресурсной базой

Рис. 1. Уровни зрелости регуляторных систем

Источник: [9].

ГБТ имеет четырехуровневую структуру: 9 основных разделов — национальная регуляторная система в целом и восемь основных регуляторных функций — государственная регистрация; фармаконадзор; государственный контроль и надзор за обращением лекарственных средств; лицензирование организаций, участвующих в обращении лекарственных средств; регуляторные инспекции; лабораторные испытания; контроль за клиническими исследованиями и выпуск в обращение серий вакцин (см. рис. 2). В каждом разделе указаны базовые индикаторы, которые в свою очередь уточняются с помощью показателей второго уровня (субиндикаторов), и для каждого показателя определен уровень зрелости регуляторной системы и ожидаемые фактические данные, подтверждающие достижение показателя.

В целом механизм оценки включает порядка 268 индивидуальных показателей. Например, первый раздел, касающийся регулятор-

ной системы в целом, содержит 10 базовых индикаторов по темам: правовая основа регулирования оборота лекарственных средств; эффективная организация и управление; стратегический план; лидерская роль руководящих работников; кризисный план; система качества; кадры; финансы; оборудование рабочих мест и другие условия труда; прозрачность, ответственность, коммуникации; мониторинг эффективности.

Рис. 2. Пример оценки гипотетического национального органа с использованием GBT

Источник: [21, с. 86].

Каждый из этих индикаторов, в свою очередь, раскрывается с помощью нескольких субиндикаторов, от двух (раздел «Мониторинг эффективности») до четырнадцати (раздел «Система качества») показателей второго уровня (в среднем порядка 4–5). Первая тема, например, включает такие подтемы, как нормативная база установления организационной структуры регуляторных органов, обеспечение транспарентности (прозрачности) их функционирования, наличие возможности для рассмотрения жалоб и подачи апелляций, порядок изъятия и уничтожения недоброкачественной и фальсифицированной продукции и др. В целом по первой теме насчитывается 60 субиндикаторов.

Такая же двухуровневая схема индикаторов используется в отношении отдельных регуляторных функций. При этом частично повторяется тематика первого раздела. Так, в разделе «Регистрация препаратов» выделено 6 тем, в т.ч. касающихся правовой основы исполнения данной

функции, организации и управления, кадров, обеспечения прозрачности и мониторинга эффективности. Однако основное место в этом разделе занимает тема, отражающая институциональные и процедурные аспекты функции (10 индикаторов).

Здесь можно выделить такие показатели, как наличие поэтапного описания процедуры регистрации с перечислением всех участвующих в ней организационных структур, с указанием их роли, ответственности и порядка взаимодействия друг с другом. Включены показатели, касающиеся возможности применения особых условий регистрации, соблюдения правил надлежащей практики экспертных оценок, учета или признания оценок/решений зарубежных организаций и целого спектра других деталей регистрационной системы.

Существенное место в рассматриваемой системе показателей занимают требования, касающиеся внедрения систем качества в работу регуляторных органов. Речь идет о наличии у регуляторов политики и целей качества, о лидерской роли руководства учреждений во внедрении систем качества, о процессном подходе, в рамках которого по каждому процессу определяются полномочия, ответственность, этапы, входы и выходы. В этой же связи следует отметить внутренние и внешние аудиты, оценку степени удовлетворенности заинтересованных сторон, меры постоянного совершенствования работы и т.п. Требования этого подраздела подкреплены ссылками на международный стандарт ИСО 9001 и соответствующие руководства ВОЗ.

По каждому индикатору указан уровень зрелости регуляторной системы, для отнесения к которому его соблюдение обязательно. Указание первого уровня означает, что соответствие требованиям индикатора обязательно для всех оцениваемых систем. Более продвинутые системы должны отвечать требованиям индикаторов своего и более низких уровней.

В целях придания гибкости процедуре оценок предусмотрены четыре варианта оценки степени соблюдения требований, отраженных в индикаторах. Помимо однозначного заключения — «внедрено»/«не внедрено» допускается отражение промежуточного состояния — «в процессе внедрения» (например, приняты меры по внедрению данного требования) и «частично внедрено» (например, имеется проект соответствующего нормативного акта или он был принят недавно).

Результаты оценки зрелости регуляторных систем, прошедших процедуру бенчмаркинга и получивших уровень зрелости 3 и 4, публикуются на сайте ВОЗ [22] (см. табл. 1).

По данным ВОЗ, проект уже оказывает влияние на повышение эффективности деятельности национальных регуляторных систем (см. рис. 3).

Т а б л и ц а 1

**Перечень 16 национальных регуляторных органов, функционирующих
на уровнях зрелости 3 и 4 по состоянию на май 2024 г.^{*)}**
(в алфавитном порядке англоязычного документа)

Страна	Регуляторный орган	Уровень зрелости (УЗ)	Категория продукции	Год публикации об оценке
1	2	3	4	5
Китай	Национальная администрация по медицинским продуктам	3	Вакцины (производство)	2022
Египет	Организация по пищевым продуктам и лекарственным средствам	3	Вакцины (производство)	2022
Гана	Организация по пищевым продуктам и лекарственным средствам	3	1. Лекарственные препараты. 2. Вакцины (нет производства)	2020
Индия	Центральная организация по стандартам и контролю	3	Вакцины (производство)	2017
Индонезия	Национальное агентство по контролю лекарственных средств и пищевых продуктов	3	Вакцины (производство)	2019
Нигерия	Национальное агентство по обращению и контролю пищевых продуктов и лекарственных средств	3	1. Лекарственные препараты. 2. Вакцины (нет производства)	2022
Республика Корея	Министерство безопасности пищевых продуктов и лекарственных средств	4	1. Лекарственные препараты. 2. Вакцины (производство)	2022
Саудовская Аравия	Саудовская организация по пищевым продуктам и лекарственным средствам	4	1. Лекарственные препараты. 2. Вакцины (производство)	2023
Сербия	Агентство по лекарственным средствам и медицинской технике	3	Вакцины (производство)	2019
Сингапур	Организация по медицинским наукам	4	1. Лекарственные препараты. 2. Вакцины (нет производства)	2022

Источник: [22].

^{*)} В отношении регулирования вакцин в перечне делается различие между странами-производителями вакцин и странами, контролирующими на своей территории только обращение этого вида фармпродукции.

О к о н ч а н и е т а б л . 1

1	2	3	4	5
Южная Африка	Регуляторное агентство по продуктам медицинского назначения Южной Африки	3	Вакцины (производство)	2022
Таиланд	Агентство по пищевым и лекарственным продуктам	3	Вакцины (производство)	2021
Турция	Турецкое агентство по лекарственным средствам и медицинской технике	3	1. Лекарственные препараты. 2. Вакцины (производство)	2023
Танзания	Танзанийское агентство по лекарственным средствам и медицинской технике	3	1. Лекарственные препараты. 2. Вакцины (нет производства)	2018
Вьетнам	Администрация по лекарственным средствам Вьетнама; Администрация по науке, технологии и подготовке кадров; Национальный институт по контролю вакцин и биологических препаратов; Центральный департамент профилактической медицины	3	Вакцины (производство)	2020
Зимбабве	Орган по контролю лекарственных средств Зимбабве	3	1. Лекарственные препараты. 2. Вакцины (нет производства)	2024

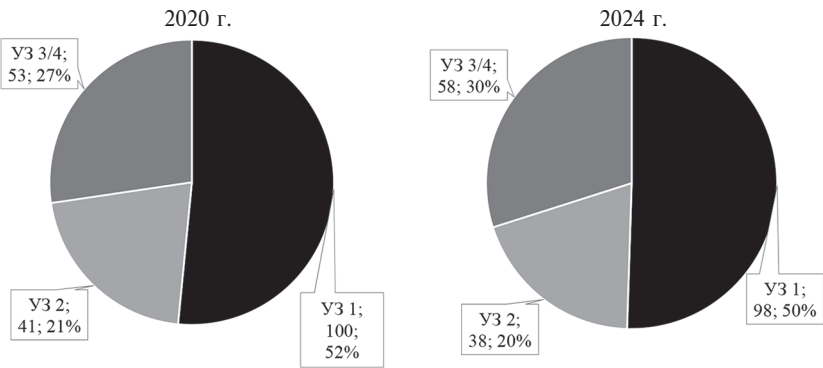

Рис. 3. Количество и процентное соотношение стран с соответствующими уровнями зрелости национальных регуляторных систем в 2020 и 2024 гг., по данным ВОЗ

Источник: [23; 24].

Перечень *WLA*

По мнению ВОЗ, перечень *WLA* обеспечит прозрачный и основанный на доказательствах путь для глобального признания регуляторных органов, которые соответствуют требованиям ВОЗ и применяют и международно признанные стандарты, и руководства ВОЗ и других организаций, соблюдают надлежащую регуляторную практику. Он предназначен для использования вместо концепции регуляторных органов с высокими требованиями (*stringent regulatory authorities SRA*) [25].

Концепция *SRA* появилась в начале нулевых годов в практике закупки лекарственных средств для нужд международных медицинских программ, реализуемых Глобальным фондом борьбы с туберкулезом, малярией и СПИД, ЮНИСЕФ⁶, Международным Красным Крестом, благотворительными, религиозными (Всемирный совет церквей) и другими организациями. С 2008 г. соответствующий термин начал использоваться в документах Глобального фонда, а затем и в документах ВОЗ [26, с. 34–35].

Критерием для отнесения регуляторных органов к *SRA* стало участие в Международной конференции по гармонизации (*ICH*), что подразумевало априори наличие у регуляторного органа достаточных финансовых и человеческих ресурсов, инфраструктуры, четких и прозрачных процедур. Такое ограничение вело к непониманию и критике, т.к. при этом не учитывалась эффективность национального регуляторного органа.

На момент разработки Перечня *WLA* к *SRA* были отнесены:

- члены *ICH* до 23 октября 2015 г. (регуляторы стран – участниц Евросоюза, Еврокомиссия, *FDA* США, Минздрав Японии, представленный Агентством по фармацевтическим препаратам и медицинским приборам);
- наблюдатели в *ICH* (Агентство по лекарственным средствам Швейцарии, Минздрав Канады);
- регуляторные органы, имеющие соглашения с членами *ICH* о взаимном признании результатов оценки (уполномоченные агентства Австралии, Исландии, Лихтенштейна и Норвегии) [26, с. 34–35].

Переход от использования концепции *SRA* к Перечню *WLA* начался с сентября 2019 г., и на время составления Перечня *WLA* был создан временный перечень *WLA* (теперь называется переходный), в котором, наряду с регуляторными органами *SRA*, были указаны и другие, информация о деятельности которых была получена из других программ ВОЗ (см. табл. 2).

Определение *WLA* было официально сформулировано в 2021 г. и приведено в *WHO TRS* 1033 (с. 41): «Регуляторный орган, включенный в список ВОЗ, является регуляторным органом или региональной системой регулирования, которая была задокументирована как соответствующая всем соответствующим показателям и требованиям, указанным ВОЗ для запрашиваемой области листинга на основе установленного процесса сравнительного анализа и оценки эффективности» [27].

⁶ Детский фонд ООН.

Для включения в Перечень *WLA* была разработана отдельная процедура оценки. Для рассмотрения принимаются национальные регуляторные органы с уровнем зрелости 3 и 4, а также регуляторные органы, включенные в переходной перечень *WLA*, который составлен на основании информации об уровне зрелости системы, полученной из разных источников и не прошедшей процедуру оценки *WLA*. Для заявления на включение в Перечень *WLA* регуляторный орган указывает регуляторные функции, по которым планирует быть включенным, и регулируемую продукцию (оригинальные и воспроизведенные лекарственные препараты биотерапевтические препараты и биоаналоги, вакцины) [7; 8]. Статус регуляторного органа, включенного в Перечень *WLA*, планирует пересматривать каждые 5 лет.

По состоянию на 13 мая 2024 г. в Перечень *WLA*⁷ включены: региональная регуляторная система Европейского союза и 33 национальных регуляторных органа: регуляторные органы стран ЕС; уполномоченные агентства Австралии, Исландии, Лихтенштейна и Норвегии; *FDA* США; Агентство по лекарственным средствам Швейцарии; 2 регуляторных агентства, ранее к *SRA* не относившиеся – Агентство по медицинской науке Сингапура и Министерство по пищевым продуктам и безопасности лекарственных средств Республики Кореи.

Также ВОЗ публикует переходный (временный) перечень *WLA*, в котором по состоянию на май 2024 г. имеется 22 регуляторных органа.

Т а б л и ц а 2

Переходный перечень *WLA*

Страна (сокращенное обозначение регуляторного органа в англоязычных документах)	Источник оценки (по временному Перечню <i>WLA</i> на 31 марта 2022 г.) ^{*)}	Категория продукции
1	2	3
1. Аргентина (ANMAT)	D	Лекарственные препараты, вакцины
2. Австралия (TGA)	B, C, E	Лекарственные препараты, вакцины

Источник: [28].

^{*)} А – УЗ 3/4 (ЛС/вакцины);
В – *SRA* (ЛС);
С – высокоэффективные регуляторные органы (вакцины) (согласно WHO Technical Report Series 978 Annex 6. В нем был указано, что преквалификация производителей возможна, если оценена эффективность регуляторного органа);
D – регуляторные органы из программы оценки AMRO/РАНО (Региональное Бюро для стран Америки ВОЗ / Панамериканская организация здравоохранения ООН);
Е – регуляторные органы, прошедшие оценку ВОЗ до 2016 г.

⁷ List of WHO-Listed Authorities (WLA) (in Alphabetical Order) as of May 2024. URL: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/medicines/regulatory-systems/wla/list_of_wla_may24.pdf?sfvrsn=1f6c2140_37&download=true

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3
3. Бразилия (ANVISA)	D, E	Лекарственные препараты, вакцины
4. Канада (Health Canada)	B, C, D, E	Лекарственные препараты, вакцины
5. Чили (ISP)	D	Лекарственные препараты
6. Китай (NMPA)	E	Вакцины
7. Колумбия (INVIMA)	D	Лекарственные препараты
8. Куба (CECMED)	D, E	Лекарственные препараты, вакцины
9. Египет (EDA)	A (УЗ 3)	Вакцины
10. Гана (FDA)	A (УЗ 3)	Лекарственные препараты
11. Индия (CDESCO)	A (УЗ 3)	Вакцины
12. Индонезия (BADAN POM)	A (УЗ 3)	Вакцины
13. Исламская республика Иран (IFDA)	E	Вакцины
14. Япония (PMDA)	B, E	Лекарственные препараты, вакцины
15. Мексика (COFEPRIS)	D, E	Лекарственные препараты, вакцины
16. Нигерия (NAFDAC)	A (УЗ 3)	Лекарственные препараты
17. Российская Федерация (Ministry of Health)	E	Вакцины
18. Сербия (ALIMS)	A (УЗ 3)	Вакцины
19. Таиланд (Thai-FDA)	A (УЗ 3)	Вакцины
20. Великобритания (MHRA)	B, C, E	Лекарственные препараты, вакцины
21. Танзания (TMDA)	A (УЗ 3)	Лекарственные препараты
22. Вьетнам (DAV)	A (УЗ 3)	Вакцины

Регуляторное доверие

Под «регуляторным доверием» (*regulatory reliance*) ВОЗ подразумевает «действие регуляторного органа по учету и присвоению существенного значения оценкам, сделанным другим регуляторным органом или вызывающей доверие структуры, или другой регуляторной информации

при принятии собственных решений. Регуляторный орган, применяющий регуляторное доверие, сохраняет свою независимость, обязанности и ответственность за принимаемые решения в случае учета чужих решений, оценок и информации» [14].

Следует подчеркнуть, что регуляторное доверие используется любыми регуляторными органами *независимо от уровня зрелости регуляторных систем и наличия всех необходимых ресурсов*. По сути, регуляторное доверие и сотрудничество — это реакция регуляторов на глобализацию фармацевтического рынка, увеличивающуюся сложность логистических цепей, ускорение НТР и высокий риск чрезвычайных ситуаций. Это востребованный способ обеспечить надлежащее качество регуляторных решений, «критический для эффективности регуляторного органа и использования ресурсов в XXI в.»⁸ [29].

Формы и способы применения регуляторного доверия зависят от потребностей национального регуляторного органа, например:

- совместные регуляторные действия (экспертизы, инспекции, разработка научных или технических руководств и др.);
- сокращенные регуляторные процедуры (частичное или полностью учитываемое решение другого регуляторного органа путем подтверждения тождественности рассматриваемого лекарственного препарата);
- механизмы регионального регуляторного доверия (страны ЕС, страны *ZAMBONA*⁹, *регуляторная система стран Карибского региона*);
- одностороннее или взаимное признание (признание решения другого национального регуляторного органа или вызывающей доверие структуры, например ВОЗ) (см. рис. 4).

Признание регуляторных решений может осуществляться на взаимной основе в соответствии с межправительственными договорами или менее формальными соглашениями (меморандумами о взаимопонимании, *Memorandums of Understanding — MoU*). Например, по состоянию на 2022 г. между странами Латинской Америки заключено 11 *MoU* и 8 соглашений о сотрудничестве [30; 31].

Сокращенные регуляторные процедуры используются и регуляторным органом Филиппин (учитываются решения 14 национальных регуляторных органов) и Австралии (учитываются решения 7 национальных регуляторных органов)¹⁰.

⁸ International Pharmaceutical Regulators Programme. URL: https://admin.iprp.global/sites/default/files/2023-06/IPRP_RelianceQ%26As_2023_0613.pdf; M. Harvey, EMA. Workshop CIRSCI July 2022. URL: https://cirsci.org/wp-content/uploads/dlm_uploads/2023/06/Collaborative-models-for-regionalisation-work-and-information-sharing_FINAL-Report-30-Nov.pdf

⁹ Объединение Замбии, Зимбабве, Ботсваны и Намибии, участвующее в совместной экспертизе лекарственных средств.

¹⁰ CIRS R&D Briefing 91. URL: https://cirsci.org/wp-content/uploads/dlm_uploads/2024/02/Approaches-to-Implementing-Regulatory-Reliance-Considerations-for-Agencies-v2.0-1.pdf

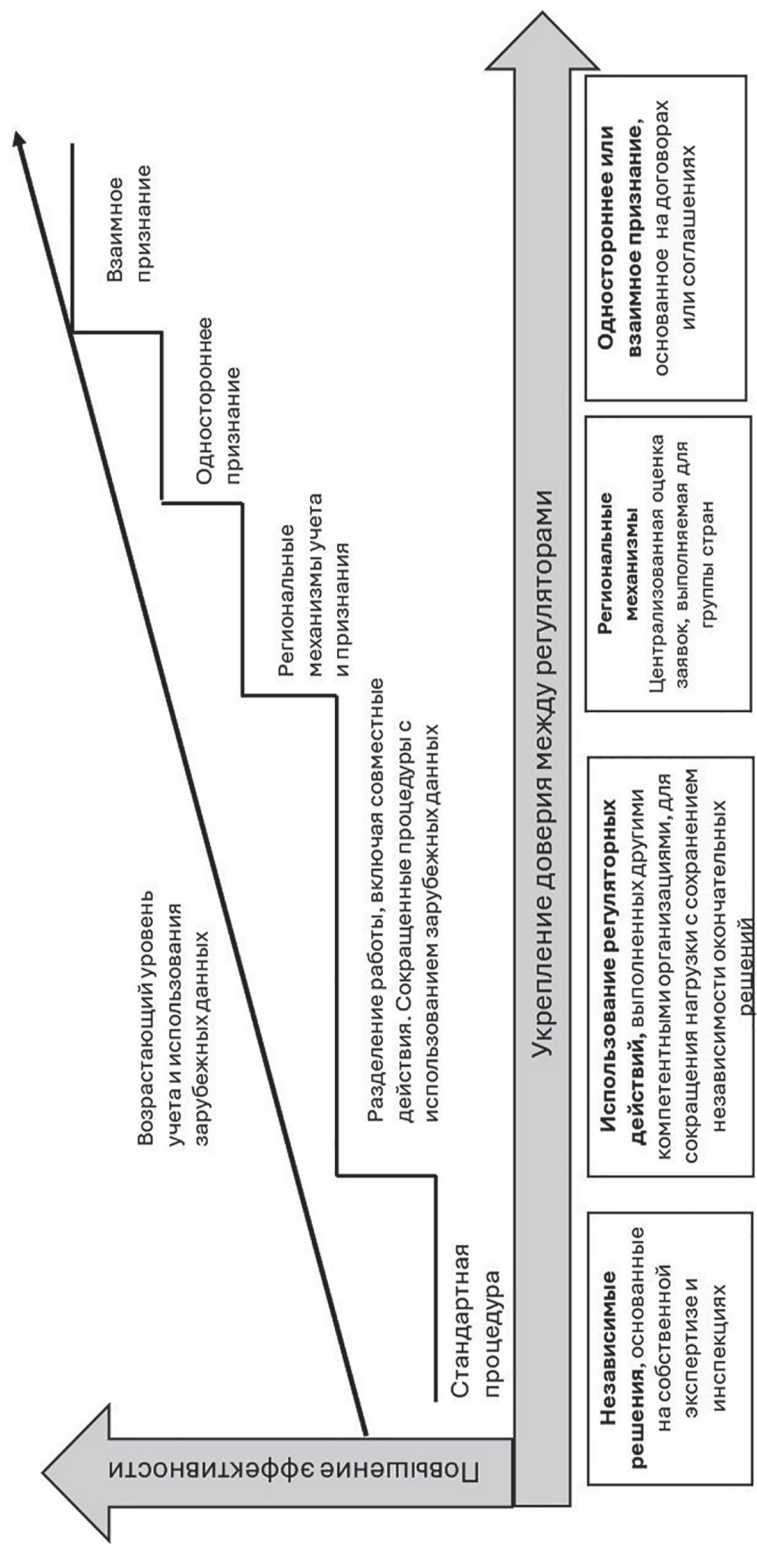

Рис. 4. Ключевые элементы учета и использования зарубежных данных

Источник: [14].

Вместе с тем *получила широкое распространение практика одностороннего признания*, не требующая оформления документов международного уровня. В таких случаях правовым основанием применения данного подхода являются положения внутреннего законодательства. Следует подчеркнуть, что во всех случаях признающая сторона сохраняет свой суверенитет, поскольку она принимает независимое окончательное решение о признании и несет за это ответственность.

Регуляторное доверие может применяться для регуляторных решений на любой стадии жизненного цикла лекарственного средств. В приложении 1 к *GreIP* приводится достаточно большое количество примеров его использования [14]. Отмечается, что принцип учета и признания регуляторных оценок и решений, сделанных/принятых в иных юрисдикциях, реализуется в различных условиях. В одних случаях это связано с нехваткой у принимающей стороны специализированных знаний и навыков, лабораторного оборудования или финансовых средств. Наряду с этим в ситуации достаточных ресурсов с его помощью достигается сокращение сроков решения приоритетных задач, например, регистрации новых препаратов. Ожидается, что регуляторное доверие будет интегрировано в деятельность всех регуляторных органов [14].

Рассматриваемый проект тесно связан с применением регуляторного доверия национальными органами и системами. Принцип опоры и признания основан на доверии к соответствующим уполномоченным органам или иным структурам. Доверие, в свою очередь, зависит от прозрачности регуляторных механизмов и доступности информации о методах их работы, которые могут быть обеспечены путем применения руководств и стандартов ВОЗ при построении эффективной (зрелой) регуляторной системы.

Достаточно много авторов считают, что регуляторное доверие — *критический инструмент регуляторного органа* в случае чрезвычайных ситуаций, что было подтверждено во время пандемии *COVID* [32–34].

Одним из наиболее масштабных примеров применения регуляторного доверия является проект ВОЗ по предварительной оценке лекарственных препаратов против СПИДа, малярии и туберкулеза — заболеваний, признанных приоритетными в документах ООН, действующих с 2001 г., с инспектированием фармацевтических производителей, дистрибьюторов, испытательных лабораторий, контрактных организаций, участвующих в изучении препаратов, и документации типа регистрационных досье на лекарственные препараты. Материалы проекта используются в процедурах отбора и закупки с мирового рынка медикаментов для международных программ в сфере здравоохранения, в процедурах регуляторного доверия [35]. В рамках проекта ВОЗ также применяет регуляторное доверие, используя сокращенную процедуру, если продукт был одобрен *SRA/WAL*. Результатами оценок ВОЗ делится с регуляторными органами, участвующими в процедуре совместной регистрации. В 2022 г. в процедуре участвовало 52 регуляторных органа, всего с момента начала процедуры было зарегистрировано более 700 про-

дуктов со средней продолжительностью процедуры — 90 дней¹¹. Проект признан крайне успешным и в программе работы ВОЗ было определено его дальнейшее развитие и расширение [18].

Появились статьи, в которых делаются попытки оценить влияние регуляторного доверия на различные временные показатели деятельности регуляторных органов, и другие [36–38], например, соблюдение установленных сроков регуляторных процедур; расширенный доступ к экспертным оценкам, ранее в регуляторном органе отсутствовавший или ограниченный; сокращение средних сроков (медиана, в днях) доступа лекарственного препарата на рынок; снижение показателей заболеваемости и смертности, обусловленных улучшением доступа к лекарственным препаратам; повышение гармонизации технических регуляторных требований.

Отмечается, что индикаторы, с помощью которых можно было бы оценить напрямую эффективность применения регуляторного доверия, *пока еще не найдены* [38].

Ожидаемые эффекты и перспективы

Рассматриваемый проект по укреплению и совершенствованию национальных и региональных регуляторных систем по своему масштабу и подходам принципиально отличается от всех предыдущих проектов подобного плана. Бенчмаркинг в качестве инструмента оценки регуляторных систем в сфере обращения лекарственных средств используется не только ВОЗ, но и Организацией по экономическому развитию и сотрудничеству (*OECD*), сетью агентств по медицинским и ветеринарным лекарственным средствам ЕС (*HMA*), Счетной палатой США (*GAO*) и Центром инноваций в регуляторной науке (*CIRS*) [39]. Существенной его особенностью является потенциальное воздействие на глобальный фармацевтический рынок (*game-changer*) благодаря его комплексности и синергии с другими проектами ВОЗ в этой области. При этом, в соответствии с резолюцией ВОЗ, акцент сделан не на соблюдение международных отраслевых нормативов, относящихся к продукции или к операторам рынка, а на ожидания, обращенные к самим регуляторным системам в части правовых, институциональных и процедурных аспектов их функционирования (институциональные планы развития).

Следует уточнить, что инициатор проекта — ВОЗ не является экономической организацией. Соответственно, основная отдача от его реализации ожидается в сфере охраны общественного здоровья. Тем не менее в материалах проекта содержатся указания *на наличие в нем экономического аспекта*. Речь идет прежде всего об укреплении экспортного потенциала фармацевтической промышленности государства или объ-

¹¹ Azatyan S. Risk-Based Approaches to the Review and Registration of Medicines — What Should a Future Regulatory Toolkit Look Like? URL: https://cirsci.org/wp-content/uploads/dlm_uploads/2023/06/Collaborative-models-for-regionalisation-work-and-information-sharing_FINAL-Report-30-Nov.pdf

единения стран в результате положительной оценки со стороны ВОЗ соответствующей регуляторной системы. В наибольшей степени это касается стран с низким и средним уровнем доходов, поскольку индустриально развитые страны уже добились значительных успехов в сфере экспорта медикаментов [40].

На уровне отдельных стран можно ожидать положительного влияния проекта в форме укрепления национальных регуляторных систем ряда стран с последующим повышением культуры качества местной фармацевтической отрасли и развития фармацевтического рынка. Это, в свою очередь, может привести к росту доверия медицинского сообщества и населения стран к препаратам собственного производства. Результатом может стать укрепление позиции этих препаратов на местных лекарственных рынках в конкуренции с импортируемыми лекарственными средствами. В целом эти факторы могут содействовать развитию местного фармацевтического производства [20; 25].

Напомним в этой связи, что негативное влияние недостаточного признания медицинскими работниками и пациентами препаратов местного производства на функционирование отечественного фармацевтического рынка отмечено в стратегии развития отрасли на период до 2030 г. (Стратегия «Фарма-2030»)¹². Этот фактор продолжает действовать, несмотря на очевидные успехи российской фармацевтической отрасли в части повышения доступности лекарственной помощи, создания и выпуска новых эффективных препаратов и вакцин, завоевания зарубежных рынков и т.п.

Ожидается, что рассматриваемый проект окажет влияние на экспорт и импорт лекарственных препаратов. Профильные международные организации — ВОЗ, ЮНИДО (Организация ООН по промышленному развитию) и др. рассматривают перспективу экспорта фармацевтической продукции как естественное развитие ее местного производства. Успешно развивающаяся фармацевтическая промышленность страны, получившей от ВОЗ положительную оценку отраслевой регуляторной системы, приобретает явные конкурентные преимущества в сфере международной торговли медикаментами, прежде всего на региональном уровне [20; 25].

В перспективе можно также ожидать некоторого изменения структуры экспорта продукции в разрезе стран на глобальном уровне. В настоящее время в ряде государств с быстро растущим фармацевтическим сектором (*pharmerging markets*) созданы значительные мощности для производства и экспорта фармсубстанций, широко используемых в мире вакцин и воспроизведенных лекарственных препаратов. К таким странам относят Бразилию, Индию, Китай, Мексику, Россию, Турцию, ЮАР и Южную Корею.

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 1495-р «О Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года».

Следует, однако, учитывать, что наиболее прибыльным сегментом фармацевтического рынка, в т.ч. в сфере экспорта, являются инновационные препараты, и государства (или региональные экономические объединения), располагающие продвинутым регуляторным механизмом, имеют ощутимые преимущества в сфере экспорта своей фармацевтической продукции. Международные фармацевтические компании, в основном работающие в этом сегменте, ожидают от проекта ускорения регуляторных процедур и улучшения их прогнозируемости [41]. С учетом этого странам, планирующим расширение своей доли экспортного пирога в фармацевтического секторе, недостаточно получения сертификата ВОЗ для национальной или, в дальнейшем региональной, регуляторной системы. Необходимо расширить или создать базу научных и трансляционных исследований по поиску, разработке, оценке и масштабированию производства инновационных лекарственных препаратов, в первую очередь для лечения/профилактики незакрытых потребностей глобальной системы здравоохранения.

Представляется, что в случае успешного развития проект *будет содействовать изменениям в перечне отраслевых регуляторных органов*, признанных референтными на международном уровне, т.е. тех, чьи оценки, решения и опыт работы заслуживают доверия, учета, использования или признания в других юрисдикциях.

Материалы проекта широко используются в странах и объединениях стран для самооценки регуляторных систем и регуляторного качества, например, в Зимбабве [42], Сьерра Леоне [43], Руанде [44], странах *ECCAS* и *ECOWAS* [45] и других [39]. Результаты самооценки и оценки ВОЗ могут стать обоснованием для инвестиций в развитие самого регуляторного органа [40].

Заключение

Общая оценка эффективности государственного регулирования проводится различными международными институтами развития, например, Всемирным банком¹³, Африканским банком развития, Азиатским банком развития и др.¹⁴, *OECD* и другими структурами. В большинстве стран также проводится оценка эффективности деятельности национальных ведомств и служб. В Российской Федерации проведение такой оценки закреплено в статье 35 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Рассмотренный в статье проект ВОЗ по развитию (укреплению) и совершенствованию региональных и национальных регуляторных систем в сфере обращения лекарственных средств *содержит глобальный инстру-*

¹³ Worldwide Governance Indicators. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators#home>

¹⁴ Mature Regulatory Agency Benchmarking. URL: <https://cirsci.org/six-agency-benchmarking/>

мент бенчмаркинга, а также процедуры его применения. Предложенные индикаторы (показатели) отражают современные требования, предъявляемые к системе в целом и к исполнению отдельных регуляторных функций, и уже широко используются национальными органами для самооценки и определения областей деятельности, требующих исправления и совершенствования.

Наряду с основными задекларированными целями проект также может изменить существующий диспаритет в международном сотрудничестве в отношении распространения передового опыта стран, регуляторные системы которых не имеют на сегодняшний день общепризнанный статус лидеров *SRA*, и облегчить признание фармацевтической отрасли других стран на международном фармацевтическом рынке, включая системы поставки продукции различными благотворительными организациями.

Учитывая, что основные страны БРИКС, а также страны целевых для нашей страны экспортных рынков принимают участие в данном проекте и модернизируют свои регуляторные системы с учетом документов ВОЗ, считаем, что Российская Федерация также должна рассмотреть в нем свое участие для обеспечения эффективного сотрудничества в сфере международного обращения лекарственных средств.

Список литературы

1. *Rägo L., Santoso B.* Drug Regulation: History, Present and Future // Drug benefits and Risks: International Textbook of Clinical Pharmacology. IOS Press. P. 65–77. URL: https://www.researchgate.net/publication/265533479_Drug_Regulation_History_Present_and_Future_1
2. *Who Effective Medicines Regulation : Ensuring Safety, Efficacy and Quality.* World Health Organization, 2003. URL: <https://www.rhsupplies.org/activities-resources/publications/who-effective-medicines-regulation-ensuring-safety-efficacy-and-quality-6557/>
3. *Мешковский А.П.* Оценка зрелости регуляторных систем фармсектора. Рекомендации ВОЗ // Специальный выпуск журнала «Новости GMP». GXP Лекарственные средства и надлежащие практики. 2019. № 1 (1). С. 26–33.
4. *Good Regulatory Practices in the Regulation of Medical Products* // WHO Technical Report Series. 2021. N 1033. Annex 11. P. 269–304.
5. *Brown A.C., Stern J., Tenenbaum B.W.* Handbook for Evaluating Infrastructure Regulatory Systems. Washington: World Bank, 2006. 397 p.
6. *Guidelines for Developing National Drug Policies.* Geneva: World Health Organization; Albany, NY: WHO Publications Center USA, 1988. 62 p.
7. *Evaluating and Publicly Designating Regulatory Authorities as WHO Listed Authorities: Policy Document.* Geneva: World Health Organization, 2021.
8. *Operational Guidance for Evaluating and Publicly Designating Regulatory Authorities as WHO-Listed Authorities.* Geneva: World Health Organization, 2023. 44 p.
9. *WHO Global Benchmarking Tool (GBT) for Evaluation of National Regulatory Systems of Medical Products, Revision VI.* Geneva: World Health Organization, 2021.
10. *WHO Global Benchmarking Tool (GBT) for Evaluation of National Regulatory System of Medical Products: Manual for Benchmarking and Formulation of Institutional Development Plans.* Geneva: World Health Organization, 2023. 84 p.

11. Terms of Reference for the “Coalition of Interested Parties”. WHO Network for Regulatory Systems Strengthening. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/terms-of-reference-for-the-coalition-of-interested-parties>
12. Global Competency Framework for Regulators of Medicines. Geneva: World Health Organization, 2023. 97 p.
13. Good Review Practices: Guidelines for National and Regional Regulatory Authorities // WHO Technical Report Series. 2015. N 992. Annex 9. P. 191–210.
14. Good Reliance Practices in the Regulation of Medical Products: High Level Principles and Considerations // Technical Report Series. 2021. N 1033. Annex 10 P. 237–267.
15. WHO Guideline on the Implementation of Quality Management Systems for National Regulatory Authorities // Technical Report Series. 2020. N 1025. Annex 13. P. 273–327.
16. Implementing Quality Management Systems In National Regulatory Authorities: Examples and Practices. Geneva: World Health Organization, 2021. 56 p.
17. *Broojerdi A.K., Sillo H., Dehaghiet R.O.A. et al.* The World Health Organization Global Benchmarking Tool an Instrument to Strengthen Medical Products Regulation and Promote Universal Health Coverage // *Frontiers in Medicine*. 2020. Vol. 7. URL: https://www.researchgate.net/publication/343739134_The_World_Health_Organization_Global_Benchmarking_Tool_an_Instrument_to_Strengthen_Medical_Products_Regulation_and_Promote_Universal_Health_Coverage
18. Delivering Quality-Assured Medical Products for All 2019-2023: WHO’s Five-Year Plan to Help Build Effective and Efficient Regulatory Systems (WHO/MVP/RHT/2019.01). Geneva: World Health Organization, 2019. 37 p.
19. WHO Medicines, Vaccines and Pharmaceuticals (MVP) 2018 Annual Report: Promoting Access to Safe, Effective, Quality and Affordable Essential Medical Products for All (WHO/MVP/EMP/2019.03). Geneva: World Health Organization; 2019. 34 p.
20. *Guzman J., O’Connell E., Kikule K., Hafner T.* The WHO Global Benchmarking Tool: a Game Changer for Strengthening National Regulatory Capacity // *BMJ Global Health*. 2020. Vol. 5. N 8. URL: https://www.researchgate.net/publication/343595031_The_WHO_Global_Benchmarking_Tool_a_game_changer_for_strengthening_national_regulatory_capacity
21. National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Stronger Food and Drug Regulatory Systems Abroad. Washington: The National Academies Press, 2020. 224 p.
22. List of National Regulatory Authorities (NRAs) Operating at Maturity Level 3 (ML3) and Maturity Level 4 (ML4) // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/list-of-nras-operating-at-ml3-and-ml4>
23. *Refaat M.* WHO Process for Maturity Evaluation of National Vigilance Systems // 20th Annual Meeting “Integrated Pharmacovigilance for Safer Patients”, 8–10 November 2021. URL: <https://isoponline.org/wp-content/uploads/2022/01/2C.2.pptx.pdf>
24. Укрепление систем регулирования ЛС ВОЗ. Презентация на IX Всероссийской конференции надлежащих производственных практик (GMP), 21–23 августа 2024, г. Уфа. URL: https://gosgmp.ru/wp-content/uploads/2024/09/pyrgar_voz.pdf
25. *Macé C., Rågo L., Ravinetto R.* How the Concept of WHO-Listed Authorities Will Change International Procurement Policies for Medicines // *BMJ Global Health*. 2022. Vol. 6 (3). URL: https://www.researchgate.net/publication/358513943_How_the_concept_of_WHO-listed_authorities_will_change_international_procurement_policies_for_medicines

26. WHO Expert Committee on Specifications for Pharmaceutical Preparations: Fifty-First Report. WHO Technical Report Series, N 1003. Geneva: World Health Organization, 2017. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/258720/9789241210034-eng.pdf?sequence=1>
27. WHO Expert Committee on Specifications for Pharmaceutical Preparations: Fifty-fifth report. WHO Technical Report Series, N 1033. Geneva: World Health Organization, 2021.
28. List of Transitional WLAs // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/list-of-transitional-wlas>
29. Doerr P., Valentin M., Nakashima N. *et al.* Reliance: a Smarter Way of Regulating Medical Products – The IPRP Survey // Expert Review of Clinical Pharmacology. 2021. Vol. 14. N 2. P. 173–177.
30. Rodríguez H., De Lucia M.L., Liberti L. Cooperation Agreements, Memorandums of Understanding, and Letters of Intent as Instruments to Facilitate the Implementation of Reliance in Latin America // Clinical Therapeutics. 2022. Vol. 44. N 8. P. 1107–1128.
31. Durán C., Cañaset M., Urtasun M.A. *et al.* Regulatory Reliance to Approve New Medicinal Products in Latin American and Caribbean Countries // Revista Panamericana de Salud Pública. 2021. Vol. 45. URL: https://www.researchgate.net/publication/350772199_Regulatory_reliance_to_approve_new_medicinal_products_in_Latin_American_and_Caribbean_countries
32. Saint-Raymond A., Valentin M., Nakashima N. *et al.* Reliance is Key to Effective Access and Oversight of Medical Products in Case of Public Health Emergencies // Expert Review of Clinical Pharmacology. 2022. Vol. 15. N 7. P. 805–810.
33. Patel P., Macdonald J.C., Boobalan J. *et al.* Regulatory Agilities Impacting Review Timelines for Pfizer/BioNTech's BNT162b2 mRNA COVID-19 Vaccine: a Retrospective Study // Frontiers in Medicine. 2023. Vol. 10. URL: https://www.researchgate.net/publication/375825040_Regulatory_agilities_impacting_review_timelines_for_PfizerBioNTech's_BNT162b2_mRNA_COVID-19_vaccine_a_retrospective_study
34. Broojerdi A.K., Alfonso C., Dehaghi R.O.A. *et al.* Worldwide Assessment of Low- and Middle-Income Countries' Regulatory Preparedness to Approve Medical Products During Public Health Emergencies // Frontiers in Medicine. 2021. Vol. 8. URL: https://www.researchgate.net/publication/353885813_Worldwide_Assessment_of_Low-_and_Middle-Income_Countries'_Regulatory_Preparedness_to_Approve_Medical_Products_During_Public_Health_Emergencies
35. 'T Hoen E.F.M., Hogerzeil H.V., Quicket J.D. *et al.* A Quiet Revolution in Global Public Health: The World Health Organization's Prequalification of Medicines Programme // Journal of Public Health Policy. 2014. Vol. 35. N 2. P. 137–161.
36. Keyter A., Salek S., McAuslane N. *et al.* Implementation of a Framework for an Abridged Review Using Good Reliance Practices: Optimising the Medicine Regulatory Review Process in South Africa // Therapeutic Innovation & Regulatory Science. 2020. Vol. 54. N 5. P. 1199–1207.
37. Danks L., Semete-Makokotlela B., Otjombe K. *et al.* Evaluation of the Impact of Reliance on the Regulatory Performance in the South African Health Products Regulatory Authority: Implications for African Regulatory Authorities // Frontiers in Medicine. 2023. Vol. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/medicine/articles/10.3389/fmed.2023.1265058/full>
38. Adams I., Cuff P.A., Liberti L. A Mixed Methods Study to Explore Relevant Metrics for a Results Framework Measuring the Public Health Impact of Reliance-Based Pathways // Therapeutic Innovation & Regulatory Science. 2023. Vol. 57. N 6. P. 1260–1268.
39. Shi J., Chen X., Hu H., Ung C.O.L. Benchmarking Drug Regulatory Systems for Capacity Building: An Integrative Review of Tools, Practice, and Recommendations

// International Journal of Health Policy and Management. 2023. Vol. 12. URL: https://www.ijhpm.com/article_4515.html

40. Twesigye G., Hafner T., Guzman J. Making the Investment Case for National Regulatory Authorities // Journal of Pharmaceutical Policy and Practice. 2021. Vol. 14. N 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/348661934_Making_the_investment_case_for_national_regulatory_authorities

41. Miletic N., Adam S., Acquah J. et al. What Makes Joint Assessment Procedures Attractive to the Innovative Industry: Successes, Challenges, and Proposed Improvements // Frontiers in Medicine. 2023. Vol. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/medicine/articles/10.3389/fmed.2023.1207954/full>

42. Sithole T., Salek S., Mahlangu G., Walker S. Comparison of the Registration Process of the Medicines Control Authority of Zimbabwe with Australia, Canada, Singapore, and Switzerland: Benchmarking Best Practices // Expert Review of Clinical Pharmacology. 2022. Vol. 15. N 1. P. 109–119.

43. Thomas F., Abiri O.T., Conteh T.A., Awodele O. Capacity Assessment of the National Medicines Regulatory Authority in a Low-Income Country // Therapeutic Innovation & Regulatory Science. 2024. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s43441-024-00683-w>

44. Shabani J.B.B., Kayitare E., Nyirimigabo E. et al. The Capacity of Young National Medicine Regulatory Authorities to Ensure the Quality of Medicines: Case of Rwanda // Journal of Pharmaceutical Policy and Practice. 2022. Vol. 15. N 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/365756722_The_capacity_of_young_national_medicine_regulatory_authorities_to_ensure_the_quality_of_medicines_case_of_Rwanda

45. Alfonso C.P., N'Jambong G.B., Magdy A. et al. Identifying and Costing Common Gaps in Central and West Africa Pharmaceutical Regulation // Frontiers in Medicine. 2024. Vol. 11. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/medicine/articles/10.3389/fmed.2024.1362253/full>

References

1. Rågo L., Santoso B. Drug Regulation: History, Present and Future, *Drug Benefits and Risks: International Textbook of Clinical Pharmacology*. IOS Press, pp. 65–77. Available at: https://www.researchgate.net/publication/265533479_Drug_Regulation_History_Present_and_Future_1

2. Who Effective Medicines Regulation : Ensuring Safety, Efficacy and Quality. World Health Organization, 2003. Available at: <https://www.rhsupplies.org/activities-resources/publications/who-effective-medicines-regulation-ensuring-safety-efficacy-and-quality-6557/>

3. Meshkovskii A.P. Otsenka zrelosti regulatornykh sistem farmsektora. Rekomendatsii VOZ [Assessing the Maturity of Regulatory Systems in the Pharmaceutical Sector. WHO Recommendations], *Spetsial'nyi vypusk zhurnala "Novosti GMP". GXP Lekarsvennye sredstva i nadležashchie praktiki* [Special Issue of the Magazine "GMP News". GXP Medicines and Good Practices], 2019, No. 1 (1), pp. 26–33. (In Russ.).

4. Good Regulatory Practices in the Regulation of Medical Products, *WHO Technical Report Series*, 2021, No. 1033, Annex 11, pp. 269–304.

5. Brown A.C., Stern J., Tenenbaum B.W. Handbook for Evaluating Infrastructure Regulatory Systems. Washington: World Bank, 2006, 397 p.

6. Guidelines for Developing National Drug Policies. Geneva, World Health Organization; Albany, NY, WHO Publications Center USA, 1988, 62 p.

7. Evaluating and Publicly Designating Regulatory Authorities as WHO Listed Authorities: Policy Document. Geneva, World Health Organization, 2021.
8. Operational Guidance for evaluating and Publicly Designating Regulatory Authorities as WHO-Listed Authorities. Geneva, World Health Organization, 2023, 44 p.
9. WHO Global Benchmarking Tool (GBT) for Evaluation of National Regulatory Systems of Medical Products, Revision VI. Geneva, World Health Organization, 2021.
10. WHO Global Benchmarking Tool (GBT) for Evaluation of National Regulatory System of Medical Products: Manual for Benchmarking and Formulation of Institutional Development Plans. Geneva, World Health Organization, 2023, 84 p.
11. Terms of Reference for the “Coalition of Interested Parties”. WHO Network for Regulatory Systems Strengthening. Available at: <https://www.who.int/publications/m/item/terms-of-reference-for-the-coalition-of-interested-parties>
12. Global Competency Framework for Regulators of Medicines. Geneva, World Health Organization, 2023, 97 p.
13. Good Review Practices: Guidelines for National and Regional Regulatory Authorities, *WHO Technical Report Series*, 2015, No. 992, Annex 9, pp. 191–210.
14. Good Reliance Practices in the Regulation of Medical Products: High Level Principles and Considerations, *Technical Report Series*, 2021, No. 1033, Annex 10, pp. 237–267.
15. WHO Guideline on the Implementation of Quality Management Systems for National Regulatory Authorities, *Technical Report Series*, 2020, No. 1025, Annex 13, pp. 273–327.
16. Implementing Quality Management Systems in National Regulatory Authorities: Examples and Practices. Geneva, World Health Organization, 2021, 56 p.
17. Broojerdi A.K., Sillo H., Dehaghiet R.O.A. et al. The World Health Organization Global Benchmarking Tool an Instrument to Strengthen Medical Products Regulation and Promote Universal Health Coverage, *Frontiers in Medicine*, 2020, Vol. 7. Available at: https://www.researchgate.net/publication/343739134_The_World_Health_Organization_Global_Benchmarking_Tool_an_Instrument_to_Strengthen_Medical_Products_Regulation_and_Promote_Universal_Health_Coverage.
18. Delivering Quality-Assured Medical Products for All 2019–2023: WHO’s Five-Year Plan to Help Build Effective and Efficient Regulatory Systems (WHO/MVP/RHT/2019.01). Geneva, World Health Organization, 2019, 37 p.
19. WHO Medicines, Vaccines and Pharmaceuticals (MVP) 2018 Annual Report: Promoting Access to Safe, Effective, Quality and Affordable Essential Medical Products for All (WHO/MVP/EMP/2019.03). Geneva, World Health Organization, 2019, 34 p.
20. Guzman J., O’Connell E., Kikule K., Hafner T. The WHO Global Benchmarking Tool: a Game Changer for Strengthening National Regulatory Capacity, *BMJ Global Health*, 2020, Vol. 5, N 8. Available at: https://www.researchgate.net/publication/343595031_The_WHO_Global_Benchmarking_Tool_a_game_changer_for_strengthening_national_regulatory_capacity
21. National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine, Stronger food and Drug Regulatory Systems Abroad. Washington, The National Academies Press, 2020, 224 p.
22. List of National Regulatory Authorities (NRAs) Operating at Maturity Level 3 (ML3) and Maturity Level 4 (ML4), *World Health Organization*. Available at: <https://www.who.int/publications/m/item/list-of-nras-operating-at-ml3-and-ml4>
23. Refaat M. WHO Process for Maturity Evaluation of National Vigilance Systems, *20th Annual Meeting “Integrated Pharmacovigilance for Safer Patients”*, 8–10 November 2021. Available at: <https://isoponline.org/wp-content/uploads/2022/01/2C.2.pptx.pdf>
24. Ukreplenie sistem regulirovaniya LS VOZ. Prezentaciya na IX Vserossiiskoi konferentsii nadležashchikh proizvodstvennykh praktik (GMP), 21–23 avgusta 2024

g. Ufa. [Strengthening of WHO Drug Regulation Systems. Presentation on the IX All-Russian Conference of Good Manufacturing Practices (GMP), August 21–23, 2024 Ufa]. (In Russ.). Available at: https://gosgmp.ru/wp-content/uploads/2024/09/pyrgar_voz.pdf

25. Macé C., Rågo L., Ravinetto R. How the Concept of WHO-Listed Authorities Will Change International Procurement Policies for Medicines, *BMJ Global Health*, 2022, Vol. 6 (3). Available at: https://www.researchgate.net/publication/358513943_How_the_concept_of_WHO-listed_authorities_will_change_international_procurement_policies_for_medicines

26. WHO Expert Committee on Specifications for Pharmaceutical Preparations: Fifty-first report. WHO Technical Report Series, N 1003. Geneva: World Health Organization, 2017. Available at: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/258720/9789241210034-eng.pdf?sequence=1>

27. WHO Expert Committee on Specifications for Pharmaceutical Preparations: Fifty-Fifth Report. WHO Technical Report Series, No. 1033. Geneva, World Health Organization, 2021.

28. List of Transitional WLAs, *World Health Organization*. Available at: <https://www.who.int/publications/m/item/list-of-transitional-wlas>

29. Doerr P., Valentin M., Nakashima N. et al. Reliance: A Smarter Way of Regulating Medical Products – The IPRP Survey, *Expert Review of Clinical Pharmacology*, 2021, Vol. 14, No. 2, pp. 173–177.

30. Rodríguez H., De Lucia M.L., Liberti L. Cooperation Agreements, Memorandums of Understanding, and Letters of Intent as Instruments to Facilitate the Implementation of Reliance in Latin America, *Clinical Therapeutics*, 2022, Vol. 44, No. 8, pp. 1107–1128.

31. Durán C., Cañaset M., Urtasun M.A. et al. Regulatory Reliance to Approve New Medicinal Products in Latin American and Caribbean Countries, *Revista Panamericana de Salud Pública*, 2021, Vol. 45. Available at: https://www.researchgate.net/publication/350772199_Regulatory_reliance_to_approve_new_medicinal_products_in_Latin_American_and_Caribbean_countries

32. Saint-Raymond A., Valentin M., Nakashima N. et al. Reliance is Key to Effective Access and Oversight of Medical Products in Case of Public Health Emergencies, *Expert Review of Clinical Pharmacology*, 2022, Vol. 15, No. 7, pp. 805–810.

33. Patel P., Macdonald J.C., Boobalan J. et al. Regulatory Agilities Impacting Review Timelines for Pfizer/BioNTech's BNT162b2 mRNA COVID-19 Vaccine: A Retrospective Study, *Frontiers in Medicine*, 2023, Vol. 10. Available at: https://www.researchgate.net/publication/375825040_Regulatory_agilities_impacting_review_timelines_for_PfizerBioNTech's_BNT162b2_mRNA_COVID-19_vaccine_a_retrospective_study

34. Broojerdi A.K., Alfonso C., Dehaghi R.O.A. et al. Worldwide Assessment of Low- and Middle-Income Countries' Regulatory Preparedness to Approve Medical Products During Public Health Emergencies, *Frontiers in Medicine*, 2021, Vol. 8. Available at: https://www.researchgate.net/publication/353885813_Worldwide_Assessment_of_Low-_and_Middle-Income_Countries'_Regulatory_Preparedness_to_Approve_Medical_Products_During_Public_Health_Emergencies

35. 'T Hoen E.F.M., Hogerzeil H.V., Quicket J.D. et al. A Quiet Revolution in Global Public Health: The World Health Organization's Prequalification of Medicines Programme, *Journal of Public Health Policy*, 2014, Vol. 35, No. 2, pp. 137–161.

36. Keyter A., Salek S., McAuslane N. et al. Implementation of a Framework for an Abridged Review Using Good Reliance Practices: Optimising the Medicine Regulatory Review Process in South Africa, *Therapeutic Innovation & Regulatory Science*, 2020, Vol. 54, No. 5, pp. 1199–1207.

37. Danks L., Semete-Makokotlela B., Otjombe K. et al. Evaluation of the Impact of Reliance on the Regulatory Performance in the South African Health Products

Regulatory Authority: Implications for African Regulatory Authorities, *Frontiers in Medicine*, 2023, Vol. 10. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/medicine/articles/10.3389/fmed.2023.1265058/full>

38. Adams I., Cuff P.A., Liberti L. A Mixed Methods Study to Explore Relevant Metrics for a Results Framework Measuring the Public Health Impact of Reliance-Based Pathways, *Therapeutic Innovation & Regulatory Science*, 2023, Vol. 57, No. 6, pp. 1260–1268.

39. Shi J., Chen X., Hu H., Ung C.O.L. Benchmarking Drug Regulatory Systems for Capacity Building: An Integrative Review of Tools, Practice, and Recommendations, *International Journal of Health Policy and Management*, 2023, Vol. 12. Available at: https://www.ijhpm.com/article_4515.html

40. Twesigye G., Hafner T., Guzman J. Making the Investment Case for National Regulatory Authorities, *Journal of Pharmaceutical Policy and Practice*, 2021, Vol. 14, No. 1. Available at: https://www.researchgate.net/publication/348661934_Making_the_investment_case_for_national_regulatory_authorities

41. Miletic N., Adam S., Acquah J. et al. What Makes Joint Assessment Procedures Attractive to the Innovative Industry: Successes, Challenges, and Proposed Improvements, *Frontiers in Medicine*, 2023, Vol. 10. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/medicine/articles/10.3389/fmed.2023.1207954/full>

42. Sithole T., Salek S., Mahlangu G., Walker S. Comparison of the Registration Process of the Medicines Control Authority of Zimbabwe with Australia, Canada, Singapore, and Switzerland: Benchmarking Best Practices, *Expert Review of Clinical Pharmacology*, 2022, Vol. 15, No. 1, pp. 109–119.

43. Thomas F., Abiri O.T., Conteh T.A., Awodele O. Capacity Assessment of the National Medicines Regulatory Authority in a Low-Income Country, *Therapeutic Innovation & Regulatory Science*, 2024. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s43441-024-00683-w>

44. Shabani J.B.B., Kayitare E., Nyirimigabo E. et al. The Capacity of Young National Medicine Regulatory Authorities to Ensure the Quality of Medicines: Case of Rwanda, *Journal of Pharmaceutical Policy and Practice*, 2022, Vol. 15, No. 1. Available at: https://www.researchgate.net/publication/365756722_The_capacity_of_young_national_medicine_regulatory_authorities_to_ensure_the_quality_of_medicines_case_of_Rwanda

45. Alfonso C.P., N’Jambong G.B., Magdy A. et al. Identifying and Costing Common Gaps in Central and West Africa Pharmaceutical Regulation, *Frontiers in Medicine*, 2024, Vol. 11. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/medicine/articles/10.3389/fmed.2024.1362253/full>

REGULATORY QUALITY IN THE INTERNATIONAL CIRCULATION OF MEDICINAL PRODUCTS

Since 2014, the World Health Organization has been implementing a large-scale project to strengthen and develop national regulatory systems, which is aimed at increasing the availability of safe, effective and high-quality medicines and medical devices for the population of all countries, but primarily low- and middle-income countries. The project analyzes the maturity of national regulatory systems using a global benchmarking tool developed based on various regulatory authority assessment systems and has undergone extensive discussion and pilot testing; the results of national authorities that have reached high levels of maturity are published. A WHO List of Regulatory Authorities is also being formed, replacing the previously used concept of "stringent regulatory authorities". This List is recommended for use

in regulatory reliance procedures by national regulatory authorities, purchasing structures of various levels and status: commercial, public, state or international. The regulatory quality of drug regulation is one of the critical factors of any national healthcare system. At the global level, it is directly related to goals 1,3,8,9 and 11 of sustainable development defined by the UN. The WHO project under consideration to assess maturity) of the regulatory system of the pharmaceutical sector is fundamentally different from similarly focused projects carried out in the past. First of all, the project focuses not on legal and regulatory/methodological documents, but on institutional and procedural aspects, i.e. on the structure and functions of regulatory bodies. Along with this, the project can have a significant impact on global pharmaceutical markets.

Keywords: medicines, WHO, levels of regulatory systems maturity, assessment of the quality system of a regulatory authority, good regulatory practices, regulatory reliance.
JEL: I15, I18, F55, L65, O20

Дата поступления — 16.09.2024 г.

АЛАДЫШЕВА Жанна Игоревна

кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры промышленной фармации;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет) / ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, г. Москва, 119048.

e-mail: zhaladysheva@gmail.com

БЕРЕГОВЫХ Валерий Васильевич

академик РАН, доктор технических наук, профессор, заместитель академика-секретаря отделения медицинских наук РАН, начальник отдела медицинских наук отделения медицинских наук РАН;

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская академия наук» / Ленинский проспект, д. 14, г. Москва, 119071.

e-mail: beregovykh@pran.ru

БРКИЧ Галина Эдуардовна

доктор фармацевтических наук, доцент, профессор кафедры промышленной фармации;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет) / ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, г. Москва, 119048.

e-mail: brkich@yandex.ru

МЕШКОВСКИЙ Андрей Петрович

доцент кафедры промышленной фармации;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет) / ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, г. Москва, 119048.

e-mail: meshkovskij@mail.ru

БЕЛЯЕВ Василий Викторович

кандидат фармацевтических наук, доцент, доцент кафедры промышленной фармации;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет) / ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, г. Москва, 119048.

e-mail: belyaev-mma@yandex.ru

ПЯТИГОРСКАЯ Наталья Валерьевна

член-корреспондент РАН, доктор фармацевтических наук, профессор, заведующая кафедрой промышленной фармации;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет) / ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, г. Москва, 119048.

e-mail: osipova-mma@list.ru

ALADYSHEVA Zhanna A.

Cand. Sc. (Med.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Industrial Pharmacy;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenovskiy University) / 8, Building 2, Trubetskaya Str., Moscow, 119048.

e-mail: zhaladysheva@gmail.com

BEREGOVYKH Valery V.

Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Tech.), Professor, Deputy Academician-Secretary of the Department of Medical Sciences of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Medical Sciences of the Department of Medical Sciences of the Russian Academy of Sciences; Federal State Budget Organization "Russian Academy of Sciences" / 14, Leninskiy Av., Moscow, 119071.

e-mail: beregovykh@pran.ru

BRKICH Galina E.

Dr. Sc. (Pharm.), Associate Professor, Professor of the Department of Industrial Pharmacy;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenovskiy University) / 8, Building 2, Trubetskaya Str., Moscow, 119048.

e-mail: brkich@yandex.ru

MESHKOVSKIY Andrei P.

Associate Professor of the Department of Industrial Pharmacy;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenovskiy University) / 8, Building 2, Trubetskaya Str., Moscow, 119048.

e-mail: meshkvskij@mail.ru

BELYAEV Vasily V.

Cand. Sc. (Pharm.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Industrial Pharmacy;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenovskiy University) / 8 Building 2, Trubetskaya Str., Moscow, 119048.

e-mail: belyaev-mma@yandex.ru

PYATIGORSKAYA Natalia V.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Pharm.), Professor, Head of the Department of Industrial Pharmacy;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenovskiy University) / 8, Building 2, Trubetskaya Str., Moscow, 119048.

e-mail: osipova-mma@list.ru

Для цитирования:

Аладышева Ж.И., Береговых В.В., Бркич Г.Э., Мешковский А.П., Беяев В.В., Пятигорская Н.В. Регуляторное качество в международном обращении лекарственных средств // Федерализм. 2024. Т. 29. № 3 (115). С. 106–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-3-106-135>

**С.Д. ВАЛЕНТЕЙ, А.Р. БАХТИЗИН, С.В. БОРИСОВА,
А.В. КОЛЬЧУГИНА, Л.Н. ЛЫКОВА**

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

В отечественных научных изданиях регулярно публикуются материалы, авторы которых исследуют различия уровней социально-экономического развития российских регионов. Проблема рассматривается в различных аспектах, в т.ч. с позиции определения способности региональных экономик обеспечить потребности проживающего в границах субъектов Российской Федерации населения. В статье представлены результаты рейтингования субъектов Федерации за 2019–2023 гг. на базе авторской методики. С незначительными изменениями методологии она продолжает серию ряда опубликованных ранее работ. Показано, что на протяжении 2019–2023 гг. для большинства субъектов Российской Федерации имел место неустойчивый тренд по всем трем ключевым составляющим итогового индекса (социальному, хозяйственному, бюджетному блокам). Не просматривается выраженной связи динамики показателя социального блока и степени хозяйственной активности в регионе. Подавляющее большинство регионов в целом успешно преодолели кризисные спады 2020 г. и 2022 г., но в 19 субъектах доковидные значения итогового индекса не были превышены и в 2023 г. Падение индексов социального блока в 2020 г. было менее значительным, чем после начала СВО — сказывалась поддержка социальной сферы в период пандемии. В 2023 г. для большинства субъектов Федерации имела место повышательная динамика итогового индекса и преодоление спада, связанного с санкционным давлением. Реакция регионов на этот кризис различалась, что выразилось в различной динамике всех трех составляющих итогового индекса (социального, хозяйственного и бюджетного блоков). Показана выраженная и растущая зависимость динамики социального блока от федеральных трансфертов как для регионов с понижательной динамикой индекса хозяйственного блока, так и для регионов с ростом хозяйственной активности.

* Статья подготовлена в рамках совместной деятельности ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», ФГБУН «Институт экономики РАН» и ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН» в соответствии с планом реализации мероприятий программы развития, входящей в состав заявки РЭУ им. Г.В. Плеханова в ПСАЛ «Приоритет-2030».

Ключевые слова: регион, социальная среда, хозяйственная активность, региональная экономика, тренды развития.

JEL: H11, O20, R10, R11, R22

Последние месяцы идет активная разработка нового варианта Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Пока невозможно сказать, каков будет окончательный вариант документа. Но сам факт его подготовки не может не оцениваться позитивно, поскольку, по мнению подавляющего большинства экспертного сообщества, разработанный ранее документ изначально был нежизнеспособен.

Не останавливаясь на критике прежнего варианта Стратегии, отметим лишь один его базовый недостаток. Это игнорирование различий комбинаций факторов развития региональных экономик (прежде всего производственных и финансовых). При этом при разработке такого документа, как Стратегия, мало констатировать, что субъекты Российской Федерации (далее — субъекты РФ) различаются по уровням своего социально-экономического и инновационного развития. Принципиально важно признать, что эти различия объективно существуют всегда. Они не являются специфической особенностью Российской Федерации, а характерны для всех стран.

По этой причине ориентация на выравнивание уровней социально-экономического, равно как и инновационного, потенциала субъектов РФ относится к задачам, не имеющим решения. По этой причине одной из основных целей Стратегии должно стать не стремление к недостижимому, а ориентация на создание условий для выравнивания уровней (качества) жизни граждан России, проживающих в различных регионах.

Полагаем что при разработке Стратегии и выборе механизмов ее реализации необходимо определить, в какой степени регион способен обеспечить (в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе) выравнивание уровней (качества) жизни населения на основе собственного хозяйственного и финансового потенциала, а в какой степени решение этой задачи требует помощи со стороны федерального Центра. Один из возможных вариантов выявления взаимосвязи между качеством социальной среды субъектов РФ и осуществляемой на их территории хозяйственной и инвестиционной деятельностью предлагается в настоящей статье.

В последние годы этот вопрос все чаще поднимается в научных публикациях. Взаимосвязи социальной и хозяйственной составляющей регионального пространства исследуются как применительно к национальному уровню [1] (в отношении государств), так и применительно к субфедеральному [2; 3] или уровню макрорегионов [4].

При оценках применительно к региональному уровню используются различные показатели в отношении социальной составляющей (конечные доходы населения, реальные доходы населения [4], рейтинг регионов по качеству жизни Рейтингового агентства «РИА Рейтинг» [2],

разработанные авторами интегральные индикаторы уровня жизни [3] и др.). Различаются и используемые для характеристики экономического развития показатели. Кроме относительно традиционного показателя ВРП [1; 2] используются и иные частные показатели, характеризующие отдельные аспекты хозяйственной активности [4]. В зависимости от конкретной цели, которую преследуют авторы работ, числа учитываемых факторов, применяемый инструментарий, учет/неучет лагов переменных разнятся, и полученные результаты зачастую имеют неоднозначный характер¹.

Использование в качестве ключевой характеристики экономического состояния региона традиционного показателя ВРП имеет ряд недостатков (их обзор представлен, в частности, в [2]). В результате отслеживать происходящие на региональном уровне социально-экономические процессы и имеющиеся (намечающиеся) тренды можно только с задержкой на год и по этой причине принимать необходимые управленческие решения порой с фатальным запаздыванием.

Попытка преодолеть данный недостаток предпринята в рамках данного и предшествующих исследований [5; 6].

В рамках предлагаемого подхода для характеристики хозяйственной активности и экономической динамики в субъектах РФ использовалась совокупность оперативно публикуемых показателей [7, с. 178–179], на основе которых формировался хозяйственный блок.

Еще одна составляющая анализа — характеристика источников финансирования развития социальной среды. В предшествующих исследованиях *в подавляющем большинстве субъектов РФ* не удалось обнаружить выраженную взаимосвязь между качеством социальной среды и степенью хозяйственной активности. Аналогичный результат был получен в этом году.

При анализе ситуации в период кризиса, вызванного *COVID-19*, и кризиса, связанного с введением санкций:

- мы попытались выявить особенности реакции на них экономик субъектов РФ;
- определить особенности выхода субъектов РФ из этих кризисов;
- выйти на возможные (формирующиеся) тренды социально-экономического развития субъектов РФ.

Группировка регионов осталась неизменной² и осуществлялась раздельно по набору показателей, характеризующих социальный и хозяйственный блоки, а также уровень бюджетного самообеспечения

¹ Так, авторы одной из работ приходят к выводу о существенных отличиях регионов России «в наличии и использовании потенциала обеспечения качества жизни их населения, не связанных с создаваемым в регионе текущим подушевым ВРП» [2, с. 185].

² Группа I — регионы со стабильными высокими значениями индексов; группа II — регионы со средними значениями индексов; группа III — регионы с низкими значениями индексов; группа I-м — регионы, мигрирующие между группами с высокими и средними значениями; группа II-м — регионы, мигрирующие между группами со средними и низкими значениями; группа III-м — регионы, мигрирующие между группами с высокими, средними и низкими значениями.

субъектов РФ (далее — бюджетный блок³). Группировка регионов и анализ трендов их развития производились по трем пороговым значениям индексов: значения индексов выше 0,5 были определены как высокие, от 0,4 до 0,5 — средние, ниже 0,4 — низкие. Итоги группировки по социальному, хозяйственному и бюджетному блокам представлены в приложении к данной статье.

Расчет индексов осуществлялся с использованием нормированных значений показателей⁴. Все показатели, измеряемые в абсолютных значениях, были пересчитаны в ценах 2019 г., что позволило обеспечить корректность применяемой нормировки и сопоставимость значений индексов в разные моменты времени. Исследование завершало рейтингование субъектов РФ по итоговому индексу. Ниже будут представлены его основные результаты.

Рейтинг субъектов РФ по итоговому индексу

В основу группировки регионов по итоговому индексу было положено два критерия.

1. Регион хотя бы в одном году интервала 2019–2023 гг. имел индекс выше 0,5 или весь период только низкий индекс.

2. При положительной разнице значения индекса в 2023 г. по отношению к доковидному 2019 г. тренд оценивался как повышательный, при отрицательной — как понижательный.

В результате проведения расчетов были выделены 6 групп регионов по итоговому индексу и его динамике в 2019–2023 гг.

Первая группа — 17 субъектов РФ с высоким итоговым рейтингом (индекс выше 0,5) и в целом повышательным трендом — Ямало-Ненецкий АО, г. Москва, Сахалинская область, Ханты-Мансийский АО — Югра, Ленинградская область, Тюменская область без автономных округов, Магаданская область, Республика Татарстан, Свердловская область, Республика Саха (Якутия), Амурская область, Чукотский автономный округ, Нижегородская область, Ростовская область, Липецкая область, Красноярский край, Мурманская область.

Во всех субъектах РФ группы кроме Ростовской области, Чукотского АО и ХМАО имело место падение индекса в 2020 г. Снижение значения индекса для части регионов наблюдалось и в 2022 г. (см. рис. 1).

Вторая группа — 6 субъектов РФ с высоким итоговым рейтингом (выше 0,5 хотя бы в одном году исследуемого временного периода), но нестабильной и в целом понижательной динамикой в рамках рассматриваемого интервала. Это — Ненецкий АО, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край, Воронежская область, Белгородская область.

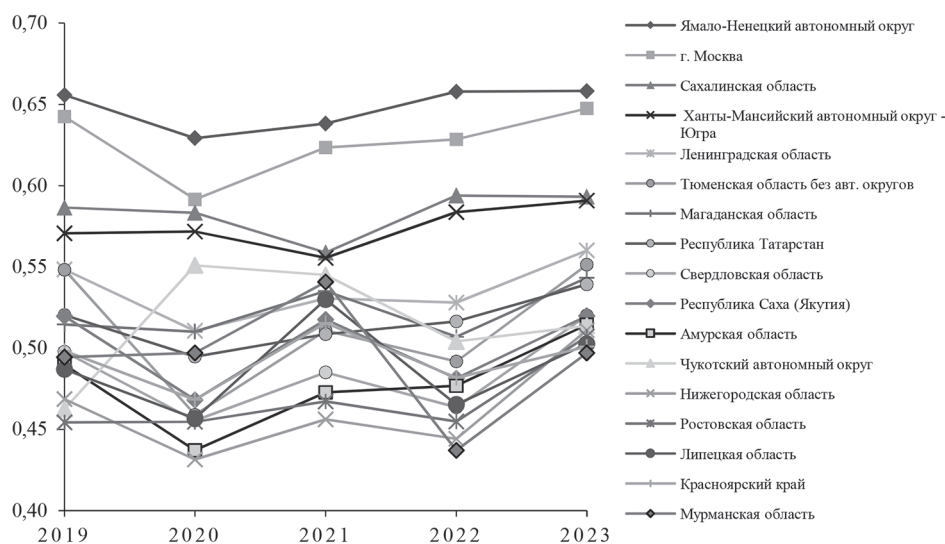

Рис. 1. Динамика итогового индекса регионов первой группы по годам

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Снижение индекса в 2020 г. имело место во всех регионах группы, также выраженное сокращение наблюдалось (за исключением Ненецкого АО) и в 2022 г. (см. рис. 2). Отнесение последнего к данной группе носит в целом условный характер — сокращение индекса по сравнению с исходной точкой (2019 г.) минимально.

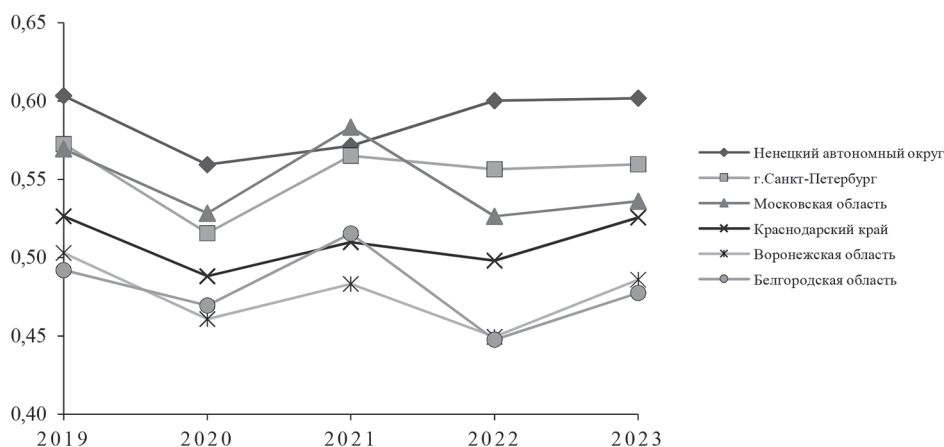

Рис. 2. Динамика итогового индекса регионов второй группы по годам

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Третья группа — 39 субъектов РФ со средними значениями итогового индекса (в интервале от 0,4 до 0,5) и в целом позитивной динамикой в рамках исследуемого интервала. Разбита на две подгруппы исходя из степени роста итогового индекса.

Первая подгруппа включает 18 субъектов РФ с ростом более чем на 6 пунктов (0,06), или с *выраженным повышательным трендом*. В подгруппу входят Орловская область, Калининградская область, Ивановская область, Иркутская область, Чувашская Республика, Новгородская область, Пензенская область, Тамбовская область. Республика Хакасия, Волгоградская область, Хабаровский край, Забайкальский край, Республика Башкортостан, Челябинская область, Алтайский край, Владимирская область, Тверская область, Республика Марий Эл (см. рис. 3).

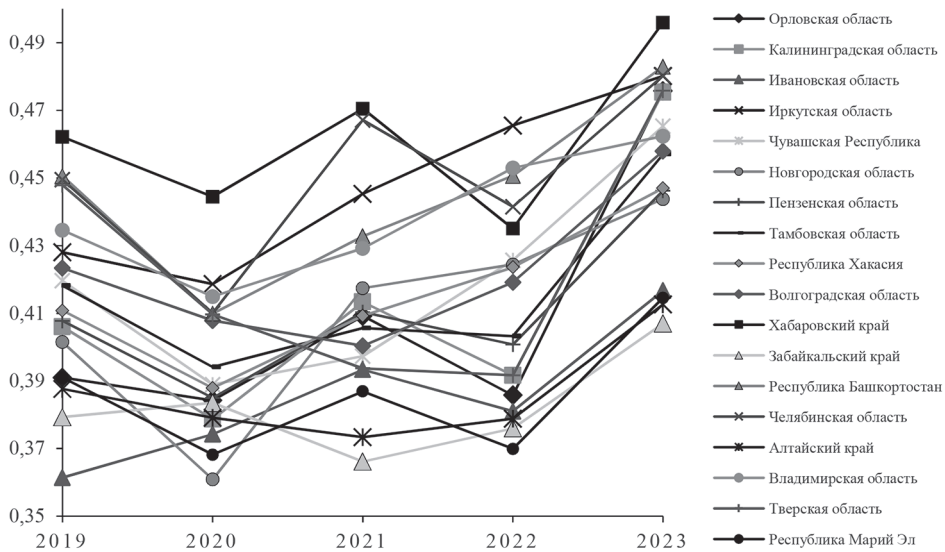

Рис. 3. Динамика итогового индекса регионов третьей группы с выраженным повышательным трендом по годам

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Вторая подгруппа включает 21 субъект РФ с ростом менее чем на 6 пунктов (0,06), или с *невывраженным повышательным трендом*, — Камчатский край, Кемеровскую область, Омскую область, Удмуртскую Республику, Оренбургскую область, Ярославскую область, Брянскую область, Республику Карелию, Новосибирскую область, Саратовскую область, Ставропольский край, Томскую область, Республику Коми, Костромскую область, Ульяновскую область, Республику Мордовию, Курскую область, Тульскую область, Рязанскую область, Приморский край, Кировскую область (см. рис. 4).

Регионы группы за редким исключением отреагировали падением индекса в 2020 и в 2022 г. и повышением — в 2021 и 2023 гг.

Четвертая группа — 9 субъектов РФ со средними значениями индексов (в интервале 0,4–0,5) и нестабильными и понижательными трендами (после выраженного падения в 2020 г. вплоть до настоящего времени не превышены доковидные показатели) — Республика Адыгея, Пермский

край, Самарская, Калужская, Вологодская, Смоленская, Астраханская области, Архангельская область без автономного округа, Севастополь.

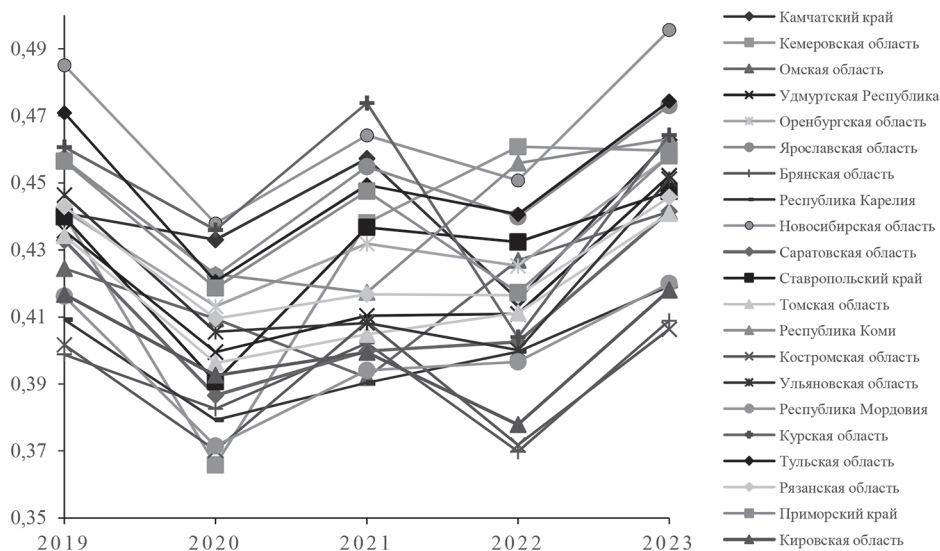

Рис. 4. Динамика итогового индекса регионов третьей группы с невыраженным повышательным трендом по годам

Источник: составлено авторами по: [8–10].

В 2022 г. для ряда регионов группы имело место снижение итогового индекса (исключение – Астраханская область). В 2023 г. у большей части отмечалось повышение. В Астраханской области падение в 2020 г. продолжилось и в 2021 г. (см. рис. 5).

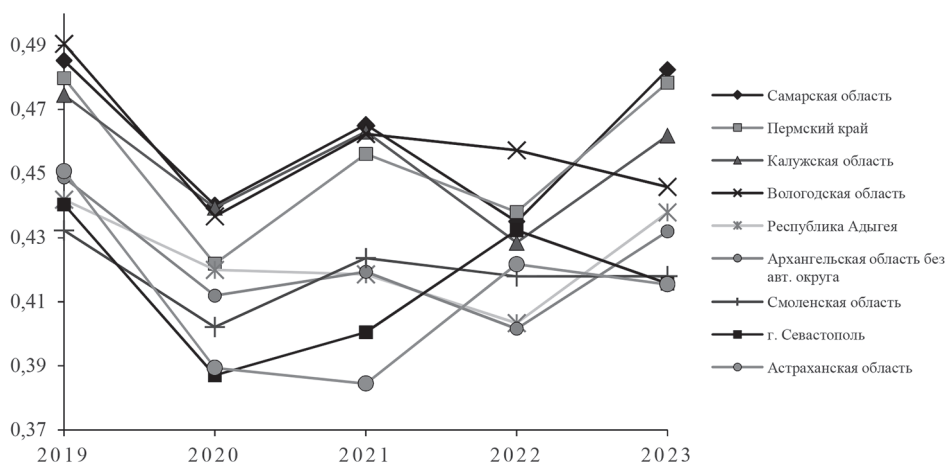

Рис. 5. Динамика итогового индекса регионов четвертой группы по годам

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Пятая группа – 11 субъектов РФ с низкими значениями итогового индекса (менее 0,4 в 2023 г.) и относительно стабильным повышательным трендом (после падения в 2020 г.). В группу входят Курганская область, Псковская область, Республика Калмыкия, Республика Бурятия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Алтай, Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Республика Тыва.

Особенность группы – *выраженная разнонаправленность ответов на кризисные ситуации* (см. рис. 6).

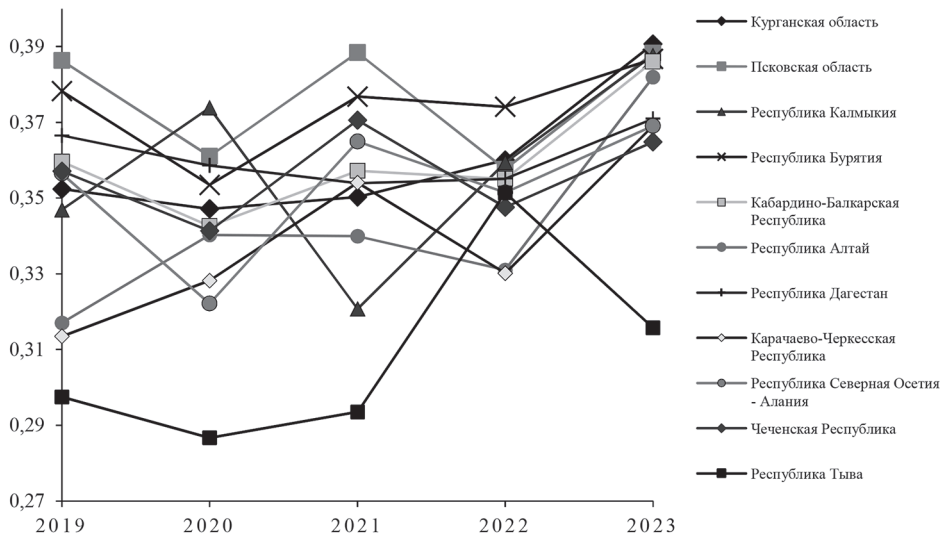

Рис. 6. Динамика итогового индекса регионов пятой группы по годам

Источник: составлено авторами по: [8–10].

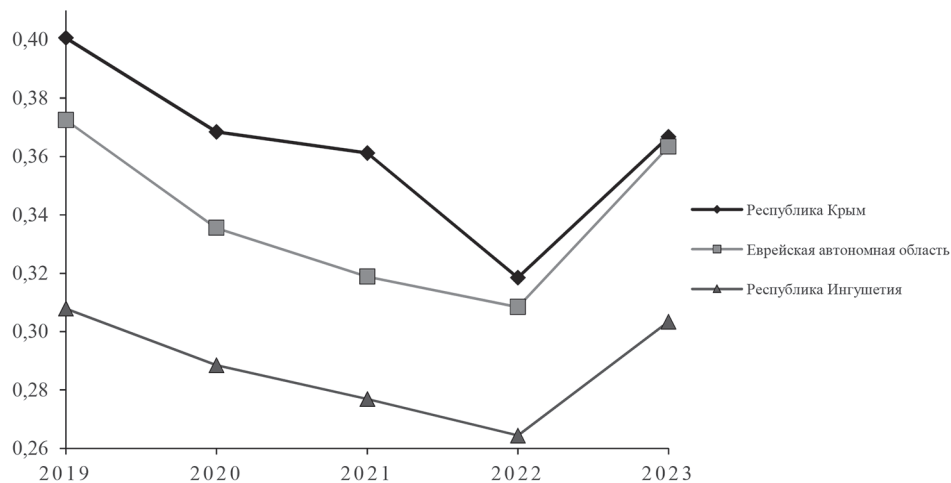

Рис. 7. Динамика итогового индекса регионов шестой группы по годам

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Шестая группа — 3 субъекта РФ с низкими значениями итогового индекса и нестабильным (склонным к понижению) в рамках рассматриваемого временного интервала трендом. Это Республика Крым, Еврейская автономная область, Республика Ингушетия. Для всех ее регионов в 2023 г. *просматривается некоторый рост индекса*, однако его значение 2019 г. пока не превышено. Более того, вплоть до 2023 г. продолжалось падение, начавшееся в 2020 г. В рамках рассматриваемого временного интервала самые низкие показатели отмечались в 2022 г. В 2023 г. все регионы группы показали *небольшой позитивный сдвиг* (см. рис. 7).

Теперь обратимся к анализу влияния на динамику итогового индекса различных факторов.

Факторы, оказавшие наибольшее влияние на динамику итогового индекса

Степень этого влияния оценивалась исходя из значений прироста итогового индекса и индексов по каждому из блоков в 2023 г. по сравнению с 2019 г. (без учета весовых коэффициентов).

В большинстве регионов **первой группы** субъектов РФ (высокие значения итогового индекса в сочетании с повышательным трендом) *рост итогового индекса обеспечивает позитивная динамика индекса социального блока*. Только в двух регионах рост итогового индекса имеет место при снижении индекса социального блока (Москва, Мурманская область) и фактически обеспечен динамикой индекса хозяйственного блока (оба региона) и бюджетного блока (Москва).

Итоговый индекс растет за счет роста всех трех составляющих в Сахалинской и Свердловской области, в Чукотском АО. В остальных регионах рост итогового индекса имеет место на фоне роста индекса социального блока *при снижении индекса хозяйственного блока и/или бюджетного блока*.

Обращает на себя внимание снижение показателя бюджетного блока в 12 из 17 регионов группы. Это свидетельствует о росте доли трансфертов из федерального бюджета в этих регионах, обеспечивающих в большинстве из них позитивную динамику индекса социального блока (см. табл. 1).

Во **второй группе** субъектов РФ *снижение итогового индекса имело место преимущественно за счет сокращения показателя по хозяйственному блоку* (исключение — Краснодарский край). В Белгородской области сокращались все три составляющие итогового индекса, наиболее значительно ухудшились показатели бюджетного блока. Также, как и в первой группе, только в 2 субъектах РФ имело место сокращение показателя социального блока (Белгородская и Воронежская области). В остальных субъектах динамика показателя была позитивной. В Воронежской области сокращение показателя социального и хозяйственного блоков имело место на фоне роста показателей бюджетного блока (роста в целом доли собственных доходов), которые, судя по результату, не позволили поддержать позитивную динамику социального (в первую очередь) блока.

Т а б л и ц а 1

Изменения индексов рейтинга в группе I

Субъект РФ	Прирост 2023 по сравнению с 2019			
	Блок 1 (социальный)	Блок 2 (хозяйственный)	Блок 3 (бюджетный)	Итоговый индекс
Липецкая область	0,003	-0,038	0,127	0,016
Москва	-0,002	0,010	0,016	0,005
Ленинградская область	0,055	-0,042	-0,015	0,012
Мурманская область	-0,010	0,037	-0,018	0,003
Ростовская область	0,060	0,088	-0,018	0,053
Республика Татарстан	0,067	0,001	-0,075	0,019
Нижегородская область	0,042	0,077	-0,009	0,042
Свердловская область	0,028	0,012	0,025	0,022
Тюменская область без авт. округов	0,045	-0,015	-0,075	0,003
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,091	-0,059	-0,038	0,020
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,071	0,003	-0,170	0,003
Красноярский край	0,044	0,001	-0,098	0,003
Республика Саха (Якутия)	0,030	-0,024	-0,038	0,000
Амурская область	0,040	0,027	-0,018	0,025
Магаданская область	0,030	0,061	-0,022	0,029
Сахалинская область	0,003	0,006	0,018	0,007
Чукотский АО	0,059	0,023	0,073	0,051

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Обращает на себя внимание ситуация в Санкт-Петербурге, где снижение итогового индекса происходило за счет выраженного (на 10 пунктов) сокращения индекса хозяйственного блока. При этом значения социального и бюджетного блока возросли.

Снижение итогового индекса по Московской области имело место вследствие выраженного сокращения показателей бюджетного блока, отражающего динамику доли собственных доходов в структуре объемов финансирования расходов. Эти можно трактовать так: на фоне ухудшения хозяйственной ситуации поддержка социального блока фактически осуществлялась за счет федеральных трансфертов (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Изменения индексов рейтинга в группе II

Субъект РФ	Прирост 2023 по сравнению с 2019			
	Блок 1 (социальный)	Блок 2 (хозяйственный)	Блок 3 (бюджетный)	Итоговый индекс
Ненецкий АО	0,0406	-0,0843	0,0172	-0,0016
Санкт-Петербург	0,0240	-0,1002	0,0248	-0,0131
Московская область	0,0209	-0,0376	-0,1622	-0,0333
Краснодарский край	0,0523	0,0041	-0,1412	-0,0009
Воронежская область	-0,0146	-0,0509	0,0277	-0,0170
Белгородская область	-0,0017	-0,0146	-0,0463	-0,0145

Источник: составлено авторами по: [8–10].

В третьей группе субъектов РФ позитивную динамику итогового индекса обеспечивает преимущественно социальный блок. Только в Костромской области имеет место сокращение данного показателя. Здесь рост итогового индекса был связан с повышением показателей хозяйственного и бюджетного блоков. Это может указывать на то, что сокращение доли федеральных трансфертов в объеме финансирования расходов бюджета не позволило региону за счет роста хозяйственной активности обеспечить позитивную динамику показателя социального блока.

С определенной долей условности могут быть выделены 2 подгруппы субъектов РФ:

- регионы, где повышение итогового индекса имело место за счет (или на фоне) роста индекса хозяйственного блока (1);
- регионы, где рост итогового показателя сопровождался снижением показателя хозяйственной активности (2).

Из 39 субъектов РФ группы 17 относятся к подгруппе 1; 22 – к подгруппе 2 (см. табл. 3).

Высокие показатели хозяйственной активности в ряде регионов 1-й подгруппы наблюдались на фоне сокращения показателей бюджетного блока. Это можно интерпретировать как то, что рост хозяйственной активности в этих регионах не приводит (возможно, только в рамках данного временного интервала) к росту финансовой самообеспеченности. Для этих регионов позитивная динамика показателя социального блока связана с ростом доли трансфертов из федерального бюджета (сокращение доли собственных доходов в объемах финансирования расходов). В то же время в ряде регионов группы (примерно в половине) имеет место положительная динамика всех трех составляющих – рост хозяйственной активности приводит к росту бюджетной самообеспеченности и возможности улучшить социальные условия в регионе.

Снижение показателей хозяйственного блока во 2-й подгруппе для большинства субъектов РФ компенсировалось ростом показателей бюджетного блока.

Т а б л и ц а 3

Изменения индексов рейтинга в группе III

Субъект РФ	Прирост 2023 по сравнению с 2019			
	Блок 1 (социальный)	Блок 2 (хозяйственный)	Блок 3 (бюджетный)	Итоговый индекс
1	2	3	4	5
<i>Подгруппа 1</i>				
Ивановская область	0,03967	0,10354	0,02202	0,05530
Чувашская Республика	0,06569	0,06598	-0,03461	0,04572
Владимирская область	0,02428	0,04612	0,00905	0,02779
Хабаровский край	0,02624	0,04010	0,04368	0,03389
Камчатский край	0,03526	0,03996	-0,03867	0,02188
Новгородская область	0,05749	0,03595	0,01397	0,04233
Республика Марий Эл	0,03662	0,03510	-0,02605	0,02363
Тверская область	0,03404	0,02989	0,00976	0,02794
Волгоградская область	0,05232	0,02689	0,00191	0,03461
Республика Хакасия	0,06209	0,02633	-0,01392	0,03616
Республика Коми	0,02811	0,01486	-0,05922	0,00667
Пензенская область	0,05224	0,01259	0,04299	0,03849
Томская область	0,00240	0,01245	0,00859	0,00665
Республика Мордовия	0,02106	0,00938	-0,04804	0,00374
Костромская область	-0,01110	0,00810	0,03908	0,00470
Иркутская область	0,05492	0,00608	0,11402	0,05208
Калининградская область	0,02232	0,00155	0,28838	0,06930
<i>Подгруппа 2</i>				
Ярославская область	0,04970	-0,00492	-0,03624	0,01613
Саратовская область	0,02365	-0,00504	-0,00802	0,00871
Ставропольский край	0,01888	-0,01160	0,00812	0,00758
Республика Башкортостан	0,05994	-0,01265	0,03066	0,03230

Источник: составлено авторами по: [8–10].

О к о н ч а н и е т а б л . 3

1	2	3	4	5
Брянская область	0,01167	-0,01294	0,04076	0,01010
Забайкальский край	0,04283	-0,01934	0,06036	0,02768
Удмуртская Республика	0,03992	-0,02170	0,01458	0,01636
Кировская область	0,01630	-0,02272	-0,00060	0,00121
Орловская область	0,07632	-0,02309	0,26766	0,08476
Омская область	0,03875	-0,02332	0,02296	0,01697
Тамбовская область	0,01789	-0,02717	0,19017	0,03883
Приморский край	0,01424	-0,02835	0,01461	0,00154
Алтайский край	0,05367	-0,03416	0,04199	0,02498
Рязанская область	0,02462	-0,03806	0,00960	0,00281
Курская область	0,00825	-0,03877	0,05570	0,00363
Челябинская область	0,06956	-0,03892	0,03806	0,03072
Кемеровская область	0,04549	-0,03900	0,04046	0,01914
Республика Карелия	0,03591	-0,04190	0,02290	0,00997
Ульяновская область	0,02628	-0,04435	0,02490	0,00482
Тульская область	0,02085	-0,04628	0,03461	0,00346
Оренбургская область	0,07142	-0,05941	-0,00835	0,01622
Новосибирская область	0,03660	-0,06841	0,06349	0,01048

В четвертой группе субъектов РФ (средние значения индекса и тенденция к снижению) сокращение итогового индекса происходило на фоне роста индекса по социальному блоку (исключение — Архангельская область). Во всех регионах группы происходило сокращение индексов по хозяйственному и бюджетному блоку. Наиболее существенное падение бюджетного показателя имело место в Калужской и Смоленской областях. Хозяйственный блок наиболее значительно падал в Вологодской области и Севастополе (см. табл. 4).

В пятой группе субъектов РФ в целом повышательный тренд итогового индекса имеет место на фоне роста индекса социального блока. Индексы хозяйственного и бюджетного блоков имеют неоднозначную динамику. Только в 3 субъектах РФ наблюдалось повышение всех трех составляющих итогового индекса (Республики Калмыкия и Алтай, Карачаево-Черкесская Республика). В других регионах позитивный тренд итогового индекса обеспечивался динамикой индекса социального блока или хозяйственного, либо бюджетного блока (см. табл. 5).

Т а б л и ц а 4

Изменения индексов рейтинга в группе IV

Субъект РФ	Прирост 2023 по сравнению с 2019			
	Блок 1 (социальный)	Блок 2 (хозяйственный)	Блок 3 (бюджетный)	Итоговый индекс
Пермский край	0,0282	-0,0127	-0,0589	-0,0015
Самарская область	0,0324	-0,0205	-0,0646	-0,0029
Республика Адыгея	0,0669	-0,0953	-0,0441	-0,0040
Калужская область	0,0242	-0,0114	-0,1068	-0,0127
Смоленская область	0,0310	-0,0211	-0,1175	-0,0143
Архангельская область без автономного округа	-0,0041	-0,0246	-0,0367	-0,0168
Севастополь	0,0389	-0,1223	-0,0372	-0,0247
Астраханская область	0,0167	-0,0844	-0,0918	-0,0353
Вологодская область	0,0034	-0,1391	-0,0234	-0,0447

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Т а б л и ц а 5

Изменения индексов рейтинга в группе V

Субъект РФ	Прирост 2023 по сравнению с 2019			
	Блок 1 (социальный)	Блок 2 (хозяйственный)	Блок 3 (бюджетный)	Итоговый индекс
Курганская область	0,0705	-0,0157	0,0388	0,0383
Псковская область	0,0331	-0,0404	-0,0122	0,0020
Республика Калмыкия	0,0334	0,0245	0,0836	0,0408
Республика Бурятия	0,0408	-0,0650	0,0381	0,0085
Кабардино-Балкарская Республика	0,0647	0,0308	-0,0755	0,0265
Республика Алтай	0,0667	0,0394	0,0986	0,0649
Республика Дагестан	0,0214	-0,0185	-0,0037	0,0044
Карачаево-Черкесская Республика	0,0689	0,0175	0,0795	0,0556
Республика Северная Осетия – Алания	0,0825	-0,0911	-0,0066	0,0126
Чеченская Республика	0,0235	-0,0388	0,0381	0,0077
Республика Тыва	0,0186	0,0325	-0,0040	0,0182

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Во всех трех входящих в **шестую группу** субъектах РФ наблюдалось *сокращение индекса хозяйственного блока*. При этом в двух из них имело место повышение индекса социального блока. Если в Республике Крым поддержка социального блока на фоне снижения индекса хозяйственного блока была связана с показателями бюджетного блока (снижение индекса может быть интерпретировано как рост доли трансфертов в объемах финансирования бюджетных расходов), то в Еврейской автономной области такого не произошло. Выраженное снижение индекса хозяйственного блока происходило на фоне роста доли собственных доходов в объеме финансирования. Но снижение индекса хозяйственного блока было существенным и привело к общему сокращению итогового индекса (см. табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Изменения индексов рейтинга в группе VI

Субъект РФ	Прирост 2023 по сравнению с 2019			
	Блок 1 (социальный)	Блок 2 (хозяйственный)	Блок 3 (бюджетный)	Итоговый индекс
Республика Крым	0,01770	-0,13735	-0,00753	-0,03386
Республика Ингушетия	-0,02846	-0,02644	0,08836	-0,00449
Еврейская автономная область	0,03016	-0,10426	0,03590	-0,00902

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Таким образом, анализ динамики итогового индекса показал, что 67 субъектов РФ (80%) *имеют в целом положительную динамику* или повышательный тренд социально-экономического развития.

При этом:

- в группе с высокими значениями итогового индекса и с повышательным трендом выявлено 17 субъектов РФ, а с понижательным трендом – 6 субъектов РФ;
- в группе со средним итоговым индексом с повышательным трендом – 39 субъектов РФ, а с понижательным – 9;
- в группе с низким итоговым индексом с повышательным трендом 11 субъектов РФ, с понижательным – 3 региона.

Заключение

1. В 2023 г., как и в предшествующие годы, большинство субъектов РФ остаются в группах с неустойчивым трендом развития по всем трем составляющим итогового индекса – социальному, хозяйственному и бюджетному блокам.

Как и ранее, не просматривается выраженная связь между качеством социальной среды в субъекте РФ (социальный блок) и степенью хозяй-

ственной активности (хозяйственный блок). Включение в исследование бюджетного блока по-прежнему не дает однозначного ответа на причину такой зачастую разнонаправленной динамики. Сохраняется более высокая волатильность показателей хозяйственного блока по сравнению с показателями социального и бюджетного блоков отчасти вследствие учета в нем объема (а ранее — динамики) инвестиций.

2. Несмотря на два выраженных кризисных спада (2020 и 2022 гг.) в 2023 г. большинство субъектов РФ (67) превысили показатели 2019 г. Только в 19 регионах не были превышены доковидные значения. В 13 регионах произошло частичное восстановление после спада 2020 г. В 5 субъектах в 2023 г. отмечено некоторое превышение показателей предшествующего года.

3. Для большинства субъектов РФ падение индексов социального блока в 2022 г. было более значительным, чем в 2020 г. — сказывались меры поддержки, непосредственно направленные на решение социальных проблем во время пандемии, по сравнению с ситуацией начала СВО. В то же время в 2023 г. отчетливо просматривается позитивная динамика этих индексов после падения предшествующего года практически во всех регионах.

4. Просматривается растущая зависимость положительной динамики качества социальной среды субъектов РФ от федеральных бюджетных трансфертов. Для существенной части регионов именно за счет трансфертов удастся поддерживать позитивную динамику социального блока.

Зависимость социального блока от хозяйственной активности в регионах за очень редким исключением практически не просматривается.

Вопрос о зависимости условий и качества жизни в субъектах РФ (в интерпретации данного исследования — социальный блок) от степени и динамики хозяйственной активности в регионе (хозяйственный блок) может рассматриваться в двух аспектах. С одной стороны, обеспечение определенного качества жизни (определенного стандарта) в субъектах Федерации для всех граждан независимо от региона проживания является объективным требованием федеративного государства. Независимо от степени хозяйственной активности в субъекте Федерации его жители должны иметь доступ к качественным социальным услугам в широком значении. С другой стороны, обеспечение такого доступа независимо от состояния экономики региона фактически за счет ресурсов федерального бюджета приводит к формированию иждивенческих настроений их администраций и в долгосрочной перспективе к стагнации и ухудшению экономической ситуации в этом регионе.

Поиск и нахождение баланса между необходимостью обеспечения нормального состоянием социальной сферы и доступа к социальным услугам и сохранением стимулов к активизации хозяйственной деятельности в субъектах Федерации — одна из задач, на решение которой должна быть нацелена Стратегия пространственного развития.

Список литературы

1. Асеев, О.В., Зиядин, С.Т., Соколова, Л. Ю. Влияние размера ВВП страны на качество жизни населения // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 5. С. 12–20.
2. Крамин Т.В., Устюжанина Д.А. Влияние подушевого ВРП на качество жизни населения в регионах России // Экономика региона. Т. 20. № 1. С. 176–188.
3. Степанов В.С., Бобков В.Н., Шамаева Е.Ф., Одинцова Е.В. Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 4. С. 450–465.
4. Михеева Н.Н. Долгосрочные прогнозы регионального развития: анализ результатов и проблемы разработки // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5 (170). С. 24–38.
5. Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Валентей С.Д., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития экономик субъектов Российской Федерации. № 4. Июль 2022 г. Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. DOI: 10.21686/rating/2022
6. Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Валентей С.Д., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития экономик субъектов Российской Федерации. № 5. Июль 2023 г. Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. DOI: 10.21686/regions/5.2023
7. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития региональных экономик в России // Федерализм. 2022. Т. 27. № 2 (106). С. 177–220.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016–2023 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
9. Социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sep_region1.htm
10. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. Электронный бюджет. URL: <https://www.budget.gov.ru/>

References

1. Aseev, O.V., Ziiadin, S.T., Sokolova, L. Yu. Vliianie razmera VVP strany na kachestvo zhizni naseleniia [The Impact of the Country's GDP on the Quality of Life of the Population], *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the North Caucasus Federal University], 2019, No. 5, pp. 12–20. (In Russ.).
2. Kramin T.V., Ustiuzhanina D.A. Vliianie podushevogo VRP na kachestvo zhizni naseleniia v regionakh Rossii [The Impact of Per Capita GRP on the Quality of Life of the Population in the Regions of Russia], *Ekonomika regiona* [Regional Economy], Vol. 20, No. 1, pp. 176–188. (In Russ.).
3. Stepanov V.S., Bobkov V.N., Shamaeva E.F., Odintsova E.V. Postroenie modeli, svyazyvaiushchei indikator urovnia zhizni naseleniia s kompleksom pokazatelei sotsial'no-ekonomicheskoi politiki v regionakh Rossii [Construction of a Model Linking the Indicator of the Standard of Living of the Population with a Set of Indicators of Socio-Economic Policy in the Regions of Russia], *Uroven' zhizni naseleniia regionov*

Rossii [Standard of Living of the Population in the Regions of Russia], 2022, Vol. 18, No. 4, pp. 450–465. (In Russ.).

4. Mikheeva N.N. Dolgosrochnye prognozy regional'nogo razvitiia: analiz rezul'tatov i problemy razrabotki [Long-Term Forecasts of Regional Development: Analysis of Results and Development Problems], *Problemy prognozirovaniia* [Problems of Forecasting], 2018, No. 5 (170), pp. 24–38. (In Russ.).

5. Bakhtizin A.R., Borisova S.V., Valentei S.D., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiia ekonomik sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. N 4, Iiul' 2022 g. [Trends in the Development of Economies of the Constituent Entities of the Russian Federation, No. 4, July 2022]. Plekhanov Russian University of Economics. (In Russ.). DOI: 10.21686/rating/2022

6. Bakhtizin A.R., Borisova S.V., Valentei S.D., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiia ekonomik sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. N 5, Iiul' 2023 g. [Trends in the Development of Economies of the Subjects of the Russian Federation, No. 5, July 2023]. Plekhanov Russian University of Economics. (In Russ.). DOI: 10.21686/regions/5.2023

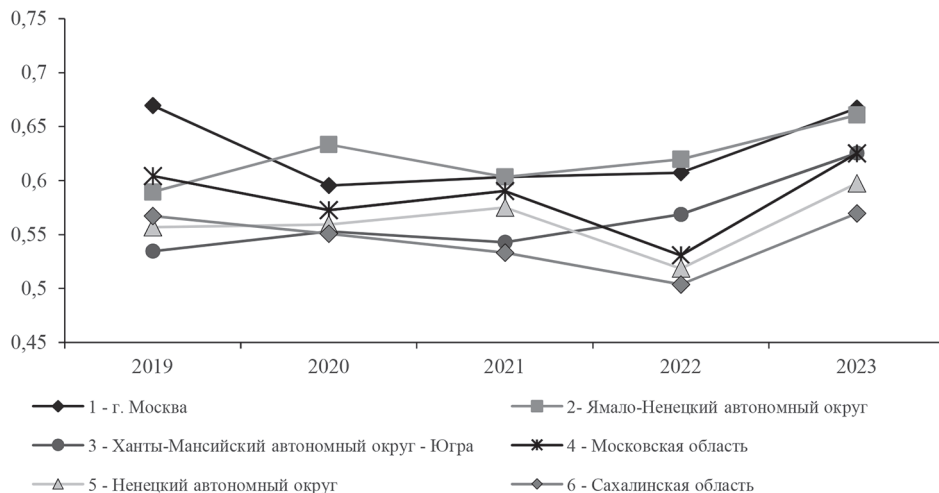
7. Valentei S.D., Bakhtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiia regional'nykh ekonomik v Rossii [Trends in the Development of Regional Economies in Russia], *Federalizm* [Federalism], 2022, Vol. 27, No. 2 (106), pp. 177–220. (In Russ.).

8. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2016–2023 gg. [Regions of Russia. Socio-economic Indicators. 2016–2023], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

9. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Socio-economic situation of the Constituent Entities of the Russian Federation], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sep_region1.htm

10. Edinyi portal biudzhethnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii. Elektronnyi biudzheth [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation. Electronic Budget]. (In Russ.). Available at: <https://www.budget.gov.ru/>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Группировка субъектов РФ по социальному блоку**Рис. 1. Динамика индекса социального блока регионов I группы**

Источник: составлено авторами по: [8–10].

*Т а б л и ц а 1***Регионы, мигрирующие между I и II группами**
(упорядочены по убыванию значения индекса в 2023 г.)

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023
1. Санкт-Петербург	0,54048	0,51093	0,52286	0,49506	0,56445
2. Краснодарский край	0,50352	0,51160	0,48062	0,48493	0,55580
3. Ленинградская область	0,49797	0,50104	0,49555	0,49696	0,55275
4. Тюменская область без автономных округов	0,50421	0,47436	0,45893	0,47127	0,54920
5. Республика Татарстан	0,47524	0,48085	0,47952	0,47904	0,54249
6. Магаданская область	0,51259	0,53202	0,48738	0,47687	0,54213
7. Республика Саха (Якутия)	0,49296	0,50250	0,49207	0,49052	0,52296
8. Камчатский край	0,46636	0,48520	0,47042	0,40712	0,50161
9. Чукотский АО	0,46175	0,51891	0,48823	0,48172	0,47629

Источник: составлено авторами по: [8–10].

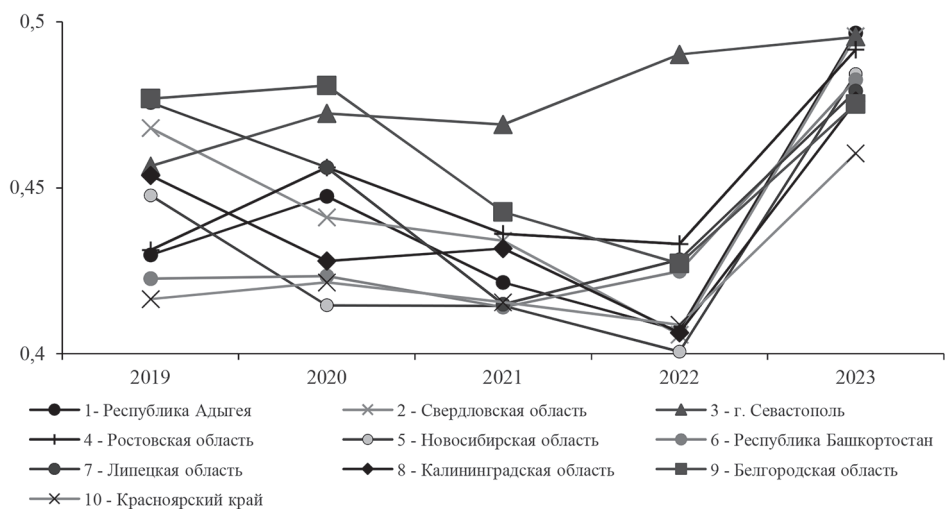

Рис. 2. Динамика индекса социального блока регионов II группы

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Т а б л и ц а 2

Регионы, мигрирующие между группами II и III
(упорядочены по убыванию значения индекса в 2023 г.)

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023
1	2	3	4	5	6
1. Хабаровский край	0,44925	0,44077	0,43427	0,38855	0,47549
2. Кабардино-Балкарская Республика	0,40362	0,39683	0,39776	0,40299	0,46828
3. Чувашская Республика	0,39587	0,40823	0,39747	0,37951	0,46156
4. Нижегородская область	0,41874	0,40387	0,39865	0,37871	0,46083
5. Челябинская область	0,39010	0,39915	0,40621	0,40059	0,45966
6. Самарская область	0,42642	0,41287	0,40722	0,38509	0,45880
7. Оренбургская область	0,38682	0,40759	0,38337	0,37906	0,45824
8. Калужская область	0,43402	0,44190	0,41631	0,36649	0,45822
9. Чеченская Республика	0,43378	0,42354	0,41115	0,39607	0,45730
10. Воронежская область	0,46867	0,45025	0,43209	0,37844	0,45405
11. Ярославская область	0,40335	0,40274	0,39591	0,38058	0,45305
12. Волгоградская область	0,39343	0,39877	0,37509	0,37735	0,44575
13. Тамбовская область	0,42527	0,44089	0,40628	0,39060	0,44316

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6
14. Амурская область	0,40308	0,39424	0,40531	0,38787	0,44302
15. Республика Северная Осетия – Алания	0,36041	0,36218	0,39161	0,37682	0,44293
16. Мурманская область	0,45128	0,44358	0,42596	0,38615	0,44173
17. Пермский край	0,41320	0,42164	0,39737	0,37176	0,44141
18. Саратовская область	0,41540	0,37944	0,35881	0,37321	0,43905
19. Ставропольский край	0,41987	0,40594	0,39406	0,38913	0,43875
20. Рязанская область	0,41332	0,37870	0,36806	0,36247	0,43794
21. Орловская область	0,36092	0,39029	0,36871	0,34570	0,43724
22. Пензенская область	0,38493	0,38155	0,37920	0,34636	0,43717
23. Курская область	0,42889	0,42249	0,40894	0,37937	0,43714
24. Тульская область	0,41490	0,39061	0,37769	0,38845	0,43575
25. Новгородская область	0,37635	0,35464	0,36477	0,35934	0,43384
26. Республика Дагестан	0,41107	0,43298	0,38467	0,41057	0,43248
27. Приморский край	0,41815	0,41346	0,40879	0,36730	0,43239
28. Удмуртская Республика	0,39222	0,39755	0,36665	0,37088	0,43214
29. Республика Карелия	0,39314	0,39787	0,37736	0,36921	0,42905
30. Ульяновская область	0,40163	0,39010	0,38291	0,36031	0,42791
31. Тверская область	0,39218	0,38847	0,35612	0,33335	0,42622
32. Республика Хакасия	0,36391	0,38460	0,37312	0,36479	0,42600
33. Брянская область	0,41200	0,41400	0,40312	0,35964	0,42367
34. Смоленская область	0,39220	0,37457	0,34258	0,37059	0,42317
35. Иркутская область	0,36823	0,37872	0,37052	0,35690	0,42314
36. Омская область	0,38173	0,37514	0,36371	0,36669	0,42048
37. Республика Марий Эл	0,38349	0,38097	0,37582	0,34626	0,42011
38. Республика Коми	0,39098	0,41723	0,38574	0,38048	0,41909
39. Астраханская область	0,40234	0,39806	0,36803	0,34737	0,41902
40. Томская область	0,41577	0,39293	0,38477	0,35522	0,41817
41. Псковская область	0,38428	0,37052	0,37045	0,33339	0,41742
42. Республика Бурятия	0,37614	0,39037	0,38010	0,37844	0,41698

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3	4	5	6
43. Республика Мордовия	0,39527	0,36987	0,36817	0,37532	0,41633
44. Республика Крым	0,39845	0,40482	0,38741	0,33434	0,41616
45. Владимирская область	0,38808	0,38006	0,35621	0,37284	0,41236
46. Кемеровская область	0,36638	0,37385	0,35513	0,34507	0,41187
47. Кировская область	0,39439	0,39922	0,35476	0,34948	0,41068
48. Карачаево-Черкесская Республика	0,33811	0,38358	0,37304	0,34817	0,40706
49. Республика Калмыкия	0,37251	0,39356	0,32785	0,34863	0,40588
50. Курганская область	0,33536	0,35125	0,32000	0,32315	0,40586
51. Алтайский край	0,34920	0,36778	0,34234	0,36503	0,40287
52. Вологодская область	0,39716	0,40925	0,35929	0,38074	0,40060
53. Архангельская область без автономного округа	0,40235	0,42769	0,38077	0,36044	0,39824

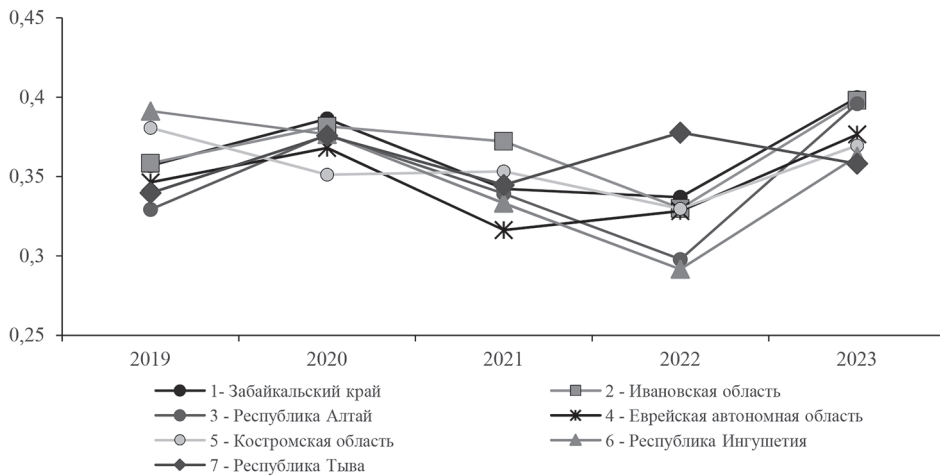
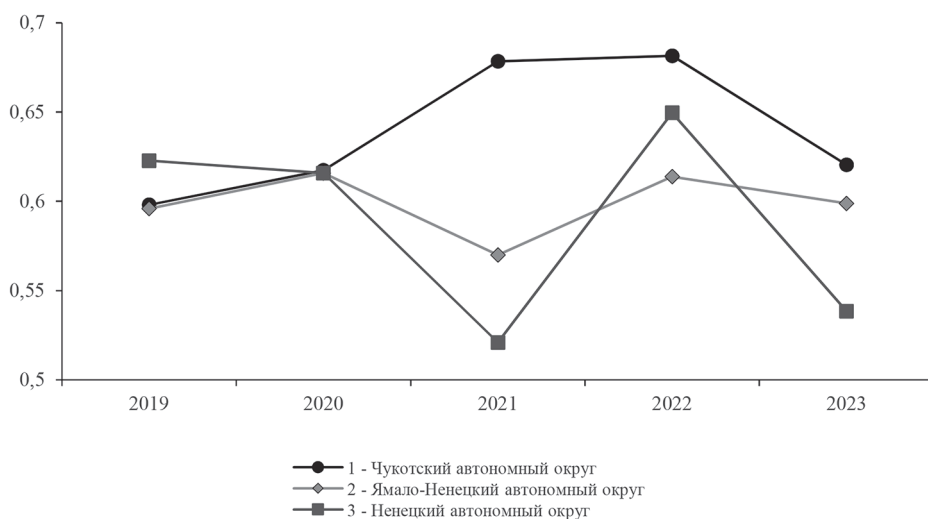

Рис. 3. Динамика индекса социального блока регионов III группы

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Группировка субъектов РФ по хозяйственному блоку**Рис. 4. Динамика индекса хозяйственного блока регионов I группы**

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Т а б л и ц а 3**Регионы, мигрирующие между I и II группами**
(упорядочены по убыванию значения индекса в 2023 г.)

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023
1. Амурская область	0,54370	0,44240	0,57432	0,63100	0,57114
2. Магаданская область	0,47305	0,43672	0,57853	0,56852	0,53421
3. Сахалинская область	0,52301	0,56917	0,45301	0,49944	0,52901
4. Москва	0,50369	0,48041	0,56533	0,54623	0,51334
5. Камчатский край	0,46351	0,43540	0,51579	0,55060	0,50347
6. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,50844	0,50942	0,44080	0,55409	0,44988
7. Мурманская область	0,41296	0,46023	0,54654	0,45362	0,44946
8. Иркутская область	0,43269	0,41975	0,42297	0,51538	0,43877
9. Республика Адыгея	0,50442	0,47081	0,45697	0,42588	0,40908

Источник: составлено авторами по: [8–10].

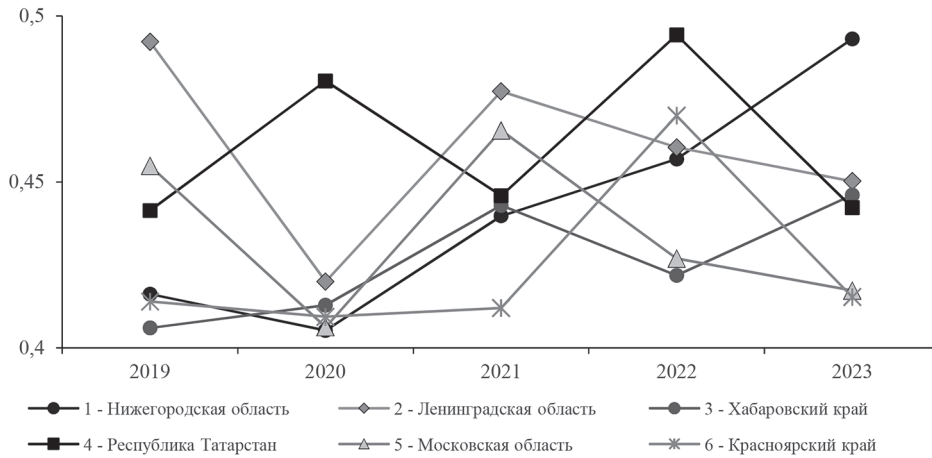

Рис. 5. Динамика индекса хозяйственного блока регионов II группы

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Т а б л и ц а 4

Регионы, мигрирующие между II и III группами
(регионы упорядочены по убыванию значения индекса в 2023 г.)

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023
1	2	3	4	5	6
1. Ростовская область	0,37662	0,38993	0,44125	0,43362	0,46420
2. Чувашская Республика	0,39776	0,36678	0,40028	0,48403	0,46374
3. Воронежская область	0,49168	0,39809	0,44824	0,45699	0,44077
4. Тверская область	0,40542	0,32519	0,33249	0,35143	0,43532
5. Республика Алтай	0,39413	0,39829	0,41016	0,46527	0,43355
6. Свердловская область	0,41548	0,39778	0,41916	0,41420	0,42748
7. Ставропольский край	0,43400	0,35868	0,46883	0,44031	0,42239
8. Ивановская область	0,31225	0,38266	0,39569	0,41399	0,41579
9. Калининградская область	0,40786	0,35574	0,39776	0,31040	0,40941
10. Белгородская область	0,42378	0,37684	0,42119	0,43235	0,40922
11. Краснодарский край	0,40254	0,38261	0,42722	0,42797	0,40665
12. Волгоградская область	0,37879	0,37600	0,37672	0,40794	0,40568
13. Пермский край	0,41778	0,37337	0,36694	0,43862	0,40511
14. Тюменская область без автономных округов	0,41936	0,33960	0,37392	0,44091	0,40475
15. Республика Башкортостан	0,41633	0,39299	0,40604	0,45271	0,40368

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5	6
16. Пензенская область	0,39099	0,36665	0,39494	0,41777	0,40358
17. Калужская область	0,41458	0,38748	0,43094	0,42869	0,40318
18. Республика Хакасия	0,37617	0,41689	0,36972	0,38451	0,40250
19. Самарская область	0,41937	0,38915	0,41379	0,46194	0,39891
20. Республика Мордовия	0,38881	0,34228	0,40274	0,40075	0,39819
21. Липецкая область	0,43428	0,38779	0,40836	0,42192	0,39615
22. Тульская область	0,44225	0,37249	0,45225	0,40729	0,39597
23. Карачаево-Черкесская Республика	0,37784	0,36545	0,45642	0,42447	0,39537
24. Ярославская область	0,39964	0,35438	0,41683	0,42399	0,39473
25. Удмуртская Республика	0,41251	0,40140	0,41501	0,40575	0,39081
26. Архангельская область без автономного округа	0,41519	0,39485	0,41235	0,41937	0,39062
27. Курская область	0,42663	0,39041	0,45459	0,41675	0,38786
28. Приморский край	0,41287	0,38117	0,42006	0,41889	0,38452
29. Республика Дагестан	0,40240	0,38713	0,42232	0,42995	0,38393
30. Новосибирская область	0,45206	0,41172	0,44268	0,41337	0,38365
31. Тамбовская область	0,41007	0,31932	0,36803	0,39532	0,38290
32. Омская область	0,40382	0,41916	0,36368	0,45679	0,38050
33. Брянская область	0,39278	0,37134	0,41272	0,37355	0,37984
34. Кемеровская область	0,41647	0,31319	0,35796	0,43756	0,37748
35. Костромская область	0,36937	0,35472	0,41978	0,38288	0,37747
36. Забайкальский край	0,39670	0,39286	0,39503	0,45685	0,37736
37. Курганская область	0,39300	0,36480	0,40147	0,42741	0,37727
38. Челябинская область	0,41594	0,38273	0,37648	0,41227	0,37702
39. Кировская область	0,39659	0,36901	0,40058	0,39123	0,37387
40. Ульяновская область	0,41797	0,39074	0,40143	0,39044	0,37363
41. Алтайский край	0,40690	0,38792	0,38103	0,39456	0,37274
42. Рязанская область	0,40730	0,38907	0,39814	0,39491	0,36925
43. Республика Калмыкия	0,34462	0,44014	0,31508	0,42880	0,36916
44. Республика Карелия	0,40625	0,38013	0,34902	0,46533	0,36435
45. Орловская область	0,38399	0,36714	0,41071	0,39948	0,36089
46. Республика Бурятия	0,42499	0,36093	0,41775	0,42872	0,35995

О к о н ч а н и е т а б л . 4

1	2	3	4	5	6
47. Оренбургская область	0,40903	0,37386	0,35436	0,39062	0,34962
48. Псковская область	0,36768	0,34945	0,40108	0,38724	0,32725
49. Еврейская автономная область	0,40636	0,32504	0,35052	0,30667	0,30210
50. Астраханская область	0,36691	0,33051	0,29572	0,43211	0,28252

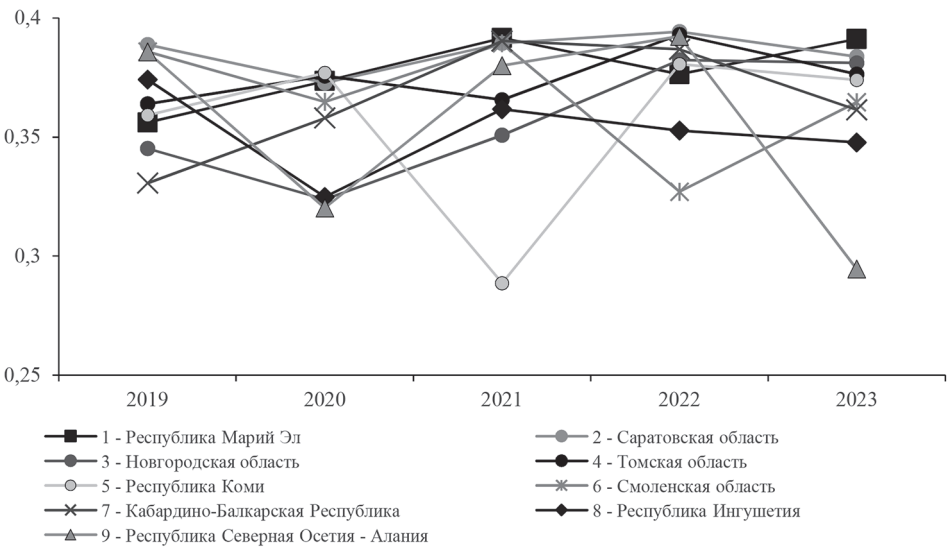

Рис. 6. Динамика индекса хозяйственного блока регионов III группы

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Т а б л и ц а 5

Регионы, мигрирующие между тремя группами
(упорядочены по убыванию значения индекса в 2023 г.)

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023
1. Республика Саха (Якутия)	0,54043	0,39933	0,48322	0,53742	0,51666
2. Владимирская область	0,39859	0,37878	0,39785	0,52478	0,44471
3. Севастополь	0,53297	0,39735	0,43913	0,48328	0,41062
4. Республика Крым	0,54368	0,45687	0,41292	0,37586	0,40633
5. Санкт-Петербург	0,50148	0,40235	0,47156	0,38708	0,40126
6. Чеченская Республика	0,42204	0,40651	0,51653	0,46630	0,38321
7. Вологодская область	0,50578	0,42085	0,37710	0,43380	0,36670

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Т а б л и ц а 6

Регионы, мигрирующие между двумя крайними группами

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023
1. Республика Тыва	0,35252	0,29736	0,36144	0,50327	0,38503

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Группировка субъектов РФ по бюджетному блоку

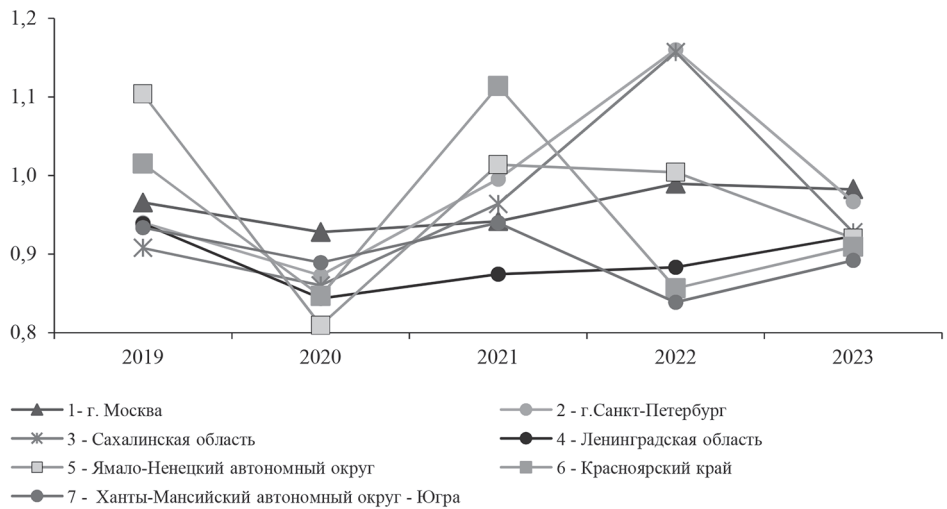

Рис. 7. Динамика бюджетного блока регионов I группы

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Т а б л и ц а 7

Регионы, мигрирующие между группами I и II
(упорядочены по убыванию значения показателя в 2023 г.)

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023
1	2	3	4	5	6
1. Тюменская область без автономных округов	1,03914	0,76736	1,03334	0,78847	0,95803
2. Орловская область	0,63466	0,54638	0,66857	0,62255	0,92339
3. Липецкая область	0,76108	0,72611	1,19924	0,79244	0,89852
4. Свердловская область	0,87102	0,74386	0,88876	0,85641	0,89778
5. Ненецкий АО	0,86482	0,63315	0,80787	0,90879	0,88333
6. Республика Коми	0,94711	0,66563	0,86399	0,93774	0,88322
7. Мурманская область	0,90190	0,86000	1,00407	0,70265	0,88262

Источник: составлено авторами по: [8–10].

О к о н ч а н и е т а б л . 7

1	2	3	4	5	6
8. Кемеровская область	0,83428	0,57890	0,94657	0,96713	0,87792
9. Новосибирская область	0,79808	0,69814	0,79022	0,80222	0,86657
10. Тульская область	0,82594	0,73296	0,79389	0,79055	0,86328
11. Челябинская область	0,82012	0,63651	0,93535	0,75429	0,86118
12. Иркутская область	0,73614	0,67800	0,83870	0,83479	0,85913
13. Пермский край	0,91817	0,65485	0,91570	0,77071	0,85465
14. Вологодская область	0,87687	0,69096	1,03526	0,85816	0,85166
15. Республика Татарстан	0,93170	0,71474	0,84951	0,81403	0,85047
16. Самарская область	0,90940	0,75142	0,86287	0,68080	0,83972
17. Нижегородская область	0,84561	0,70295	0,79379	0,75533	0,83613
18. Тверская область	0,82250	0,75625	0,74572	0,76546	0,83304
19. Курская область	0,75810	0,70066	0,83774	0,60195	0,81818
20. Ярославская область	0,85065	0,73831	0,83157	0,78023	0,81155
21. Воронежская область	0,77400	0,74707	0,83601	0,78480	0,80384
22. Приморский край	0,78714	0,64677	0,75200	0,70261	0,80290
23. Краснодарский край	0,95093	0,75474	0,88334	0,80658	0,79862
24. Оренбургская область	0,79772	0,64492	0,84228	0,75968	0,78872
25. Владимирская область	0,77305	0,72071	0,83094	0,70892	0,78282
26. Астраханская область	0,87315	0,61245	0,72312	0,75926	0,77412
27. Белгородская область	0,80245	0,74644	1,02480	0,68332	0,75248
28. Новгородская область	0,71243	0,58664	0,82068	0,82192	0,72750
29. Калужская область	0,83885	0,67135	0,79840	0,74955	0,72366
30. Республика Саха (Якутия)	0,71943	0,64429	0,80352	0,52416	0,67807
31. Московская область	0,82593	0,76889	0,92151	0,83812	0,65096
32. Смоленская область	0,77042	0,68909	0,85160	0,84637	0,64372

Источник: составлено авторами по: [8–10].

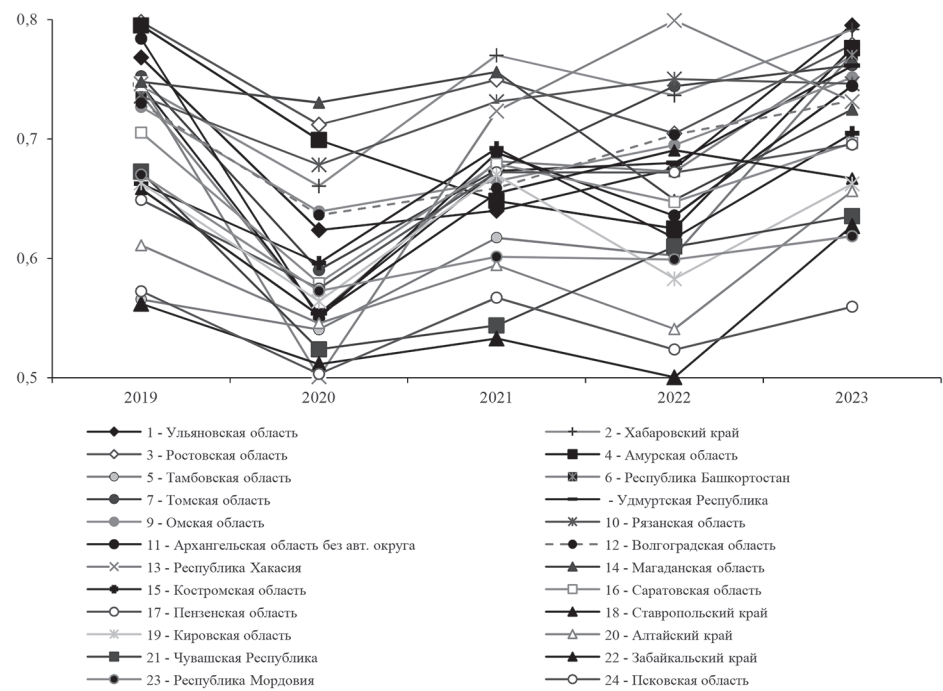

Рис. 8. Динамика бюджетного блока регионов II группы

Источник: составлено авторами по: [8–10].

Т а б л и ц а 8

Регионы, мигрирующие между группами II и III

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023
1. Калининградская область	0,42698	0,43331	0,54210	0,63498	0,73806
2. Республика Карелия	0,60998	0,47789	0,64347	0,52753	0,63468
3. Ивановская область	0,59824	0,49033	0,59818	0,61602	0,62200
4. Республика Марий Эл	0,61880	0,47475	0,56034	0,57293	0,59070
5. Еврейская автономная область	0,53766	0,41131	0,42008	0,40244	0,57639
6. Брянская область	0,52488	0,46671	0,53474	0,54103	0,56884
7. Курганская область	0,48070	0,45526	0,49722	0,49933	0,52261
8. Республика Калмыкия	0,42927	0,36345	0,45640	0,42456	0,51948
9. Республика Адыгея	0,52877	0,41745	0,50217	0,50909	0,48123
10. Чукотский АО	0,37543	0,69344	0,56834	0,36021	0,45364

Источник: составлено авторами по: [8–10].

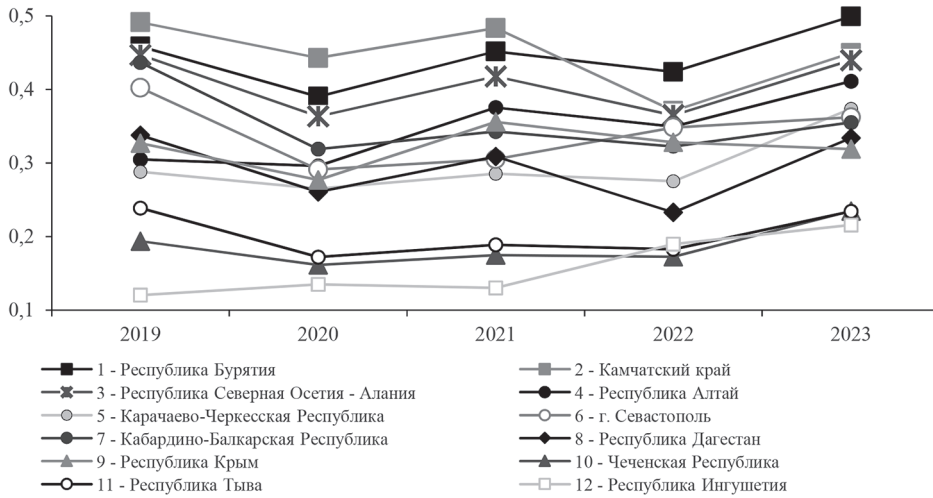

Рис. 9. Динамика бюджетного блока регионов III группы

Источник: составлено авторами по: [8–10].

DEVELOPMENT OF THE SOCIAL ENVIRONMENT AND ECONOMIC ACTIVITY IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Russian scientific publications regularly publish materials, the authors of which explore the differences in the levels of socio-economic development of Russian regions. The problem is considered in various aspects, including from the point of view of determining the ability of regional economies to meet the needs of the population living within the borders of the subjects of the Russian Federation. The article presents the results of the rating of the subjects of the Russian Federation for 2019–2023 on the basis of the author's methodology. With minor changes to the methodology, she continues a series of previously published papers. It is shown that during 2019–2023, for most subjects of the Russian Federation, there was an unstable trend in all three key components of the final index (social, economic, budgetary). There is no pronounced connection between the dynamics of the indicator of the Social Block and the degree of economic activity in the region. The vast majority of regions as a whole successfully overcame the crisis recessions of 2020 and 2022, but in 19 subjects of the Russian Federation the precarious values of the final index were not exceeded in 2023. The drop in the indices of the Social Block in 2020 was less significant than after the start of the support for the social sphere during the pandemic. In 2023, for most subjects of the Russian Federation, there was an upward trend in the Final Index and overcoming the recession associated with sanctions pressure. The response of the regions to this crisis varied, which was reflected in the different dynamics of all three components of the final index (Social, Economic and Budgetary blocks). A pronounced and growing dependence of the dynamics of the Social Block on federal transfers is shown both for regions with a downward trend in the index of the Economic block and for regions with an increase in economic activity.

Keywords: region, social environment, regional economy, economic activity, development trend.

JEL: H11, O20, R10, R11, R22

Дата поступления — 10.07.2024 г.

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала, руководитель Научно-исследовательского объединения; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.
e-mail: Valenty.SD@rea.ru

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.
e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

БОРИСОВА Светлана Валерьевна

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник лаборатории динамических моделей экономики и оптимизации; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.
e-mail: sv-borissova@yandex.ru

КОЛЬЧУГИНА Анастасия Владимировна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Института экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.
e-mail: vostokza@mail.ru

ЛЫКОВА Людмила Никитична

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

VALENTEY Sergey D.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Editor in Chief, Head of Research Association; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Plekhanov Russian University of Economics" / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.
e-mail: Valenty.SD@rea.ru

BAKHTIZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head; Federal State Budgetary Institute of Science Central Institute of Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences / 47, Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.
e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

BORISOVA Svetlana V.

Cand. Sc. (Physico-Mathematical), Senior Researcher of the Laboratory of Dynamic Models of Economics and Optimization;

Federal State Budgetary Institute of Science Central Institute of Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences / 47, Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.

e-mail: sv-borissova@yandex.ru

KOL'CHUGINA Anastasiya V.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of the Center for Federal Relations and Regional Development;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: vostokza@mail.ru

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: Lykoval@inecon.ru

Для цитирования:

Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Развитие социальной среды и хозяйственная активность в субъектах Российской Федерации // Федерализм. 2024. Т. 29. № 3 (115). С. 136–167. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-3-136-167>

Г.М. ЗИНЧУК, О.В. СПИЦЫНА

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

В последние годы Россия столкнулась с серьезными глобальными вызовами. Особого внимания в их числе требуют демографические вызовы, обусловленные естественной убылью населения, неоднозначностью миграционных процессов и их усугублением в связи с распространением коронавирусной инфекции, а также обострением внешнеполитической ситуации. Крупнейшие российские города — центры экономического роста с большим потенциалом решения задач по жизнеобеспечению региона. Важнейшим индикатором состояния и развития города как социально-экономической системы является изменение численности его населения. Динамика демографических и других социально-экономических показателей заслуживает детального анализа, изучения и учета при принятии стратегических решений. В последние 5 лет в исследуемых крупнейших городах — муниципальных образованиях преобладает тенденция естественной убыли населения, которая лишь частично компенсируется миграционным приростом. По большинству городов-миллионников прослеживается взаимосвязь между динамикой прироста населения (естественного и миграционного), уровнем средней заработной платы и качеством городской среды. В городах с миграционным оттоком необходимы меры по улучшению этих параметров. Поскольку во всех городах развита промышленность, в т.ч. в силу природных и исторических факторов, для обеспечения сбалансированного экономического развития важен систематический мониторинг соответствующих показателей, включая демографические, и детальный анализ причин негативных тенденций. Для обеспечения баланса спроса и предложения на рынке труда в части квалификационных, профессиональных требований и ожиданий предлагается реализация региональных программ, проектов с участием власти и бизнеса. В статье рассматривается динамика изменения численности населения крупнейших городов Российской Федерации, факторы и тенденции естественной убыли населения и миграционного прироста, проанализировано влияние демографических факторов на экономическое развитие города, продемонстрирована взаимосвязь между приростом населения, уровнем заработной платы и качеством городской среды, проведена оценка направлений специализаций крупнейших городов.

Ключевые слова: мегаполис, город, экономическое развитие, численность населения, социально-экономические показатели, демографические вызовы.

JEL: R58, R12, R23, J11

В последние годы Россия столкнулась с серьезными демографическими вызовами. Во-первых, происходит снижение рождаемости в связи с последствиями демографических провалов прошлых десятилетий, которое привело к сокращению числа потенциальных родителей. Во-вторых, отмечается нестабильность рынка труда и экономической ситуации, вынуждающая молодых людей отказываться от репродуктивных намерений или откладывать рождение детей на более поздние годы. В результате *негативно меняется структура населения*, происходит демографическое старение и, как следствие, преобладает тенденция естественной убыли. Отдельного внимания заслуживают миграционные процессы и связанные с ними вызовы.

Демографические вызовы важно учитывать при управлении экономическим развитием регионов и муниципальных образований, разработке документов стратегического планирования, применении эффективных адаптационных механизмов. И особое место в решении этой задачи принадлежит крупнейшим городам (мегаполисам).

Являясь центрами экономического роста и связующими элементами экономических процессов, мегаполисы формируют общий каркас расселения и играют важнейшую роль в социально-экономическом развитии регионов и страны в целом. Мегаполисы имеют ряд неоспоримых преимуществ. Их характеризует более высокое качество жизни, применение технологических новаций, возможность трудоустройства и самореализации в различных сферах. В свою очередь эти особенности оказывают существенное влияние на демографические тенденции.

Динамика численности населения крупнейших городов

Проанализируем динамику численности населения городов-миллионеров, имеющих статус региональных столиц-муниципальных образований, за последние 5 лет (2019–2024 гг.)¹.

В *таблице 1* показано, что в целом численность населения крупнейших городов на начало 2024 г. по сравнению с 2019 г. *увеличилась* на 407,3 тыс. чел., или на 2,4% (свернутое сальдо). В разрезе городов наблюдается как ее увеличение (по 9 городам суммарно на 559,1 тыс. чел.), так и сокращение (по 5 городам – на 151,8 тыс. чел.). Наиболее значимо численность населения выросла в Краснодаре (на 235,8 тыс. чел., или на 23,4%), в Красноярске (на 110,2 тыс. чел., или на 10,2 %), в Казани,

¹ По состоянию на начало года.

Екатеринбурге и Уфе (в пределах 4,2–5,3%), сократилась – в Омске (на 60,3 тыс. чел., или на 5,2%, а также в Нижнем Новгороде, Перми и Челябинске (в пределах 2,0–2,6%).

Т а б л и ц а 1

Динамика численности населения крупнейших городов

Город	Численность населения на начало года, тыс. чел.						Изменение 2024 к 2019	
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	тыс. чел	%
Воронеж	1 054,1	1 058,3	1 050,6	1 048,7	1 052,0	1 046,4	-7,7	-0,7
Краснодар	1 008,0	1 022,0	1 037,9	1 210,4	1 226,2	1 243,8	+235,8	+23,4
Волгоград	1 013,5	1 009,0	1 004,8	1 001,2	1 025,7	1 018,9	+5,4	+0,5
Ростов н/Д	1 133,3	1 137,9	1 137,7	1 142,2	1 136,0	1 140,5	+7,2	+0,6
Уфа	1 135,5	1 140,3	1 137,5	1 146,6	1 181,0	1 186,7	+51,2	+4,5
Казань	1 252,0	1 257,4	1 257,3	1 259,2	1 314,7	1 318,6	+66,6	+5,3
Пермь	1 054,0	1 055,4	1 049,2	1 032,5	1 027,0	1 026,9	-27,1	-2,6
Н. Новгород	1 261,8	1 271,8	1 263,7	1 253,0	1 237,1	1 228,7	-33,1	-2,6
Самара	1 156,6	1 156,7	1 144,8	1 136,7	1 163,7	1 159,0	+2,4	+0,2
Екатеринбург	1 515,8	1 526,4	1 527,5	1 525,7	1 583,3	1 580,2	+64,4	+4,2
Челябинск	1 200,7	1 196,7	1 188,0	1 186,3	1 182,5	1 177,1	-23,6	-2,0
Красноярск	1 096,1	1 094,5	1 093,6	1 193,9	1 197,7	1 206,3	+110,2	+10,0
Новосибирск	1 618,0	1 625,6	1 620,2	1 621,3	1 635,3	1 633,9	+15,9	+1,0
Омск	1 164,8	1 154,5	1 139,9	1 126,2	1 110,8	1 104,5	-60,3	-5,2
Итого	16 664,2	16 706,5	16 652,7	16 883,9	17 073	17 071	+407,3	+2,4

Источник: составлено авторами по: [1].

По динамике темпов прироста (сокращения) населения (см. табл. 2) можно выделить крупнейшие города, в которых отмечается преобладающая тенденция к росту численности населения (Краснодар, Волгоград, Ростов-на-Дону, Уфа, Казань, Самара, Екатеринбург, Красноярск, Новосибирск) и к его сокращению (Воронеж, Пермь, Челябинск, Омск). Для городов-миллионеров характерны периодические разнонаправленные изменения численности населения, вплоть до обретения, утраты и вновь обретения такого статуса (например, Волгоград, Пермь). При этом на динамику численности населения и статуса города оказывают влияние не только демографические факторы, но и такие, как *изменение административных границ*. Например, присоединение в 2010–2011 гг.

к Воронежу² и Волгограду³ сельских населенных пунктов, впоследствии преобразованных в городские микрорайоны, позволило мегаполисам получить статус миллионеров.

Т а б л и ц а 2

Темпы прироста (сокращения) населения крупнейших городов, %

Город	2020/ 2019	2021/ 2020	2022/ 2021	2023/ 2022
Воронеж	-0,7	-0,2	+0,3	-0,5
Краснодар	+1,6	+16,6	1+,3	+1,4
Волгоград	-0,4	-0,4	+2,4	-0,7
Ростов н/Д	0,0	+0,4	-0,5	+0,4
Уфа	-0,2	+0,8	+3,0	+0,5
Казань	0,0	+0,1	+4,4	+0,3
Пермь	-0,6	-1,6	-0,5	0,0
Н. Новгород	-0,6	-0,8	-1,3	-0,7
Самара	-0,2	+0,8	+3,0	+0,5
Екатеринбург	+0,1	-0,1	+3,8	-0,2
Челябинск	-0,7	-0,1	-0,3	-0,5
Красноярск	-0,1	+9,2	+0,3	+0,7
Новосибирск	-0,3	+0,1	+0,9	-0,1
Омск	-1,3	-1,2	-1,4	-0,6

Источник: составлено авторами по: [2].

Необходимо отметить, что в рассматриваемом периоде на изменение статистических показателей численности населения значимо повлияло уточнение данных по текущему учету, проведенное по итогам переписи населения 2021 г. Так, например, в Краснодаре численность населения уточнена на 125 тыс. чел. (12,8%), в Красноярске — на 85 тыс. чел. (7,7%), в Казани и Екатеринбурге — по 50 тыс. чел. (4 и 3,3% соответственно), в Самаре — на 36 тыс. чел. (3,2%) [3, с. 212–213].

² Закон Воронежской области от 24 декабря 2010 г. № 136-ОЗ «О реорганизации территориальных единиц городского округа город Воронеж в форме их присоединения к городу Воронежу».

³ Постановление Волгоградской областной Думы от 11 марта 2010 г. № 20/652 «О включении в состав города Волгограда населенных пунктов».

Влияние естественной убыли и миграционного прироста

Рассмотрим другие значимые факторы, оказывающие влияние на изменение численности населения крупнейших городов за последние 5 лет на примере влияния естественного и миграционного прироста (убыли).

Тенденции естественной убыли населения и миграционного прироста в разрезе крупнейших городов за последние 5 лет представлены на *рисунке 1*, где показано, что естественная убыль населения за 5 лет составила 267,2 тыс. чел., что на 59,1 тыс. чел. превышает миграционный прирост. Увеличение численности населения по состоянию на начало 2024 г. по сравнению с 2019 г. можно объяснить преимущественно уточнением учетных данных по итогам переписи населения.

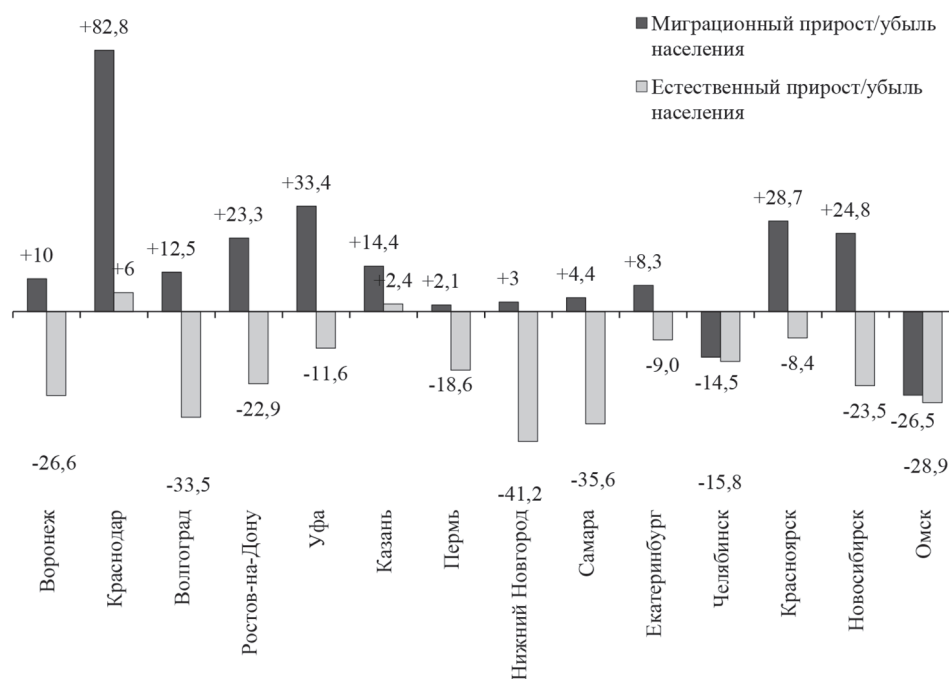

Рис. 1. Естественная убыль и миграционный прирост населения в крупнейших городах России

Источник: составлено авторами по: [4].

Таким образом, преобладающей тенденцией в исследуемых городах-миллионерах и существенным демографическим вызовом является естественная убыль населения (как следствие превышения числа умерших горожан относительно числа рожденных). Исключения составляют Краснодар (2019, 2020, 2022, 2023 гг.), Казань (2019, 2022, 2023 гг.), Екатеринбург, Уфа, Красноярск (2019 г.), где в отдельные годы отмечен естественный прирост населения. До начала распространения новой

коронавирусной инфекции *COVID-19* естественный прирост населения зафиксирован в 5 городах: Краснодаре (+4,0 тыс. чел.), Казани (+3,6 тыс. чел.), Екатеринбурге (+1,4 тыс. чел.), Красноярске (+0,9 тыс. чел.), Уфе (+0,2 тыс. чел.). Динамика показателей естественного прироста населения и миграции представлена в *таблице 3*.

Т а б л и ц а 3

Влияние естественного и миграционных приростов на динамику численности населения крупнейших городов, тыс. чел.

Город	Естественный и миграционный прирост (убыль) населения по годам									
	2019		2020		2021		2022		2023	
	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост
Воронеж	-2,3	+6,5	-5,3	-2,2	-9,6	+7,7	-4,8	-0,6	-4,6	-1,0
Краснодар	+4,0	+10,1	+1,9	+14,6	-1,8	+26,5	+0,3	+15,5	+1,6	+16,1
Волгоград	-3,9	-0,5	-7,4	+3,4	-10,6	+7,0	-6,1	+3,9	-5,5	-1,3
Ростов н/Д	-1,5	+6,1	-4,8	+5,2	-8,7	+5,7	-5,0	-1,1	-2,9	+7,4
Уфа	+0,2	+4,6	-3,8	+1,1	-5,6	+14,6	-1,3	+7,2	-1,1	+6,9
Казань	+3,6	+1,8	-0,8	+1,1	-2,4	+4,2	+0,8	+4,6	+1,2	+2,7
Пермь	-1,3	+2,8	-4,8	-1,3	-6,3	-0,1	-3,5	-1,8	-2,7	+2,5
Н. Новгород	-4,8	+3,5	-9,0	+1,2	-13,0	+2,3	-7,5	-2,4	-6,9	-1,6
Самара	-3,6	+3,7	-8,6	-3,0	-10,9	+2,8	-6,4	-0,5	-6,1	+1,4
Екатеринбург	+1,4	+9,2	-2,9	+4,3	-5,8	+4,0	-1,3	-6,4	-0,4	-2,8
Челябинск	-0,8	-3,3	-5,0	-3,3	-6,6	-2,1	-1,9	-1,8	-1,5	-4,0
Красноярск	+0,9	-2,4	-2,3	+1,5	-4,6	+14,8	-1,7	+5,5	-0,7	+9,3
Новосибирск	-0,8	+8,4	-6,2	+1,0	-8,3	+9,5	-4,7	+3,9	-3,5	+2,0
Омск	-2,6	-7,7	-7,0	-7,1	-9,3	-4,4	-5,3	-5,7	-4,7	-1,6
<i>Итого</i>	-11,5	+42,8	-66,0	+16,5	-103,5	+92,5	-48,4	+20,3	-37,8	+36,0

Источник: составлено авторами по: [5].

В 2021 г. (пик распространения *COVID-19*) во всех городах без исключения зафиксирована естественная убыль населения. Особенно высокие значения были отмечены в Нижнем Новгороде (-13 тыс. чел.), Самаре (-10,9 тыс. чел.), Волгограде (-10,9 тыс. чел.), Воронеже (-9,6 тыс. чел.),

Омске (-9,3 тыс. чел.) как следствие резкого увеличения числа умерших. На пике пандемии тенденции проявились наиболее остро, естественная убыль населения в городах достигла максимальных значений. Необходимо отметить, что, по данным Росстата об основных социально-экономических показателях городов за 2021 г. [6], в городах с наибольшей смертностью прослеживается тенденция *меньшей обеспеченности населения медицинским персоналом* (в Омске — 73,2 врача на 10 тыс. чел. населения, Волгограде — 76, Нижнем Новгороде — 80,2 при максимальном значении 99,7 — в Краснодаре) или *меньшей мощности медицинских учреждений* (в Омске — 304,8 посещений в смену на 10 тыс. чел. населения, в Воронеже — 306,4, в Самаре — 311,6, в Нижнем Новгороде — 319,9 при максимальном значении 432,7 — в Челябинске). Минимальные значения естественной убыли в этот период сложились в Краснодаре (-1,8 тыс. чел.), где показатели обеспеченности населения медицинским персоналом, а также стационарной и поликлинической помощью находятся на относительно высоком уровне (1, 2 и 4 место в ранге городов-миллионеров).

К 2023 г. в Краснодаре (+1,6 тыс. чел.) и в Казани (+1,2 тыс. чел.) возобновилась тенденция к естественному приросту населения, в Екатеринбурге (-0,4 тыс. чел.) и в Красноярске (-0,7 тыс. чел.) наблюдается естественная убыль, с динамикой к восстановлению баланса. Наибольшие значения естественной убыли населения зафиксированы в Нижнем Новгороде (-6,9 тыс. чел.), Самаре (-6,1 тыс. чел.), Волгограде (-5,5 тыс. чел.), Омске (-4,7 тыс. чел.), Воронеже (-4,6 тыс. чел.).

Прирост населения крупнейших городов обеспечивается за счет миграционных процессов. Суммарно за счет миграции, как внешней, так и внутренней, прирост населения составил 208,1 тыс. чел., с преобладанием роста международного миграционного притока населения, в основном из бывшего постсоветского пространства. Наиболее значимый миграционный прирост населения наблюдается в Краснодаре (+82,8 тыс. чел.), Уфе (+34,4 тыс. чел.), Красноярске (+28,7 тыс. чел.), Новосибирске (+24,8 тыс. чел.), Ростове-на-Дону (+23,3 тыс. чел.). Устойчивая тенденция к миграционному оттоку наблюдается в Омске (-26,5 тыс. чел.) и Челябинске (-14,5 тыс. чел.).

Миграционные процессы в исследуемых городах характеризуются разнонаправленностью (см. табл. 4). В целом при высоком миграционном приросте в Краснодаре, Уфе, Ростове-на-Дону преобладает прирост населения за счет потока в пределах страны, в Казани, Красноярске — за счет международной миграции. В Самаре, Екатеринбурге, Челябинске, Новосибирске, при оттоке населения из региона в пределах страны, растет приток зарубежных мигрантов. В Омске происходит сокращение населения за счет как внутренней миграции, так и международной.

Т а б л и ц а 4

*Динамика показателей миграционного прироста численности населения
крупнейших городов, тыс. чел.*

Город	Показатель	Годы					Миграционный прирост
		2019	2020	2021	2022	2023	
1	2	3	4	5	6	7	8
Воронеж	Миграция	+6,5	-2,2	+7,7	-0,6	-1,0	+10,4
	Внутренняя	+2,1	+0,1	+3,0	0,0	-1,2	+4,0
	Международная	+4,4	-2,3	+4,7	-0,6	+0,2	+6,4
Краснодар	Миграция	+10,1	+14,6	+26,5	+15,5	+16,1	+82,8
	Внутренняя	+5,9	+7,1	+17,5	+9,4	+11,8	+51,7
	Международная	+4,2	+7,5	+9,0	+6,1	+4,3	+31,1
Волгоград	Миграция	-0,5	+3,4	+7,0	+3,9	-1,3	+12,5
	Внутренняя	-1,6	+1,0	+3,8	+5,6	-2,4	+6,4
	Международная	+1,1	+2,4	+3,2	-1,7	+1,1	+6,1
Ростов н/Д	Миграция	+6,1	+5,2	+5,7	-1,1	+7,4	+23,3
	Внутренняя	+2,6	+1,4	+1,4	+0,4	+7,8	+13,6
	Международная	+3,5	+3,8	+4,3	-1,5	-0,4	+9,7
Уфа	Миграция	+4,6	+1,1	+14,6	+7,2	+6,9	+34,4
	Внутренняя	+3,7	+0,6	+9,7	+5,8	н/д	+19,8
	Международная	+0,9	+0,5	+4,9	+1,4	н/д	+7,7
Казань	Миграция	+1,8	+1,1	+4,2	+4,6	+2,7	+14,4
	Внутренняя	+1,3	+0,6	+0,1	+0,8	-0,3	+2,5
	Международная	+0,5	+0,5	+4,1	+3,8	+3,0	+11,9
Пермь	Миграция	+2,8	-1,3	-0,1	-1,8	+2,5	+2,1
	Внутренняя	+2,6	-1,0	-1,0	-1,0	+2,3	+1,9
	Международная	+0,2	-0,3	+0,9	-0,8	+0,2	+0,2
Н. Новгород	Миграция	+3,5	+1,2	+2,3	-2,4	-1,6	+3,0
	Внутренняя	+0,8	+1,0	+0,1	-0,4	-1,3	+0,2
	Международная	+2,7	+0,2	+2,2	-2,0	-0,3	+2,8

Источник: составлено авторами по: [4].

О к о н ч а н и е т а б л . 4

1	2	3	4	5	6	7	8
Самара	Миграция	+3,7	-3,0	+2,8	-0,5	+1,4	+4,4
	Внутренняя	-1,7	-3,3	-0,8	0,0	-0,5	-6,3
	Международная	+5,4	+0,3	+3,6	-0,5	+1,9	+10,7
Екатеринбург	Миграция	+9,2	+4,3	+4,0	-6,4	-2,8	+8,3
	Внутренняя	-0,8	+0,5	-1,2	-5,3	-5,7	-12,5
	Международная	+10,0	+3,8	+5,2	-1,1	+2,9	+20,8
Челябинск	Миграция	-3,3	-3,3	-2,1	-1,8	-4,0	-14,5
	Внутренняя	-5,5	-3,8	-6,0	-2,1	-5,3	-22,7
	Международная	+2,2	+0,5	+3,9	+0,3	+1,3	+8,2
Красноярск	Миграция	-2,4	+1,5	+14,8	+5,5	+9,3	+28,7
	Внутренняя	-3,1	-0,9	+5,4	+5,0	+6,1	+12,5
	Международная	+0,7	+2,4	+9,4	+0,5	+3,2	+16,2
Новосибирск	Миграция	+8,4	+1,0	+9,5	+3,9	+2,0	+24,8
	Внутренняя	+3,7	-0,5	-0,4	-3,6	-1,3	-2,1
	Международная	+4,7	+1,5	+9,9	+7,5	+3,3	+26,9
Омск	Миграция	-7,7	-7,1	-4,4	-5,7	-1,6	-26,5
	Внутренняя	-6,7	-4,9	-5,3	-4,1	-1,5	-22,5
	Международная	-1,0	-2,2	+0,9	-1,6	-0,1	-4,0
Итого	Миграция	+42,8	+16,5	+92,5	+20,3	+36,0	+208,1
	Внутренняя	+3,3	-2,1	+26,3	+10,5	+8,5 ^{*)}	+46,5 ^{*)}
	Международная	+39,5	+18,6	+66,2	+9,8	+20,6 ^{*)}	+154,7 ^{*)}

^{*)} Без учета данных по Уфе.

Миграционные вызовы

Миграционный прирост населения за счет международного потока частично компенсирует естественную убыль населения, что признается *вынужденно необходимым процессом* для обеспечения функционирования экономики страны. В общей сложности за десять лет, с 2011 по 2020 г., за счет естественной убыли население России сократилось более чем на 1,4 млн чел., приток мигрантов за этот период составил 2,4 млн чел. [7, с. 387].

Стратегическая значимость миграции подтверждается принятием государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих

за рубежом⁴, и реализация региональных программ переселения. К 2020 г. в программе приняло участие 80 субъектов Российской Федерации, за 10 лет в Россию переселились свыше 880 тыс. чел. Однако как результат пробуксовывания механизмов господдержки отмечается тенденция сокращения переселенческих процессов [8, с. 11–14].

Исследователи отмечают, что миграционная политика не в полной мере соответствует потребностям социально-экономического развития страны, ими поднимаются вопросы не только организации миграционного потока, но и необходимости привлечения лучших мигрантов — носителей профессионализма в актуальных направлениях деятельности для ассимиляции среди населения [9, с. 175, 177]. Отмечается, что в последние годы профессиональный уровень образования и подготовки приезжающих в Россию иностранных работников стал снижаться. За последние три года в потоке международных трудовых мигрантов доля лиц с высшим (в т.ч. незаконченным) образованием составляла от 6,0 до 11,5% (для сравнения — доля занятого российского населения с высшим профессиональным образованием в 2021 г. составила 34,7%), доля мигрантов с пониженным уровнем образования (средним общим образованием и ниже) составила 61,5% (доля занятого российского населения с аналогичным уровнем образования втрое ниже) [10, с. 195].

Следствием роста потока миграции и миграционного обновления населения *выявлена проблема деформации социального пространства*, демографические вызовы, риски угрозы сбалансированности и устойчивости регионального развития, такие как понижение трудового потенциала высокотехнологичного производства, изменение нагрузки на социальную инфраструктуру, смена социокультурных характеристик регионального и городских социумов [11, с. 101, 103]. Несбалансированность рынка труда, обострившаяся в результате сокращения трудоспособного населения, в т.ч. вследствие релокации россиян, избыточной смертности во время пандемии коронавируса, набора на контрактную службу и частичной мобилизации, проявляется:

- с одной стороны, нехваткой рабочей силы и достаточно большим числом вакантных рабочих мест (в сравнении с допандемийным периодом 2017–2019 гг. спрос на рабочую силу в российской экономике увеличился более чем на 16%; наибольшую потребность испытывают крупные и крупнейшие города в Московском регионе, Санкт-Петербурге и на юге страны, а также восточные территории, где реализуются крупные инвестиционные проекты при массовом оттоке населения);
- с другой стороны, несоответствием профессиональной или квалификационной подготовки существенной доли трудоспособного населения требованиям работодателей, особенно на предприятиях

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

промышленности (преимущественно машиностроения, металлообработки и легкой промышленности), а также строительства и транспорта [10, с. 191, 192, 195].

Тенденции и динамика миграционных процессов могут служить своего рода *индикатором* социально-экономической *привлекательности регионов*. В данном контексте следует обратить внимание на показатель миграционного прироста за счет миграции внутри страны. Как отмечают исследователи, внутренняя миграция в России имеет центростремительный характер. Наиболее привлекательными являются Центральный, Северо-Западный, Южный федеральный округа (преимущественно Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край), а также некоторые крупнейшие города. В то же время в число регионов, в которых произошло заметное сокращение населения в результате внутренней миграции, входят регионы, имеющие стратегическое значение (Сибирь, Дальний Восток) [12, с. 183].

Также отмечаются такие последствия центростремительной миграции, как пространственное сжатие заселенного пространства России с сильной поляризацией социально-экономического пространства [13, с. 6], значительные территориальные диспропорции в размещении населения России, влияющие на развитие региональных рынков труда [7, с. 388], перераспределение доходов бюджетов регионов в части налога на доходы физических лиц [14, с. 55].

Для сбалансированного развития территорий, снижения угроз экономической и социальной безопасности страны, адаптации к демографическим вызовам необходима последовательная региональная экономическая политика, нацеленная на развитие субъектов Российской Федерации и их административных центров. С учетом изложенного выше особого внимания требуют демографические процессы, баланс и *качество трудовых ресурсов*.

В целях устранения диспропорций на рынке труда между спросом на специалистов определенных профессий, уровнем квалификации, подготовленности и имеющимся предложением, рекомендуется активизировать мероприятия по обучению и подготовке кадров по востребованным и дефицитным направлениям. В качестве механизма реализации программ можно предложить разработку соответствующих региональных проектов, совместно реализуемых органами государственной власти региона, органами местного самоуправления, учебными заведениями, а также работодателями.

Демографические факторы экономического развития города

Исследователи представляют различные подходы к определению факторов развития городов: инвестиции в основной капитал и доходы местного бюджета [15, с. 453], первоначальная численность населения и среднемесячная заработная плата [16, с. 49], а в качестве критериев оценки условий проживания в городах предлагаются: качество городской

среды, соотношение стоимости жизни и доходов горожан, демографические процессы, качество социального пространства и др. [17, с. 186, 187].

Сопоставим тенденции внутренней миграции крупнейших городов (см. табл. 4) и динамики показателей индекса качества городской среды⁵ – инструментом для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования. Индексы качества городской среды по крупнейшим городам в динамике за 5 лет представлены в таблице 5.

Т а б л и ц а 5

**Ранжированные показатели индексов качества городской среды
крупнейших городов**

Город	Индекс качества городской среды по годам											
	2019		2020		2021		2022		2023		В среднем за 5 лет	
	Балл	Ранг	Балл	Ранг	Балл	Ранг	Балл	Ранг	Балл	Ранг	Балл	Ранг
Воронеж	164	9	176	9	184	10	198	11	213	8,9	187	9
Краснодар	209	1	223	1	225	1	232	1	225	3	222,8	1
Волгоград	159	11,12	159	13	163	13	173	13	180	13	166,8	13
Ростов н/Д	193	3,4	200	4	208	4	212	4	223	4	207,2	4
Уфа	182	6	189	6	204	5	208	6,7	220	5,6	200,6	6
Казань	201	2	204	2	210	2	216	2	226	2	211,4	2
Пермь	168	8	179	8	191	8	208	6,7	220	5,6	193,2	7
Н. Новгород	193	3,4	201	3	209	3	214	3	237	1	210,8	3
Самара	159	11,12	168	11	172	12	188	12	196	12	176,6	12
Екатеринбург	188	5	194	5	203	6	209	5	213	8,9	201,4	5
Челябинск	161	10	170	10	183	11	204	8,9	202	11	184	11
Красноярск	181	7	181	7	190	9	201	10	208	10	192,2	8
Новосибирск	158	13	166	12	195	7	204	8,9	219	7	188,4	10
Омск	106	14	113	14	127	14	154	14	161	14	132,2	14
Итого	173	—	180	—	190	—	201	—	210	—	191	—

Источник: составлено авторами по: [18].

⁵ Методика формирования индекса качества городской среды. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 г. № 510-р.

Индекс формируется на основе 6 типов городских пространств⁶ в соответствии с 6 критериям качества городской среды⁷. Он измеряет:

- параметры, описывающие город с точки зрения возможностей, предоставляемых его жителям;
- соответствие городских пространств международным принципам формирования городской среды.

Результаты формирования Индекса используются в реализации положений Указов Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁸.

Как показано в *таблице 4*, наибольший отток населения из крупнейших городов внутри страны за последние 5 лет наблюдается из Челябинска (-22,7 тыс. чел.) и Омска (-22,5 тыс. чел.). В этих же городах сложились *одни из самых низких индексов качества городской среды* (при ранжировании 14 крупнейших городов — 11-е и 14-е места соответственно). Примечательно, что по данным социологического опроса, Челябинск среди центров других региональных столиц более комфортным для жизни признали только 13% опрошенных жителей, покинуть город по различным причинам готовы до 40% опрошенных [11, с. 101]. Опрос среди молодых жителей Омска показал, что в другой регион России и в пределах Сибирского федерального округа готовы мигрировать 16 и 12% опрошенных соответственно, 10% респондентов намерены эмигрировать в другую страну, миграционные установки связаны с низкими заработными платами, ограниченными возможностями хорошо трудоустроиться и сделать карьеру в родном регионе [19, с. 67].

Действительно, сопоставление данных о динамике миграции и индексах качества городской среды показывает, что по ряду исследуемых городов наблюдается *взаимосвязь показателей* высокого уровня качества среды и миграционного притока. По городам, у которых суммарный индекс качества городской среды за последние пять лет сложился выше, чем в среднем по всем городам-миллионерам (т.е. 191 и более), наблюдается положительный миграционный приток. Например, такие тенденции выявлены в Краснодаре, Ростове-на-Дону, Уфе, Казани, Нижнем Новгороде, Красноярске, Перми.

Также по большинству городов-миллионеров *прослеживается взаимосвязь* между динамикой прироста населения (естественного и миграционного), уровнем средней заработной платы и качеством городской среды. Сопоставление рангов городов по этим показателям (1–14, чем удаленнее показатели от центра диаграммы, тем ниже рейтинг города) приведено на *рисунке 2* и в *таблице 6*.

⁶ Жилье и прилегающие пространства, озелененные пространства, общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства, социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства, улично-дорожная сеть, общегородское пространство.

⁷ Безопасность, комфортность, экологичность и здоровье идентичность и разнообразие, современность и актуальность среды, эффективность управления.

⁸ Методика // Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/#/methodology>

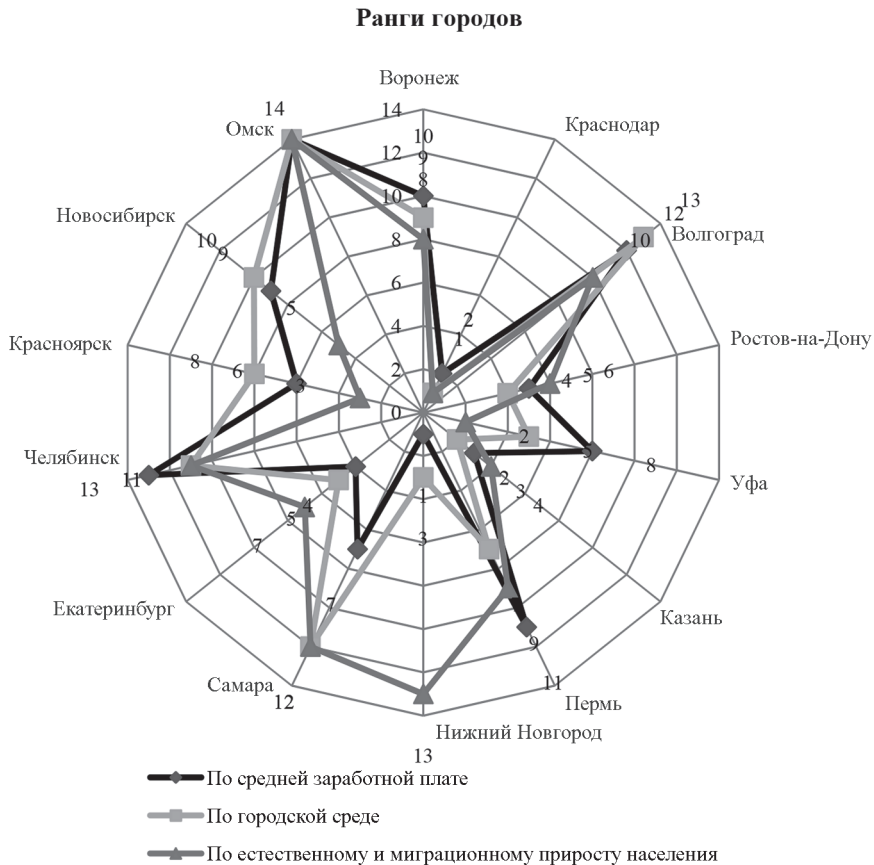

Рис. 2. Сопоставление рангов крупнейших городов по приросту населения, средней заработной плате и качеству городской среде

Источник: составлено авторами по: [4; 6; 18].

Помимо динамики демографических показателей естественного и миграционного движения населения крупнейших городов, представляет практический интерес анализ и мониторинг изменения состава населения, сбалансированности трудовых ресурсов и занятости населения города, а также значимых тенденций в данной сфере.

«Систематическое проведение профессиональных мониторингов, анализ и экспертные оценки новых трансформаций в трудовой сфере имеет сугубо практический вектор и отражается на траектории социально-экономического развития России» [20, с. 44]. К числу глобальных тенденций для рынка труда относят достойный труд, неполную занятость, структурную безработицу, гендерную асимметрию, профессиональную сегрегацию, структурную инфляцию, молодежный сегмент рынка труда [21, с. 84]. В качестве позитивных сторон сложившихся тенденций распределения труда и занятости для национального рынка труда отмечают рост качества национальной рабочей силы и ресурсные

возможности для технологизации производств; в качестве отрицательных — рост структурной инфляции в сфере услуг, рост структурной диспропорции в доходах между секторами экономики, усиление тенденций нехватки рабочей силы в социальной сфере [22, с. 147, 148].

Т а б л и ц а 6

Ранжирование крупнейших городов по приросту населения,
средней заработной плате и качеству городской среде

Город	Средняя заработная плата за 2023–2019	Изменение размера средней заработной платы 2023 к 2019		Средняя заработная плата за 2023–2019 ^{*)}	Ранг города		
		руб.	%		по заработной плате	по городской среде	по естественному и миграционному приросту
Воронеж	51 789,1	+23 740,2	+56,5	51 789,10	10	9	8
Краснодар	60 218,3	+26 312,4	+53,2	60 218,30	2	1	1
Волгоград	46 919,0	+20 372,4	+52,3	46 919,00	12	13	10
Ростов н/Д	57 363,6	+24 781,2	+52,2	57 363,60	5	4	6
Уфа	60 052,7	+23 494,2	+46,4	52 219,76	8	5	2
Казань	59 676,1	+30 143,9	+63,7	59 676,10	3	2	4
Пермь	58 636,9	+26 163,0	+54,3	50 988,59	11	7	9
Нижний Новгород	60 287,9	+26 351,5	+53,0	60 287,90	1	3	13
Самара	55 349,4	+23 182,6	+50,4	55 349,40	7	12	12
Екатеринбург	66 733,2	+29 760,9	+54,3	58 028,89	4	5	7
Челябинск	53 193,3	+24 942,0	+57,0	46 255,01	13	11	11
Красноярск	67 098,6	+29 313,3	+53,7	55 915,52	6	8	3
Новосибирск	61 524,0	+28 591,2	+57,0	51 270,02	9	10	5
Омск	51 834,9	+22 840,4	+53,2	45 073,84	14	14	14

Источник: составлено авторами по: [4; 6; 18].

^{*)} Скорректированная для сопоставимости с учетом районных коэффициентов (Новосибирск, Красноярск — 1,2; Омск, Челябинск, Екатеринбург, Пермь, Уфа — 1,15). В соответствии с частью 2 статьи 146, статьей 148 ТК РФ, труд работников, занятых на работах в местностях с особыми климатическими условиями, оплачивается в повышенном размере; оплата труда на работах в таких местностях производится в порядке и размерах не ниже установленных законами и иными нормативными правовыми актами.

Современные глобальные вызовы требуют оптимального распределения и эффективного использования трудовых ресурсов, без которых невозможно обеспечить адаптацию к новым условиям и экономическое развитие регионов. Анализ структуры населения крупнейших городов (см. табл. 7) по таким параметрам, как численность населения, численность трудоспособного населения, среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства), а также доли трудоспособного населения, работников организаций в общей численности населения, в динамике за последние 5 лет показал:

- изменение численности населения, численности трудоспособного населения и среднесписочной численности работников организаций имеет разнонаправленные векторы. Например, в Ростове-на-Дону сокращается численность трудоспособного населения (-2,9 тыс. чел.), но растет среднесписочная численность работников организаций (+5,9 тыс. чел.). В Воронеже, напротив, численность трудоспособного населения растет (+9,1 тыс. чел.), а среднесписочная численность работников организаций сокращается (-5,9 тыс. чел.);
- представляется важным не только проводить мониторинг изменений численности трудоспособного и занятого населения, но и анализировать динамику процессов в сопоставлении с изменением общей численности населения.

Соотношение показателей численности трудоспособного населения, численности работников организаций и численности населения крупнейших городов, а также их динамика позволяют увидеть *скрытые тенденции и риски*. Например, в Екатеринбурге и Красноярске в абсолютных значениях численность трудоспособного населения, а также занятого в организациях за последние 5 лет выросла (на 6,1 тыс. чел. и 5,8 тыс. чел. в Екатеринбурге и на 50,8 тыс. чел. и 1,3 тыс. чел. в Красноярске). Однако с учетом изменения численности населения складывается отрицательная динамика (-1,58 и -0,64% в Екатеринбурге; -1,51 и -2,25% в Красноярске). Аналогичная ситуация сложилась по показателю среднесписочной численности организаций (в абсолютном значении рост на 15,5 тыс. чел., в относительном — сокращение на 3,85%). Соответственно, при увеличении численности трудоспособного населения требуется детальный анализ достаточности рабочих мест и трудовых ресурсов.

Численность трудоспособного населения городов во многом зависит от реализуемой модели развития. Представляется логичным подход, согласно которому крупнейшие российские города, развивающиеся по индустриальной модели, имеют и способны реализовать свой потенциал для повышения качества жизни, могут сохранить и увеличить численность населения на своей территории за счет трансформации городской экономики на инновационной основе, положительных агломерационных эффектов, благоприятной городской среды, социализации городского пространства [23, с. 76, 86].

Т а б л и ц а 7

Динамика соотношений показателей численности трудоспособного населения, среднесписочной численности работников организаций и численности населения крупнейших городов

Город	Показатель	Доля в численности населения, %					Изменение 2023 к 2019	
		2019	2020	2021	2022	2023	доли, %	численности, тыс. чел
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Воронеж	Трудоспособное население	57,49	58,88	58,02	58,86	59,01	+1,52	+9,1
	Работники организаций	24,97	25,20	25,31	24,82	24,69	-0,28	-5,9
Краснодар	Трудоспособное население	57,53	58,10	50,30	58,23	57,72	+0,19	+130,0
	Работники организаций	28,40	29,09	25,41	25,02	24,58	-3,82	+15,5
Волгоград	Трудоспособное население	56,68	57,56	57,45	57,26	59,05	+2,37	+29,8
	Работники организаций	23,39	23,39	23,18	22,31	22,15	-1,24	-10,3
Ростов н/Д	Трудоспособное население	58,77	59,81	59,36	59,54	58,38	-0,39	-2,9
	Работники организаций	24,48	24,97	24,82	24,88	24,94	+0,46	+5,9
Уфа	Трудоспособное население	57,66	58,74	57,67	57,66	57,81	+0,15	+28,5
	Работники организаций	27,45	27,30	26,87	25,87	25,56	-1,89	-9,7
Казань	Трудоспособное население	55,97	56,71	56,17	54,71	56,41	+0,44	+40,0
	Работники организаций	26,69	26,54	26,33	25,43	25,46	-1,23	+0,1
Пермь	Трудоспособное население	57,03	58,33	58,72	58,03	57,43	+0,40	-12,1
	Работники организаций	26,12	25,87	26,21	26,31	26,47	+0,35	-3,8

Источник: составлено авторами по: [24].

О к о н ч а н и е т а б л . 7

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Н. Новгород	Трудоспособное население	55,94	57,61	57,42	58,88	56,30	+0,37	-19,6
	Работники организаций	30,47	31,17	31,39	31,31	31,39	+0,92	-1,8
Самара	Трудоспособное население	56,42	57,45	56,12	55,17	55,61	-0,81	+16,6
	Работники организаций	29,90	29,73	29,21	27,92	27,76	-2,14	-11,5
Екатеринбург	Трудоспособное население	57,74	58,84	58,57	57,20	56,17	-1,58	+6,1
	Работники организаций	29,71	29,30	29,64	28,66	29,07	-0,64	+5,8
Челябинск	Трудоспособное население	57,48	58,39	57,80	59,30	59,01	+1,53	+6,8
	Работники организаций	27,20	26,87	26,96	26,83	27,52	+0,31	-1,7
Красноярск	Трудоспособное население	61,31	61,31	55,75	60,48	59,80	-1,51	+50,8
	Работники организаций	25,44	25,37	23,37	23,30	23,20	-2,25	+1,3
Новосибирск	Трудоспособное население	57,96	59,09	58,46	58,93	58,64	+0,68	+15,9
	Работники организаций	24,07	24,16	23,90	23,74	23,92	-0,16	-0,6
Омск	Трудоспособное население	57,34	58,30	57,82	58,92	56,61	-0,73	-36,7
	Работники организаций	24,53	24,63	24,43	24,65	24,88	+0,35	-8,4

Исходя из актуальной повестки глобальных вызовов, в т.ч. демографических, необходимо прежде всего *обеспечить предотвращение экономических кризисов в крупнейших городах*. В этой связи считаем целесообразным применять системный подход, учитывать фактически сложившиеся тенденции развития экономики в динамике на разных этапах, выявлять риски и преимущества экономических систем, перспективы развития и применения адаптационных механизмов, в т.ч. с учетом функциональной специализации городов. По результатам анализа содержания стратегий социально-экономического развития крупнейших городов можно выделить следующие направления специализации (см. табл. 8).

Т а б л и ц а 8

**Основные направления специализации
крупнейших городов**

Город	Основные направления специализации города
1	2
Воронеж ^{*)}	Промышленность (машиностроение и металлообработка, химическая и нефтехимическая промышленность, авиастроительная, ракетно-космическая, производство строительных материалов, пищевая, легкая промышленность). Транспорт (пересечение потоков север — юг и запад — восток). Научный, образовательный, культурный центр
Краснодар ^{**)}	Промышленность (добыча полезных ископаемых, производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов, производство пищевых продуктов, машин и оборудования, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий). Транспорт, логистика. Сфера услуг и торговля. Строительство. Креативные и социальные индустрии (в т.ч. технологии умного и зеленого города, медицинский, образовательный кластеры)
Волгоград ^{***)}	Промышленность (производство нефтепродуктов, химическое, металлургическое производство, пищевая промышленность). Транспортно-логистический узел Юга России. Научно-образовательный комплекс. Историко-патриотический центр, туризм
Ростов н/Д ^{****)}	Промышленность (производство пищевых продуктов, машин и оборудования, прочих транспортных средств и оборудования). Транспорт (один из важнейших российских транспортных узлов). Научный и образовательный центр. Культура, в т.ч. современные формы и виды. Здравоохранение, в т.ч. персонифицированная медицина, телемедицина. Наука и образование, в т.ч. цифровизация. Туризм, в т.ч. в бизнес-сфере

Источник: составлено авторами по: данные правовых актов об утверждении стратегий, размещенные в системе Консультант Плюс.

^{*)} Решение Воронежской городской Думы от 19 декабря 2018 г. № 1032-IV «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития городского округа город Воронеж на период до 2035 года».

^{**)} Решение городской Думы Краснодара от 19 ноября 2020 г. № 4 п. 10 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Краснодар до 2030 года».

^{***)} Решение Волгоградской городской Думы от 25 января 2017 г. № 53/1539 «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Волгограда до 2034 года».

^{****)} Решение Ростовской-на-Дону городской Думы от 21 декабря 2018 г. № 603 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2035 года».

Продолжение табл. 8

1	2
Уфа ^{*)}	Промышленность (производство нефтепродуктов, химическая продукция, уникальные компетенции в части машиностроения и фармацевтики). Развитый научно-образовательный комплекс, нацеленный на инновационное развитие всех сфер жизнедеятельности населения города. Импортозамещение. Комфортная и экологичная среда, туризм
Казань ^{**)}	Промышленность (приборостроение, химическая промышленность, радиоэлектроника, оптическая и сверхвысокочастотная связь, производство фармацевтической продукции, пищевая промышленность, крупное и среднее машиностроение). Биотехнологии и высокотехнологичная медицина. Уникальное культурное пространство, сфера услуг, туризм
Пермь ^{***)}	Промышленность (ракетное двигателестроение, волоконно-оптические технологии, <i>IT</i>). Транспорт (пересечение транспортных коридоров). Инновационный и высокотехнологичный потенциал
Н. Новгород ^{****)}	Промышленность (автомобилестроение, информационные технологии и телекоммуникации, оборонно-промышленный комплекс, химическая, фармацевтическая промышленность). Крупный деловой центр. Туризм, в т.ч. деловой и событийный
Самара ^{*****)}	Промышленность (авиакосмическое машиностроение, металлургическая и пищевая промышленность, нефтепереработка, электроэнергетика, строительство, транспортировка и хранение). Транспорт (транспортно-транзитный узел на пересечении потоков запад — восток). Креативные индустрии

^{*)} Решение Совета городского округа г. Уфа Республики Башкортостан от 19 декабря 2018 г. № 35/2 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2030 года».

^{**)} Решение Казанской городской Думы от 14 декабря 2016 г. № 2-12 «О Стратегии социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 года».

^{***)} Решение Пермской городской Думы от 22 апреля 2014 г. № 85 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 года», Решение Пермской городской Думы от 26 апреля 2016 г. № 67 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 года на период 2016–2020 годов и на 2021 год».

^{****)} Постановление администрации г. Нижнего Новгорода от 25 января 2017 г. № 190 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Нижнего Новгорода на 2017 — 2022 годы».

^{*****)} Решение Думы городского округа Самара от 26 сентября 2013 г. № 358 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития городского округа Самара на период до 2025 года».

О к о н ч а н и е т а б л . 8

1	2
Екатеринбург ^{*)}	Промышленность (машиностроение, высокая концентрация предприятий ОПК, приборостроение, производство медицинской техники, энергетического и электротехнического оборудования, строительных материалов и оборудования). Транспорт (логистический узел на Транссибирской магистрали). Научно-образовательный центр
Челябинск ^{**)}	Промышленность (сенсорика и автоматика, межмашинное взаимодействие, электротехника, нефтемаш, спецтехника, переработка пищевых продуктов). Технополис, инновационный и образовательный центр. Медицинский туризм. Отраслевой консалтинг
Красноярск ^{***)}	Промышленность (цветная металлургия, машиностроение, химическая промышленность, производство строительных материалов). Научно-образовательный, деловой центр. Медицина. Транспорт (транспортно-логистический центр)
Новосибирск ^{****)}	Промышленность (производство транспортных средств и оборудования, пищевых продуктов, электронных и оптических изделий, металлургическое производство, производство готовых металлических изделий). Научно-инновационный центр, уникальная инновационная продукция (наноматериалы, оптические системы). Научно-образовательный центр мирового уровня. Современные медицинские и фармацевтические технологии
Омск ^{*****)}	Промышленность (производство кокса и нефтепродуктов, химическое производство, пищевая промышленность). Крупный транспортный узел

^{*)} Решение Екатеринбургской городской Думы от 10 июня 2003 г. № 40/6 «О Стратегическом плане развития Екатеринбурга».

^{**)} Решение Челябинской городской Думы от 29 июня 2021 г. № 20/2 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Челябинска на период до 2035 года» (вместе со «Стратегией социально-экономического развития города Челябинска на период до 2035 года»).

^{***)} Решение Красноярского городского Совета депутатов от 18 июня 2019 г. № 3-42 «О стратегии социально-экономического развития города Красноярска до 2030 года».

^{****)} Решение Совета депутатов г. Новосибирска от 24 декабря 2018 г. № 726 «О стратегии социально-экономического развития города Новосибирска на период до 2030 года и признании утратившими силу отдельных решений городского Совета Новосибирска, Совета депутатов города Новосибирска».

^{*****)} Решение Омского городского Совета от 19 декабря 2018 г. № 101 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Омска до 2030 года».

Таким образом, *практически во всех городах* развита промышленность. В большинстве из них просматривается специализация, об-

условленная исторически сложившимися природными (производство нефтепродуктов, кокса и др.), историческими (постсоветское наследие оборонно-промышленного комплекса) и другими факторами. Поэтому в целях мониторинга динамики экономического развития крупнейших городов представляет интерес показатель «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» (см. табл. 9).

Из *таблицы 9* видно, что в исследуемом периоде заслуживает внимания отрицательная динамика показателя в Волгограде и Омске (резкое снижение показателя по сравнению с допандемийными значениями, почти на треть – на -28,6% и -27,6% соответственно), в Перми – менее существенное, но также отмечается снижение (-5,5%), в Красноярске наблюдается отрицательная динамика в 2023 г. по сравнению с 2022 г., и в целом значения в 2023 г. ниже среднего значения показателя за 5 лет. Соответственно необходимо выяснить причины снижения показателя (в т.ч. демографические, логистические, производственные и др.) и выработать мероприятия компенсационно-адаптационного характера.

Еще одним из ключевых показателей экономического развития крупнейших городов является показатель «Ввод в действие жилых домов». Динамика данного показателя приведена в *таблице 10*.

В целом строительство жилья в городах-миллионерах *идет достаточно высокими темпами*, по большинству городов – с увеличением по сравнению с допандемийным уровнем. По итогам 2023 г. по сравнению с 2022 г. наблюдается некоторое снижение показателя в Воронеже, Ростове-на-Дону, Челябинске. Однако обращает внимание, что, например, в Воронеже в целом за 5 лет показатели ввода жилья выше (1 012 890 м²), чем в среднем по 14 городам-миллионерам (983 743,8 м²) и сопоставимы по объемам с такими активно растущими и превышающими Воронеж по численности городами, как Уфа (1 006 679,4 м²) и Казань (1 071 373,8 м²).

В сопоставимых по численности с Воронежем Волгограде и Перми показатели ввода жилья практически в 2 раза ниже (447 637,4 м² и 650 789,6 м² соответственно). Поэтому помимо экономического аспекта здесь важно учитывать риски переуплотненности городского пространства, что в свою очередь требует применения эффективных инструментов экономического развития, научно обоснованных методов долгосрочного планирования всех составляющих жизнеобеспечения мегаполиса.

Для оценки направленности и пропорциональности экономического развития рассмотрим такие показатели, как «Ввод в действие жилых домов (Жилые здания, жилые помещения в нежилых зданиях и жилые дома, построенные населением)», «Объем платных услуг населению», «Оборот розничной торговли». В целях выявления общей направленности трендов по данным показателям и с учетом динамики численности населения произведем расчеты динамики показателей по годам (темпов прироста) в расчете на 1 жителя; для наглядности представим результаты на *рисунках 3 и 4*.

Т а б л и ц а 9

Динамика показателя отгрузки товаров собственного производства, выполнения работ и услуг собственными силами в крупнейших городах, млн руб.

Город	Отгружено товаров собственного производства						Изменение 2023 к 2019	
	2019	2020	2021	2022	2023	Среднее	млн руб.	%
Воронеж	326 638,5	368 539,6	423 259,0	442 009,0	497 577,1	411 604,6	+170 938,6	+52,3
Краснодар	495 887,8	651 048,2	525 221,7	551 083,8	640 254,7	572 699,2	+144 366,9	+29,1
Волгоград	797 733,6	671 927,4	486 510,3	546 027,3	569 570,2	614 353,8	-228 163,4	-28,6
Ростов н/Д	446 984,5	476 889,3	579 594,4	620 591,7	748 268,1	574 465,6	+301 283,6	+67,4
Уфа	1 329 804,4	1 095 861,0	1 416 497,3	1 490 609,3	1 614 348,3	1 389 424,1	+284 543,9	+21,4
Казань	649 769,6	639 675,6	793 872,5	952 479,3	1 086 249,0	824 409,2	+436 479,4	+67,2
Пермь	900 973,5	802 062,2	674 284,6	721 284,6	851 605,3	790 042,1	-49 368,2	-5,5
Н. Новгород	897 139,5	872 977,1	1 047 745,2	1 105 205,9	1 400 919,2	1 064 797,4	+503 779,7	+56,2
Самара	571 891,9	548 172,8	641 973,3	727 670,7	806 242,9	659 190,3	+234 351,0	+41,0
Екатеринбург	1 010 147,4	1 031 541,7	1 250 608,2	1 479 771,1	1 816 187,6	1 317 651,2	+806 040,2	+79,8
Челябинск	719 821,1	658 299,9	855 546,7	958 696,6	1 094 975,1	857 467,9	+375 154,0	+52,1
Красноярск	700 114,3	729 326,7	866 946,7	863 387,5	78 4405,8	788 836,2	+84 291,5	+12,0
Новосибирск	534 591,4	530 254,2	632 419,5	711 601,3	86 3850,5	654 543,4	+329 259,1	+61,6
Омск	1 110 118,9	1 003 335,7	1 063 186,5	683 298,4	803 792,4	932 746,4	-306 326,5	-27,6

Источник: составлено авторами по: [25].

Т а б л и ц а 10
Динамика показателя ввода в действие жилых домов в крупнейших городах, м²

Город	Ввод в действие жилых домов						Изменение 2023 к 2019	
	2019	2020	2021	2022	2023	Среднее	м²	%
Воронеж	1 216 793	1 047 072	955 258	883 512	961 815	1 012 890,0	-254 978	-21,0
Краснодар	1 850 014	1 869 777	2 617 031	3 010 739	3 284 773	2 526 466,8	+1 434 759	+77,6
Волгоград	411 687	442 835	450 125	399 302	534 238	447 637,4	+122 551	+29,8
Ростов н/Д	1 259 157	1 298 385	1 437 747	1 206 079	1 245 532	1 289 380,0	-13 625	-1,1
Уфа	720 381	772 993	1 167 785	1 169 880	1 202 358	1 006 679,4	+481 977	+66,9
Казань	1 014 407	884 735	1 253 506	874 478	1 329 743	1 071 373,8	+315 336	+31,1
Пермь	543 031	644 346	516 574	825 111	724 886	650 789,6	+181 855	+33,5
Н. Новгород	358 460	522 932	486 827	574 231	711 086	530 707,2	+352 626	+98,4
Самара	619 267	464 252	753 317	636 229	673 300	629 273,0	+54 033	+8,7
Екатеринбург ^{*)}	1 344 177	1 284 214	1 523 393	1 592 440	н/д	1 436 056,0	-1 344 177	+18,5
Челябинск	612 258	652 229	589 052	564 976	546 082	592 919,4	-66 176	-10,8
Красноярск	893 296	737 539	740 833	833 902	911 025	823 319,0	+17 729	+2,0
Новосибирск	1 061 263	1 328 834	1 259 353	1 298 220	1 880 070	1 365 548,0	+818 807	+77,2
Омск	307 533	346 036	426 388	424 949	441 961	389 373,4	+134 428	+43,7
Средние знач.	872 266	878 298,5	1 012 656	1 021 003	1 111 297,6	983 743,8	—	—

Источник: составлено авторами по: [26].

^{*)} Сравниваются данные за 2022 г. с 2019 г.

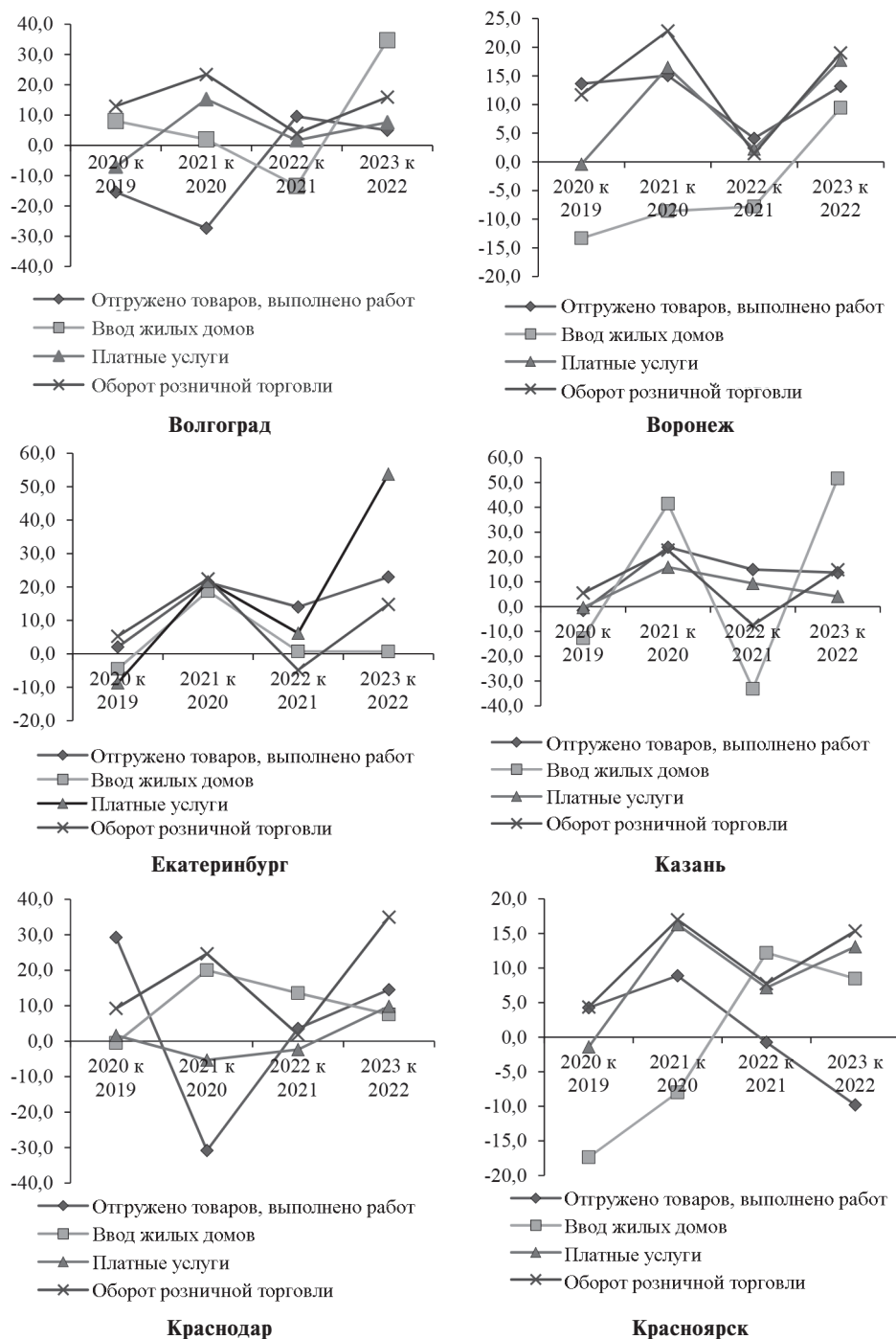

Рис. 3. Основные тренды отдельных показателей экономического развития Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Казани, Краснодара, Красноярска

Источник: составлено авторами по: [24–26].

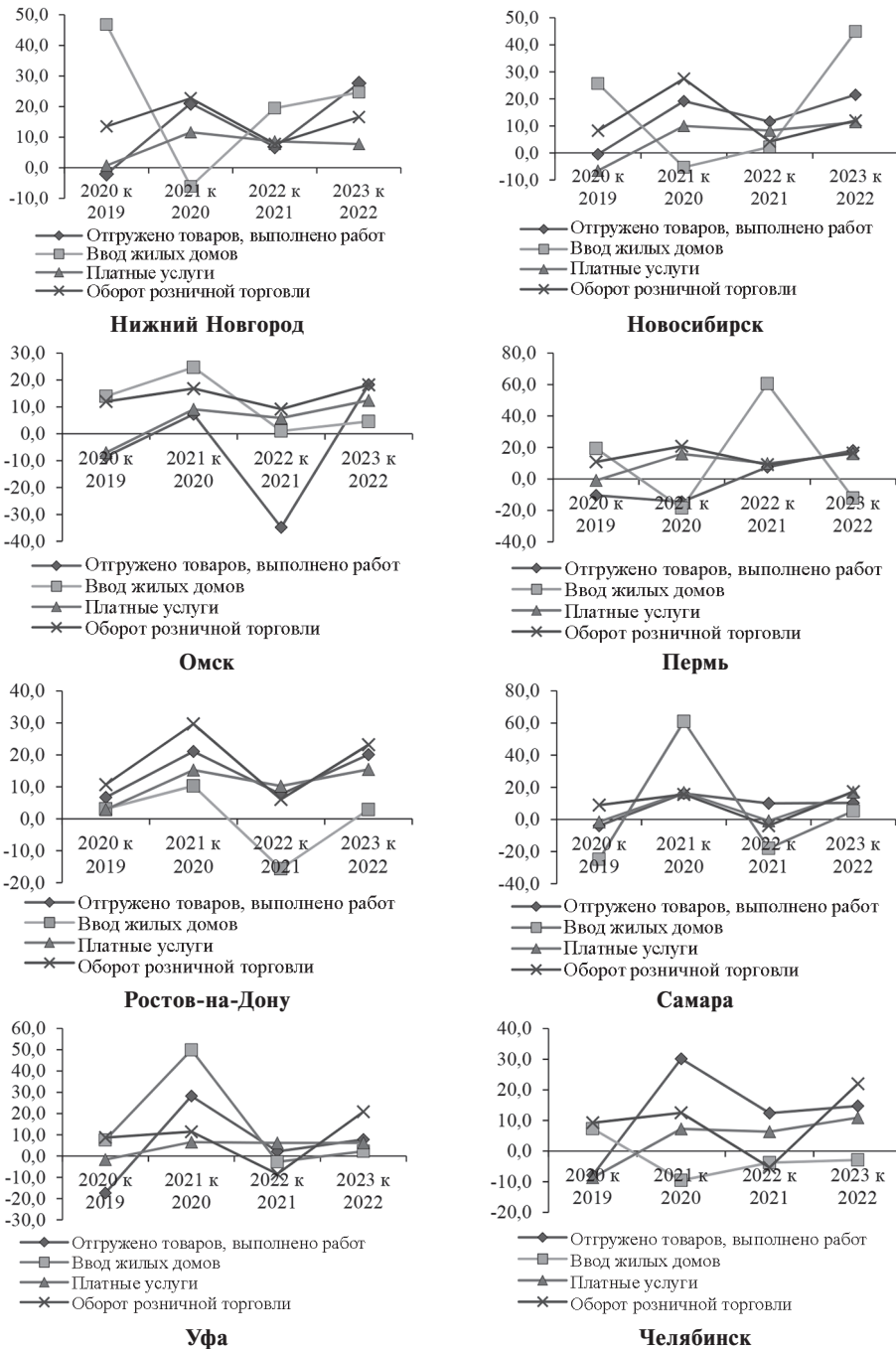

Рис. 4. Основные тренды отдельных показателей экономического развития Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Перми, Ростова-на-Дону, Самары, Уфы, Челябинска

Источник: составлено авторами по: [24–26].

Представленная визуализация темпов прироста по таким важным показателям экономического развития городов как «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами», «Ввод в действие жилых домов (Жилые здания, жилые помещения в нежилых зданиях и жилые дома, построенные населением)», «Объем платных услуг населению», «Оборот розничной торговли» позволяет наглядно представить основные тренды в динамике экономического развития городов. Полученные данные при выявлении выраженных нетипичных тенденций могут быть сигналом к детальному анализу в разрезе отраслей, видов экономической деятельности, предприятий, сегментов и др. и выработке адаптационных мер.

* * *

Демографические показатели являются важнейшим условием для обеспечения развития территорий. Как показал анализ, несмотря на более комфортные условия проживания, в некоторых крупнейших городах России наблюдается сокращение численности населения. Значимыми факторами изменения численности населения выступают естественная убыль и миграционные процессы. Миграционные потоки связаны с проблемой социального неравенства в городской и сельской местности, крупных и малых городах. Они являются индикаторами социально-экономической привлекательности регионов. Увеличение миграционных потоков наблюдается в городах Центрального, Северо-Западного и Южного федерального округа. Сокращение наблюдается в городах Сибири и Дальнего Востока. Наибольший отток населения из крупнейших городов внутри страны за последние 5 лет наблюдается из Челябинска. Эта тенденция сопровождается и снижением показателей индекса качества жизни.

Анализ структуры населения крупнейших городов России показал, что наблюдаются разнонаправленные векторы по изменению численности трудоспособного населения. При росте численности трудоспособного населения, а также занятого в организациях Екатеринбурга и Красноярска по показателю среднесписочной численности организаций наблюдается сокращение, что может свидетельствовать о дефиците рабочих мест в этих городах. Это обуславливает необходимость реализации инновационных инструментов для трансформации городской экономики и поддержания высокого уровня благоприятной городской среды.

Список литературы

1. Население. База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 31.08.2024).
2. Оценка численности населения на 1 января текущего года. База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государствен-

ной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 31.08.2024).

3. Дементьев В.С. Динамика численности населения крупнейших городов и городов-миллионеров России по итогам Всероссийской переписи населения 2021 г. // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Московский педагогический государственный университет, географический факультет, 16–17 мая 2024 г. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2024. С. 211–217.

4. Миграционный прирост. База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 31.08.2024).

5. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2022: статистический сборник / Росстат. 460 с. М., 2022.

6. Естественный прирост (убыль). База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 31.08.2024).

7. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский [и др.]. М.: Издательство Проспект, 2023. 448 с.

8. Красинец Е.С. Миграционная составляющая демографической динамики в развитии человеческого капитала современной России // Миграционное право. 2021. С. 11–14.

9. Долженко Р.А., Антонов Д.А. Миграции населения в Свердловской области: проблемы и решения // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 175–189.

10. Красинец Е.С. Трудовая миграция в Россию: тренды развития и последствия для рынка труда // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 12 (158). С. 189–198.

11. Гордеев С.С., Зырянов С.Г., Аверьянова Д.В. Визуализация миграционных процессов в городах Южного Урала: от трансформации социального пространства к его деформации // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 94–106.

12. Бардовский В.П., Плахова Л.В., Звягинцева Ю.А. Внутренняя трудовая миграция и ее влияние на региональные рынки труда // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 1 (47). С. 181–184.

13. Будилов А.П. Основные тренды внутренней миграции населения России // Вопросы территориального развития. 2019. № 4 (49). С. 5–9.

14. Трофимова Я. В. Доходы региона и внутренняя трудовая миграция // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 1 (163). С. 54–59.

15. Манаева И.В. Условия и факторы динамичного развития городов России: эмпирический анализ // Экономика промышленности. 2022. № 15 (4). С. 453–465.

16. Манаева И.В., Канищева А.В., Ткачева А.С. Детерминанты роста городов в России // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 4. С. 39–52.

17. Артемова О.В., Логачева Н.М. Развитие российских мегаполисов с ориентацией на человека: возможности и ограничения // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2021. Т. 16. № 2. С. 183–201.

18. Индекс качества городской среды // Национальные проекты России: жилье и городская среда. URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения: 31.08.2024).

19. Арбуз А.В., Широколобова О.С. Молодежная миграция в условиях регионального рынка труда (на материалах Омской области) // Siberian Socium. 2017. Т. 1. № 2. С. 61–71.

20. Волгин Н.А. Новые трансформации и изменения в современной трудовой сфере России — стимулы или тормозы развития? Постановка проблемы // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 4 (202). С. 43–46.
21. Гневашева В.А. Глобальные тенденции трансформации рынка труда // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 11. С. 84–91.
22. Гневашева В.А. Современные особенности рынка труда: предпосылки государственного регулирования // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 6А. С. 139–149.
23. Артемова О.В., Савченко А.Н., Ужегов А.О. Качество жизни в российских мегаполисах: поиск возможностей городского развития // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 76–89.
24. Занятость и заработная плата. База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 31.08.2024).
25. Деятельность предприятий. База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 31.08.2024).
26. Коммунальная сфера. База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 31.08.2024).

References

1. Naselenie. Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovani [Population. Database of Indicators of Municipalities], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (accessed 31 August 2024).
2. Otsenka chislennosti naseleniia na 1 ianvaria tekushchego goda. Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovani [Population Estimate as of January 1 of the Current Year. Database of Indicators of Municipalities], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (accessed 31 August 2024).
3. Dement'ev V.S. Dinamika chislennosti naseleniia krupneishikh gorodov i gorodov-millionerov Rossii po itogam Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2021 g. [Population Dynamics of the Largest Cities and Cities with Over a Million Residents in Russia According to the Results of the 2021 All-Russian Population Census]. *Sotsial'no-ekonomicheskaiia geografiia: teoriia, metodologiia i praktika prepodavaniia: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, geograficheskii fakul'tet*, 16–17 May 2024. Moscow, ООО “Sam Poligrafist”, 2024, pp. 211–217. (In Russ.).
4. Migratsionnyi prirost. Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovani [Migration Growth. Database of Indicators of Municipalities], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (accessed 31 August 2024).
5. Regiony Rossii. Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov. 2022: statisticheskii sbornik [Regions of Russia. Main Socio-Economic Indicators of Cities. 2022: Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2022, 460 p. (In Russ.).
6. Estestvennyi prirost (ubyl'). Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovani [Natural Increase (Decrease). Database of Indicators of Municipalities],

Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (accessed 31 August 2024).

7. Riazantsev S.V., Rostovskaia T.K., Arkhangel'skii V.N. et al. Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviakh stanovleniia novogo mirovogo poriadka: demograficheskaia situatsiia v 2022 godu [Russian Society and the State in the Context of the Formation of a New World Order: The Demographic Situation in 2022]. Moscow, Izdatel'stvo Prospekt, 2023, 448 p. (In Russ.).

8. Krasinets E.S. Migratsionnaia sostavliaiushchaia demograficheskoi dinamiki v razvitii chelovecheskogo kapitala sovremennoi Rossii [Migration Component of Demographic Dynamics in the Development of Human Capital in Modern Russia], *Migratsionnoe parvo* [Migration Law], 2021, pp. 11–14. (In Russ.).

9. Dolzhenko R.A., Antonov D.A. Migratsii naseleniia v Sverdlovskoi oblasti: problemy i resheniia [Population Migration in the Sverdlovsk Region: Problems and Solutions], *Narodonaselenie* [Population], 2021, Vol. 24, No. 4, pp. 175–189. (In Russ.).

10. Krasinets E.S. Trudovaia migratsiia v Rossiiu: trendy razvitiia i posledstviia dlia rynka truda [Labor Migration to Russia: Development Trends and Consequences for the Labor Market], *Regional'nye problemy preobrazovaniia ekonomiki* [Regional Problems of Economic Transformation], 2023, No. 12 (158), pp. 189–198. (In Russ.).

11. Gordeev S.S., Zyrianov S.G., Aver'ianova D.V. Vizualizatsiia migratsionnykh protsessov v gorodakh luzhnogo Urala: ot transformatsii sotsial'nogo prostranstva k ego deformatsii [Visualization of Migration Processes in the Cities of the Southern Urals: from the Transformation of Social Space to its Deformation], *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 2021, No. 4 (90), pp. 94–106. (In Russ.).

12. Bardovskii V.P., Plakhova L.V., Zviagintseva Iu.A. Vnutrenniaia trudovaia migratsiia i ee vliianie na regional'nye rynki truda [Internal Labor Migration and Its Impact on Regional Labor Markets], *Vestnik OrelGIET* [Bulletin of OrelGIET], 2019, No. 1 (47), pp. 181–184. (In Russ.).

13. Budilov A.P. Osnovnye trendy vnutrennei migratsii naseleniia Rossii [Main Trends of Internal Migration of the Russian Population], *Voprosy territorial'nogo razvitiia* [Issues of Territorial Development], 2019, No. 4 (49), pp. 5–9. (In Russ.).

14. Trofimova Ia.V. Dokhody regiona i vnutrenniaia trudovaia migratsiia [Regional Income and Internal Labor Migration], *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal* [Economy and Management: Scientific and Practical Journal], 2022, No. 1 (163), pp. 54–59. (In Russ.).

15. Manaeva I.V. Usloviia i faktory dinamichnogo razvitiia gorodov Rossii: empiricheskii analiz [Conditions and Factors of Dynamic Development of Russian Cities: Empirical Analysis], *Ekonomika promyshlennosti* [Industrial Economics], 2022, No. 15 (4), pp. 453–465. (In Russ.).

16. Manaeva I.V., Kanishcheva A.V., Tkacheva A.S., 2020. Determinanty rosta gorodov v Rossii [Determinants of Urban Growth in Russia], *Regional'naiia ekonomika. Iug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], Vol. 8, No. 4, pp. 39–52. (In Russ.).

17. Artemova O.V., Logacheva N.M. Razvitie rossiiskikh megapolisov s orientatsiei na cheloveka: vozmozhnosti i ogranicheniia [Human-Centered Development of Russian Megacities: Opportunities and Limitations], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia "Ekonomika"* [Bulletin of Perm University. Series "Economics"], 2021, Vol. 16, No. 2, pp. 183–201. (In Russ.).

18. Indeks kachestva gorodskoi sreds [Index of Urban Environment Quality], *Natsional'nye proekty Rossii: zhil'e i gorodskaiia sreda* [National Projects of Russia: Housing and Urban Environment]. (In Russ.). Available at: <https://indeks-gorodov.rf/#/> (accessed 31 August 2024).

19. Arbuz A.V., Shirokolobova O.S. Molodezhnaia migratsiia v usloviakh regional'nogo rynka truda (na materialakh Omskoi oblasti) [Youth Migration in the Conditions of the Regional Labor Market (Based on the Materials of the Omsk region)], *Siberian Socium* [Siberian Socium], 2017, Vol. 1, No. 2, pp. 61–71. (In Russ.).

20. Volgin N.A. Novye transformatsii i izmeneniia v sovremennoi trudovoi sfere Rossii – stimuly ili tormozy razvitiia? Postanovka problemy [New Transformations and Changes in the Modern Labor Sphere of Russia – Incentives or Brakes on Development? Statement of the Problem], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii* [Standard of Living of the Population of the Regions of Russia], 2016, No. 4 (202), pp. 43–46. (In Russ.).

21. Gnevasheva V.A. Global'nye tendentsii transformatsii rynka truda [Global Trends in Labor Market Transformation], *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)* [Alma Mater (Higher School Bulletin)], 2020, No. 11, pp. 84–91. (In Russ.).

22. Gnevasheva V.A. Sovremennye osobennosti rynka truda: predposylki gosudarstvennogo regulirovaniia [Modern Features of the Labor Market: Prerequisites for State Regulation], *Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra* [Economy: Yesterday, Today, Tomorrow], 2020, Vol. 10, No. 6A, pp. 139–149. (In Russ.).

23. Artemova O.V., Savchenko A.N., Uzhegov A.O. Kachestvo zhizni v rossiiskikh megapolisakh: poisk vozmozhnostei gorodskogo razvitiia [Quality of Life in Russian Megacities: Searching for Opportunities for Urban Development], *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 2021, No. 1 (87), pp. 76–89. (In Russ.).

24. Zaniatost' i zarabotnaia plata. Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovani [Employment and Wages. Database of Indicators of Municipalities], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (accessed 31 August 2024).

25. Deiatel'nost' predpriatii. Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovani [Activities of Enterprises. Database of Indicators of Municipalities], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (accessed 31 August 2024).

26. Kommunal'naia sfera. Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovani [Public Utilities. Database of Indicators of Municipalities], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (accessed 31 August 2024).

ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE MAJOR CITIES IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC CHALLENGES

In recent years, Russia has faced serious global challenges. Particular attention is required for demographic challenges, which are caused by natural population decline, ambiguous migration processes, and their exacerbation due to the spread of the coronavirus infection and subsequently the aggravation of the foreign policy situation. The largest Russian cities are centers of economic growth with significant potential for solving regional livelihood problems. An important indicator of the state and development of a city as a socio-economic system is the change in population size. The dynamics of demographic and other socio-economic indicators deserve detailed analysis and study. The results obtained must be considered when making strategic decisions and developing adaptation mechanisms. In the past five years, a natural population decline has prevailed in the studied largest municipalities, which is only partially offset by migration growth. In most cities with a population of over one million, there is a correlation between the dynamics of population growth (both natural and

migration), the average wage level, and the quality of the urban environment. In cities with migration outflow, measures are needed to improve these parameters. Since all cities have developed industries, including due to natural and historical factors, systematic monitoring of the relevant indicators and a detailed analysis of the reasons for negative trends, including demographic ones, are important for ensuring balanced economic development. To ensure the balance of supply and demand in the labor market in terms of qualification and professional requirements and expectations, the implementation of regional programs and projects with the participation of government and business is proposed. In the context of the economic development of the largest cities and adaptation to global challenges, it is proposed that government authorities, local governments, the scientific community, and businesses identify new promising specializations for cities, including the need to enhance import substitution and implement high-tech, science-intensive industries.

Keywords: major cities, economic development, population size, socio-economic indicators, demographic challenges.

JEL: R58, R12, R23, J11, O18

Дата поступления — 18.09.2024 г.

ЗИНЧУК Галина Михайловна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Zinchuk.GM@rea.ru

СПИЦЫНА Ольга Владимировна

Аудитор;

Контрольно-счетная палата городского округа город Воронеж / ул. Средне-Московская, д. 10, г. Воронеж, 394018.

e-mail: spicinaov@mail.ru

ZINCHUK Galina M.

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the Department of State and Municipal Administration;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: Zinchuk.GM@rea.ru

SPITSYNA Olga V.

Auditor;

Voronezh Chamber of Control and Accounts / 10, Sredne-Moskovskaya Str., Voronezh, 394018.

e-mail: spicinaov@mail.ru

Для цитирования:

Зинчук Г.М., Спицына О.В. Экономическое развитие крупнейших городов России в условиях демографических вызовов // Федерализм. 2024. Т. 29. № 3 (115). С. 168–199. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-3-168-199>

Требования к оформлению рукописей для авторов журнала «Федерализм»

По структуре. Статья должна быть структурирована, иметь подзаголовки и сноски. Объем рукописи для кандидатов и докторов наук должен составлять — от 40 000 до 50 000 печатных знаков, включая пробелы, для аспирантов — от 20 000 до 25 000 печатных знаков (раздел «Молодые ученые»). Оригинальность текста должна быть не менее 80%.

В сопровождении к статье должны быть **обязательно представлены** (отдельным файлом):

- фамилия, имя, отчество автора (авторов) на русском и английском языках;
- ученая степень, звание, должность, место работы на русском и английском языках, для аспирантов — название вуза;
- e-mail (публикуется в журнале как контактная информация автора);
- аннотация объемом 6—8 строк (100—250 слов) на русском языке; по своей структуре аннотация должна отражать содержание статьи, то есть кратко обосновывать актуальность выбранной темы, раскрывать основное содержание исследования и полученные автором результаты;
- ключевые слова к статье (5—7 слов на русском и английском языках);
- тематический классификатор Journal of Economic Literature (JEL);
- контактный **телефон** с кодом города, почтовый адрес с указанием индекса.

Требования к оформлению статьи. Текст статьи предоставляется в формате WORD (*.doc, *.docx). Основной текст печатается шрифтом Times New Roman 14 обычный, межстрочный интервал — 1,5, выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 1,25 см. Название раздела, пунктов и подпунктов печатается шрифтом Times New Roman 14 полужирный, наклонный, выравнивание по центру. Разделы отделяются от предыдущего раздела одной пустой строкой и от последующего текста также одной пустой строкой.

Ссылки на литературу — затекстовые. Печатаются шрифтом Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал — 1,0. Отступ — 1,25 см. Все ссылки указываются списком в конце статьи, нумерация в списке литературы — по мере упоминания источника в тексте. В тексте, в квадратных скобках, указывается порядковый номер ссылки и страница.

Ссылки на законодательные акты даются постранично. Примечания подстрочные (сквозная нумерация); размер шрифта примечаний — 12 при интервале 1. Нумерация таблиц, рисунков и формул (сквозная). Параметры страницы: верхнее поле — 2,0; нижнее поле — 2,5; левое поле — 2,0; правое поле — 1,5.

Принятые сокращения: год — г. годы — гг.; в том числе — в т.ч.; то есть — т.е.; так как — т.к.; тому подобное — т.п.; тысячи — тыс.; миллионы — млн; миллиарды — млрд; рубли — руб.; доллары — долл.; век — в.

Иностранные слова в тексте статьи выделяются курсивом.

Таблицы должны быть выполнены табличными ячейками Word. Шрифт Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал 1,0. Стремиться к тому, чтобы каждому пункту таблицы соответствовала своя ячейка (не пользуйтесь символами абзаца для смысловой разбивки строк). Выравнивание текста и цифр внутри ячеек необходимо выполнять только стандартными способами, а не с помощью пробелов, абзацев или дополнительных пустых строк. Не используйте в таблице выделение цветом, он «потеряется» при верстке.

Графики оформляются в черно-белом варианте, предпочтительно делать в Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с рисунком) или CorelDraw (не переводите текст в кривые, так как он всегда редактируется. Не импортируйте файлы в графических форматах в файл *.cdg и не экспортируйте файлы *.cdg в другие форматы). По возможности избегайте построения графиков в Word, так как их подготовка к верстке требует большой дополнительной работы. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word. Качество таких материалов в большинстве случаев непригодно для полиграфии.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных *списка литературы*. Один список (для русскоговорящих читателей) оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (*References*) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению. Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Требования к оформлению References см. на сайте журнала <https://federalizm.rea.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

За достоверность представляемых библиографических данных авторы несут ответственность вплоть до отказа в праве на публикацию.

Научный журнал
«Федерализм»
ISSN 2073-1051

2024
Том 29
№ 3
(115)

Scientific Journal
"Federalism"
ISSN 2073-1051

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»)

Основан в 1996 г.
Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-74878 от 11 февраля 2019 г.

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования

Подписка по каталогу
Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 72005

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Федерализм» обязательна.
Рукописи, не принятые к публикации, не
возвращаются.
Мнение редакции и членов редколлегии
может не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.

Редактор **Б.Ю. Соколова**
Технический редактор **Е.И. Аникеева**

Адрес редакции:
109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: **8 (495) 800-12-00, доб. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Подписано в печать 30.09.2024.
Формат 70x108 1/16
Печ. л. 12,75. Усл. печ. л. 17,85.
Уч.-изд. л. 15,91.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г.В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

© ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
2024

Founder
Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)

Founded in 1996
The edition is registered
in the Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI No. FS 77-74878 dated 11 February 2019

The journal was included in the List of leading
scientific journals and publications
of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by "Ural-Press" catalogue.
Index 72005

In case materials from "Federalism" are repro-
duced, the reference to the source is manda-
tory. Materials not accepted for publication are
not returned.
Opinions of editorial council and editorial
board may not coincide with those of the au-
thors of publications.

Editor **B.Iu. Sokolova**
Technical editor **E.I. Anikeeva**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.
Tel.: **8 (495) 800-12-00, ext. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Signed for print 30.09.2024.
Format 70x108 1/16
Printed sheets 12.75. Conv. sheets 17.85.
Publ. sheets 15.91.
Circulation 1,000. Order № .
Free price.

Printed in Plekhanov Russian University
of Economics,
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.

© Russian University of Economics,
2024